

БЕЛАРУСКАЯ АКАДЭМІЯ

Беларусь і СВЕТ

2022 № 2

Веснік Беларускай Акадэміі

Філасофія

Палітalогія і сацыялогія

Эканоміка і права

Гісторыя і культуралогія

Філалогія. Мовазнаўства

Педагогіка, псіхалогія, адукацыя

Беларусь і Свет

навуковы альманах

ФІЛАСОФІЯ

ЭКАНОМІКА І ПРАВА

ГІСТОРЫЯ І КУЛЬТУРАЛОГІЯ

ФІЛАЛОГІЯ. МОВАЗНАЎСТВА

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ, АДУКАЦЫЯ

№ 2 / 2022

СКЛАД РЭДКАЛЕГІІ

Адрас рэдакцыі: ul. Ciepła 40 lok. 15

15-472 Białystok. Polska

e-mail:biswba2020@gmail.com

ISBN 978-83-927045-3-9

ЗМЕСТ

МОВАЗНАЎСТВА

ПСІХАЛОГІЯ. ПЕДАГОГІКА. АДУКАЦЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

М. А. Можейко[1]

Субъект под сомнением, или приключения феномена *Я* в культуре XX-XXI вв.

Marina A. Mojeiko

Doubtful Subject, or Adventures of the I-Phenomenon in the Culture of the XX-XXI centuries.

Ключевые слова: постмодернизм, пост-постмодернизм, нарративная биография, анти-психологизм, «кризис идентификации», «смерть субъекта», «воскрешение субъекта», неоклассицизм.

Key words: postmodernism, post-postmodernism, narrative biography, anti-psychologism, “identification crisis”, “death of the subject”, “resurrection of the subject”, neoclassicism.

Резюме: В статье анализируется преодоление антипсихологизма, который был характерным моментом постмодернистской культуры. В данной статье рассматриваются две стратегии такого преодоления, предложенные философией. Вызванные этими стратегиями существенные преобразования в культуре привели к формированию новой культурной парадигмы – пост-постмодернистской, пересматривающей исходные принципы постмодернистской культуры и знаменующей поворот к неоклассицизму.

Abstract: The article analyzes the overcoming of anti-psychologism, which was the characteristic point of postmodern culture. This article discusses two strategies of such overcoming proposed by philosophy. Caused by these strategies substantial transformation in the culture led to the formation of a new cultural paradigm – the post-postmodern, revising the basic reason of postmodern culture and marks the turn to neoclassicism.

1. Невзгоды классического субъекта: как триумфальное шествие феномена Я привело к анти-психологизму

Визитной карточкой классической европейской культуры можно считать ее центрированность на феномене субъекта. Так, для классической философии западного образца именно оппозиция субъекта и объекта выступала той осью, вокруг которой выстраивалось все здание философских рассуждений. Аналогичным образом классическое искусство характеризовалось пристальным вниманием к внутреннему миру человека и осмыслению им своего места в мире. Точно так же право и мораль

[1] Белорусский государственный университет культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, Минск, Республика Беларусь.

опирались на четкие определения личности как субъекта свободного морального выбора, осуществляющего мотивированные поступки и несущего за них персонифицированную ответственность.

Однако такая прозрачная концепция субъективности ушла в прошлое вместе с классической культурой, и именно трансформации в понимании субъекта обусловили формирование таких масштабных эволюционными форм европейской культуры, как *модерн*, *постмодерн* и *пост-постмодерн*.

Становление неклассической науки и неклассической философии было ознаменовано в контексте европейской культуры интенцией на разрушение жесткого противостояния субъекта и объекта — как в контексте естественнонаучной познавательной традиции (формирование методологии Копенгагенской школы, основанной на радикальном отказе от идеи внеположенной позиции субъекта по отношению к приборной ситуации), так и в контексте традиции философской («кризис онтологии» XX века, приведший к экзистенциализации онтологической проблематики[1]).

Интересно, что исходно эта интенция питалась именно своего рода борьбой за интересы субъекта, то есть была ориентирована как раз на то, чтобы придать наиболее значимый статус его внутренним характеристикам. Рациональность субъект-объектного типа критикуется именно за недостаточное внимание к феномену субъективности: в фокус критики попадает, прежде всего, то, что в рамках субъект-объектной рациональности человек либо теряет свои субъектные качества, выступая функционально в качестве объекта изучения, либо редуцирует их, выступая в качестве субъекта деятельности по познанию или преобразованию объекта. В этом смысле развитие классического типа рациональности оценивается философией неклассического типа как угроза человеческому в человеке (Франкфуртская школа, М.Хайдеггер, философия техники в своем антитехницистском векторе: Л.Мэмфорд, Ф.Рапп, Х.Шельски и др.). Таким образом, неклассическая культура XX века формулирует программу создания нового типа рациональности, призванной вернуть субъекту приоритетное место в системе культурных ценностей.

В этом плане история европейской культуры XX–XXI вв., может быть рассмотрена как попытка реализации этой программы, которая, начавшись с идеи построения нового типа рациональности, центрированной на субъекте и субъективности, и последовательно переходя от одной модели

---

[1] М. А. Можейко. *Онтология*, [в:] *Всемирная энциклопедия: Философия XX век*, АСТ – Харвест, Современный литератор, Москва – Минск, 2002, с. 541-543.

субъективности к другой, в итоге парадоксальным образом привела к оформлению в культуре фигуры «смерти субъекта». По оценке А.Турена, если модернизм провозглашал идею ценности “Я”, то постмодернизм — идею его расщепления[1].

Транзитивность социокультурной ситуации, выступившая исходным культурным фоном складывания модернистской парадигмы в культуре, инспирировала акцент на проблеме самовыражения субъекта.

Данная парадигма прошла такие этапы своего разворачивания, как

1) исходная идея «выражения субъективных состояний» личности, сформулированная Л.Кирхнером как теоретиком экспрессионизма;

2) программа ауто-психоаналитической экспликации содержания сновидений в сюрреализме С.Дали;

3) эпатажная эстетика «ячества» в авангардистских «Ультраманифестах» Г. де Торре («…особенно близок герой, который мучительно тщится разгадать тайну собственного Я…»[2]);

4) художественная практика экспонирования автором себя как артефакта в концептуальном искусстве (от С.Дана в «авангарде новой волны» до Э.Гормли в современном искусстве).

Именно эта культурная тенденция подготовила те трансформации трактовке субъективности, которыми ознаменовалось формирование рациональности постнеклассического типа.

В контексте постмодернистской философской парадигмы разрушение классической субъект-объектной оппозиции, определявшей предметность и специфику философии как концептуальной системы, фундировано исходным постмодернистским отказом от самой идеи семантико-структурных оппозиций. Именно на радикальной критике бинаризма основан номадологический проект постмодернизма (Ж.Делез и Ф.Гваттари); Ж.Деррида предлагает фигуру «хоры» как феномена снятия «колебательных операций» бинаризма[3].

Речь не идет однако о простой негации в отношении мыслительных гештальтов, основанных на идее бинаризма, но о содержательном преодолении бинаристской парадигмальной фигуры как таковой. Как пишет

[1] A. Touraine *Critique de la modernite*, PUF, Paris, 1992, p. 116.

[2] Г. де. Торре *Ультраманифесты*, [в:] *Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века*, Прогресс, Москва,1986, с. 237-238.

[3] Ж. Деррида. *Хора*, [в:] *Социо-Логос постмодернизма. S/Л’97*, Институт экспериментальной социологии, Москва, 1996, с. 124.

Ж.Деррида, стратегия деконструкции должна «пытаться избежать простой нейтрализации бинарных оппозиций метафизики»[1], – как отмечает А.Истхоуп, «дерридианская деконструкция ... состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а … в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения»[2].

В постмодернистской системе отсчета традиционные для европейской культуры бинарные оппозиции (типа *субъект — объект, Восток — Запад, мужское — женское,* etc.) перестают выполнять роль несущих осей, организующих мыслительное пространство.

Концепция соблазна Ж.Бодрийяра моделирует «вселенную, в которой женское начало не противопоставляется мужскому, но соблазняет его. Находясь в стихии соблазна, женственность не выступает <…> термином оппозиции»; в этом отношении Ж.Бодрийяр подвергает критике феминизм как не способный снять оппозицию мужского и женского, но лишь по-иному расставляющий внутри нее акценты доминирования: соблазнение — вне оппозиции, ибо оно есть процессуальное размывание ее границ, «в соблазнении нет ничего активного или пассивного, нет субъекта или объекта, нет внешнего или внутреннего: оно играет сразу на двух сторонах доски, притом, что не существует никакой разделяющей их границы»[3].

Аналогично Р.Барт задает пространство текста как семиотическую тотальность, где субъект и объект изначально растворены друг в друге: «сценическое пространство текста лишено рампы: позади текста отнюдь не скрывается некий активный субъект (автор), а перед ним не располагается некий объект (читатель); субъект и объект здесь отсутствуют»[4].

Однако этим разрушение субъект-объектной оппозиции в постмодернистском контексте далеко не исчерпывается: оно предполагает также и утрату статуса возможности для всех компонентов этой оппозиции — как объекта (предметности), так и субъекта (*«Я»*) в любых версиях его интерпретации.

Базовая для постмодернизма критика референциальной концепции знака приводит к тому, что понятие «объект» в классическом его понимании

[1] Ж. Деррида.*Позиции*, Л.Д., Киев, 1996, с. 71-72.
[2] F.Easthope. *British post-structuralism since 1968,* Thousand Oaks, London, 1988, p. 187-188.
[3] Ж. Бодрийяр. *Фрагменты из книги «О соблазне»*, [в:] *Иностранная литература*, 1994, № 1, с. 67.
[4] Р. Барт. *Удовольствие от текста,* [в:] Р. Барт. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Прогресс, Москва, 1989, с. 474.

в принципе не может быть конституировано: любая попытка подобного рода может иметь своим результатом лишь симуляцию внезнакового феномена — то, что П. ван ден Хевель обозначил как «украденный объект»[1].

Выступая одним из двух полюсов амбивалентного процесса распада субъект-объектной оппозиции, разрушение объекта не может не предполагать и историческую исчерпанность концепта «субъект»[2]. Ю.Кристева полагает допустимым говорить лишь о «проблематичном процессуальном субъекте языка»[3]; Очерчивая границы постмодернистского типа философствования, М.Фуко в качестве одного из важнейших признаков постмодернизма выделяет финальное «крушение философской субъективности»[4]. Таким образом, для постмодернизма характерна радикальная программа децентрация индивидуального (равно как и любых форм коллективного) Я: «взломать ... преграду, которая удерживает вопрос о письме ... под опекой психоанализа»[5].

Постмодернистская философия констатирует парадигмальный поворот в интерпретации самого феномена субъекта: не только психологически артикулированный (так называемый «вожделеющий») субъект фрейдистского типа, но и рациональный субъект типа декартовского уступают место деперсонифицированной презентации культурных смыслов (языка), — субъект характеризуется как растворенный в формах языкового порядка.

Критика концепции трансцендентального субъекта становится фундаментом основополагающей для философской парадигмы постмодерна презумпции «смерти человека», высказанной еще в ранних работах М.Фуко «археологического» периода и специфицированной Р.Бартом в его концепции «смерти автора». По формулировке Р.Барта, Автор — отнюдь «не тот субъект, по отношению к которому произведение было бы предикатом»[6], — традиция интерпретации текста как реконструкции

---

[1] P. Heuvel. van den. *Parole, mot, silence: Pour une poétique de l'énonciation*, Gallimard, Paris,1986, p. 261.

[2] М. А. Можейко. «*Смерть субъекта»*, [в:] *Всемирная энциклопедия: Философия XX век*, АСТ – Харвест, Современный литератор, Москва – Минск, 2002, с. 708-710.

[3] Ю. Кристева. *От одной идентичности к другой*, [в:] *От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога*, Менск, Минск,1997, с. 265.

[4] М. Фуко. *О трансгрессии*, [в:] *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*, МИФРИЛ, Санкт-Петербург, 1994, с. 123.

[5] Ж. Деррида. *Позиции*, Л. Д., Киев., 1996, с. 150.

[6] Р. Барт. *Смерть автора*, [в:] Р. Барт. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Прогресс, Москва, 1989, с. 387.

исходного (авторского) его смысла (вплоть до «биографического анализа» у Г.Миша) сменяется в постмодернизме традицией «означивания» (Ю.Кристева): текст понимается как принципиально аструктурный, т.е. организованный в качестве подвижной «ризомы», подобной «колонне маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое; каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с другим» (Ж.Делез Ж. и Ф.Гваттари[1]). Это позволяет говорить о радикальной децентрации текста и принципиальной возможности структурировать его вокруг любого семантического узла, открывая путь отказу от идеи соотнесенности семантики текста с внетекстовым референтом — «трансцендентальным означаемым» (Ж.Деррида). Текст должен быть не истолкован (парадигма реконструкции смысла), а означен, — и именно в этой процедуре конституируется свобода как таковая: «все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать» (Х.-Г.Гадамер[2]). Текст, понятый как «эхокамера» (Р.Барт), лишь возвращает субъекту привнесенный им смысл: Читатель выступает в качестве «источника смысла» как такового (Ч.Х.Миллер): становление текстовой семантики, «никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла»[3].

Однако, перенося акцент с фигуры Автора на фигуру Читателя, философия постмодернизма отнюдь не конституирует последнего в качестве автономного субъекта классического типа. По Р.Барту, фигура читателя может быть рассмотрена в качестве «личного адреса» ничуть не более, нежели фигура Автора, ибо «читатель — это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст»[4]. Собственно, по видению Ж.Деррида, «интерпретирующее Я» само по себе есть ни что иное, нежели текст, сотканный из дискурсивных матриц, культурных кодов и

[1] Ж. Делез, Ф. Гваттари. *Ризома*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 28.

[2] Х.-Г. Гадамер. *Человек и язык*, [в:] *От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога*, Менск, Минск,1997, с. 140-141.

[3] J.H. Miller. *Tradition & difference. Review of M.H.Abram's Natural supernatura*, [in:] *Diacritics* (Baltimore), 1972, Vol. 2, № 2, p. 12.

[4] Р. Барт. *Смерть автора*, [в:] Р. Барт. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Прогресс, Москва, 1989, с. 390.

интерпретационных конвенций[1]. Подобно автору, читатель растворяется в процессуальности собственных дискурсивных практик, обусловленных внешними по отношению к субъекту правилами, — по выражению М.Грессе, читатель уловлен «сетью культуры», т.е. системой фундаментальных конвенций, характерных для той или иной культурной традицией[2]. Иными словами, читатель, как и автор, оказывается, по оценке Ж.Ф.Харари, даже не «гостем», но «порождением текста»[3].

Я предстает в этом контексте как своего рода носитель («пучок») культурно-семиотических «кодов», впитанных им из культуры и используемых в качестве интерпретационного инструментария в процедурах трактовки тех текстов, вербальных и невербальных, среди которых и посредством которых осуществляется его существование. Собственно, по видению Ж.Деррида, *Я* само по себе есть ни что иное, нежели текст, сотканный из культурных кодов и интерпретационных конвенций.

Утрата субъектом психологической артикуляции приводит к тому, что он теряет личностные качества и деперсонифицируется (становится «кодом, не-личностью, анонимом»), но и исчезает в целом — как явление: «он — ничто и никто, ... он становится ... зиянием, пробелом» (Ю.Кристева[4]).

В рамках тенденции деперсонификации оформляется и более радикальная версия «смерти субъекта», а именно фигура «смерти героя» (А.Роб-Грийе, К.Брук-Роуз), т.е. центрального персонажа, фокусировавшего на себе семантическое пространство текста[5].

В итоге постмодернистский анти-психологизм обеспечивает конституирование всеохватной парадигмы «смерти субъекта».

Если философский модернизм в лице Ф.Ницше оценивал «Я» в качестве «rendez-vous опытов», то для постмодернизма, напротив, характерен тезис о непреодолимом разрыве опыта как такового, с одной

---

[1] J. Derrida. *Speech & phenomena & other essays on Husserl's theory of signs*, EHS Press, Evanston, 1973. 264 p.

[2] M. Gresset. *Introduction*, [in:] *Intertextuality in Faulkner*, Paladin, St.Albans – Jackson, 1985, p. 7.

[3] J.V. Harari. Introduction, [in:] Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism, Cornell University Press, Ithaka – New York, 1979, p. 40.

[4] J. Kristeva. *Bakhtin, le mot, le dialogue et roman*, [in:] *Critique* (Paris), № 239 (Vol. 23), 1967, p. 25.

[5] А. Роб-Грийе. *О нескольких устаревших понятиях*, [в:] *Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века*, Прогресс, Москва, 1986, с. 114.

стороны, и носителя дискурса, в котором этот опыт может быть выражен, — с другой: как говорит Ф.Гваттари, «я не верю в существование субъективности без продуктивности рассказа-текста»[1]. Р.Барт показывает во «Фрагментах любовного дискурса», что опыт, который декларируется в качестве имманентного, на деле выступает принципиально спекулятивным: «я безумен для того, чтобы пребывать в любви, но я отнюдь не безумен для того, чтобы сказать об этом, я раздваиваю свой образ»[2].

По Ф.Джеймисону, чувственная сфера, в целом, перестает быть центрированной и персонифицированной субъектом: «не существует более Я, чтобы чувствовать. ...Чувства … имперсональны»[3]. Таким образом, постмодернизм приходит к признанию того, что *Я* «более не является местом, где восстанавливается человеческая личность в непорочной цельности… накопленного опыта»[4], да и «никогда “я” не было субъектом опыта»[5].

В итоге как гносеологически, так и социально ориентированные методологии, предлагаемые постмодернизмом, оказываются построенными вне самого концепта «субъект». Так, в генеалогии М.Фуко когнитивная программа в качестве условия своей реализации предполагает «принесение в жертву субъекта познания»; что же касается так называемых социальных ролей, предполагающих определенность их субъекта, то, по оценке М.Фуко, эти версии самоидентификации есть не что иное, как вербальные маски, наличие которых отнюдь не гарантирует наличия скрытого за ними «Я» [6].

Следует, наконец, упомянуть развитую философией постмодернизма идею «смерти сверхчеловека» (Ж.Делез) и идею «смерти Бога» (предложенная П. ван Буреном программа «реинтерпретации Бога», фактически основанная на идее деконструкции библейских текстов) как окончательный финал идеи субъекта.

---

[1] [Ф. Гваттари]. *Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе. Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер* [в:] *Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция perversus*, ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург, 1998, с. 23.

[2] R. Barthes. *A Lover's Discourse. Fragments*, J. Cape – Third Berford Square, London, 1979, p. 121.

[3] Ф. Джеймисон. *Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 129.

[4] Р. Барт. «Писать» — непереходный глагол? [в:] *Arbor Mundi / Мировое древо: Международный журнал по теории и истории мировой культуры*, 1993, Вып. II, с. 87.

[5] М. Бланшо. *Опыт-предел*, [в:] *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*, МИФРИЛ, Сант-Петербург, 1994, с. 63-77.

[6] М. Фуко. *Ницше, генеалогия, история*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 94-95.

Таким образом, постмодернистская «смерть субъекта» означает, прежде всего, гибель традиционного (стабильного, однозначно центрированного и линейно детерминированного со стороны общего социального порядка) субъекта дюркгеймовского типа. Постмодернизм постулирует тотальную «смерть самого субъекта», финальный «конец <...> эго, или индивидуума», подвергшихся фундаментальной «децентрации»[1].

С точки зрения постмодернизма, само использование термина «субъект» — лишь дань классической философской традиции: как пишет М.Фуко, так называемый анализ субъекта на деле есть анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта»[2].

Феномен *Я* оценивается постмодернизмом как культурно артикулированный, связанный с определенной традицией и потому исторически преходящий. Согласно М.Фуко, «лишь один период, который явился полтора века назад и, быть может, уже скоро закончится, явил образ человека. И это не было избавлением от давнего непокойства, переходом от тысячелетней заботы к ослепительной ясности... — это просто было следствием изменений основных установок знания... Если эти установки исчезнут так же, как они возникли, … человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке»[3].

Такой радикальный отказ **от** феномена *Я* в традиционном его понимании не мог не иметь столь же радикальных последствий. И поскольку феномен «*Я*», равно как и трактовки субъекта и природы субъективности лежат в самой основе европейской культуры XX-XXI вв., постольку и последствия их трансформаций оказались весьма ощутимы, затронув самые основания культуры западного типа.

2. Судьба как кризис: история бедствий субъекта в культуре постмодерна

Если воспользоваться выражением А.П.Чехова, то для культуры классики индивидуальная судьба представляла собой «сюжет для небольшого рассказа» – сюжет, при всей своей непритязательности, вполне определенный и неповторимый как в событийном, так и в аксиологическом планах. Определенностью биографии подразумевала определенность

[1] Ф. Джеймисон. *Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 128.

[2] М. Фуко. *Что такое автор?* [в:] М. Фуко. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. — М.: Касталь, 1996. — С. 45.

[3] М. Фуко. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*, Прогресс, Москва, 1977, с. 398.

личности, рефлексивно осознающей свое отношение к жизни и ориентирующейся на определенную систему ценностей.

Современными психологами (причем не только теоретиками, но и клиницистами) зафиксирован факт так называемого «кризиса идентификации», когда человек оказывается не в состоянии четко зафиксировать свою позицию по отношению к аксиологическим системам, а следовательно, не может зафиксировать самотождественность себя как личности (А.Джироукс, С.Ланкшир, П.Мак-Ларен, М.Петерс и др.[1]).

Этот феномен вызывается к жизни следующими факторами.

Прежде всего, современная культура как культура постмодерна характеризуется таким феноменом, как аксиологический ацентризм, т.е. отсутствие иерархично выстроенной в аксиологическом отношении культурной среды, что в философском постмодернизме выражено презумпцией «заката метанарраций». Как отмечает Ж.-Ф.Лиотар, в постмодернистском культурном контексте «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями, профессиями, институциями и историческими традициями, теряют свою силу»[2]. По оценке Р.Рорти, из актуализирующихся в постмодернистском социуме стратегий «ни одна ... не обладает привилегиями перед другими», – они просто плюральны и вариативны[3].

Культурное пространство постмодерна не просто лишено центра, – оно программно ацентрично: как утверждал Л.Фидлер в работе «Пересекайте границы, засыпайте рвы», нет и не может быть ни элитарной, ни массовой культуры как таковых[4], – и первая публикация статьи, имевшая место в журнале «Playboy», наглядно демонстрировала практическую реализацию прокламируемой стратегии.

Программной для эпохи постмодерна становится идея микшированности культуры, своего рода перемешивание в конкретных культурных контекстах фрагментов различных традиций, образующих принципиально несистемную мозаику. Как пишет Ж.-Ф.Лиотар, «эклектизм

---

[1] A. A. Giroux, C. Lankshear, P. McLaren, M. Peters. *Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space*, Routledge, 1997, 208 p.

[2] Ж.-Ф. Лиотар. *Постмодернистское состояние: доклад о знании*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 140-158.

[3] R .Rorty. *The Introduction*, [in:] R. Rorty. *Contingency, Irony & Solidarity*, *Cambridge* University Press, Cambridge, 1989, p. 4-17.

[4] Л. Фидлер. *Пересекайте границы, засыпайте рвы*, [в:] *Современная западная культурология: самоубийство дискурса*, Ad Marginem, Москва, 1993. С. 462-518.

является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald's, на обед в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Гонконге»[1]. По мысли Ф.Джеймисона, в современной культуре нет места делению на истинное и ложное, приемлемое и неприемлемое[2], – культура постмодерна предполагает возможность диалога различных (не исключая альтернативных) традиций, более того – именно такой диалог осмысливается ею в качестве базового механизма собственного развития, позволяющего реализовать творческий потенциал культурного плюрализма.

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники в универсальный принцип построения культуры: в этом плане культура постмодерна описывается Ж.-Ф.Лиотаром как «монстр», образуемый переплетением радикально различных, но при этом абсолютно равноправных мировоззренческих парадигм, в рамках взаимодействия которых невозможно выделение универсальных аксиологий[3].

В социально-психологическом плане это порождает аксиологический аналог *буриданова осла*, когда человек оказывается неспособным осуществить выбор между плюральными равновозможными аксиологиям и, следовательно, осуществить рефлексивную самоидентификацию и реализовать персональную самотождественность.

«Кризис идентификации» как социальный феномен теснейшим образом связан с кризисом «судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе.

В культуре постмодерна событие как таковое теряет свою онтологическую определенность, размываемую плюральностью рассказов о ней. Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива, или «рассказа», является его самодостаточность и самоценность: как отмечает Р.Барт, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном

[1] J.-F. Lyotard. *La condition postmodrne: Rapport sur la savoir*, Minuit, Paris, 1979, 197 p.
[2] Ф. Джеймисон. *Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 118-137.
[3] Ж.-Ф. Лиотар. *Постмодернистское состояние: доклад о знании*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 140-158.

счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой»[1].

Рассказ в постмодернизме не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного, якобы объективно наличного смысла, – смысл рассказа, напротив, понимается как обретаемый в процессе наррации, т.е., по мысли М.Постера, мыслится как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия[2]. Собственно, по формулировке Ф.Джеймисона, нарративная процедура фактически «творит реальность», одновременно постулируя ее относительность, т.е. свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некой вненарративности реальности: нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному[3].

Классической сферой возникновения и функционирования нарратива выступает история как теоретическая дисциплина (А.Тойнби, П.Рикёр, Дж.Каллер, А.Карр, Ф.Кермоуд и др.). В рамках нарративной истории смысл события трактуется не как фундированный подразумеваемой онтологией исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией. Рефлексия над прошлым, по оценке Х.Райта, – это всегда рассказ, нарратив, организованный извне, посредством внесенного рассказчиком сюжета, организующего повествование. По оценке Й.Брокмейера и Р.Харре, нарратив выступает не столько описанием некоей онтологически артикулированной реальности, сколько «инструкцией» по конституированию последней (подобно тому, как правила игры в теннис лишь создают иллюзию описания процессуальности игры, выступая на самом деле средством «вызвать игроков к существованию»).

Что же означает данная культурная установка для такой формы рассказа, как рассказ о себе, и о такой форме истории, как история жизни – биография и автобиография?

---

[1] Р. Барт. *Смерть автора*, [в:] Р. Барт. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*, Прогресс, Москва, 1989, с. 384-391.

[2] M. Poster. *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*, Polity Press, Cambridge, 1996, 136 p.

[3] F. Jameson F. *The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic Act*, Routledge, 1981, 296 p.

По оценке мета-теоретиков постмодернизма (Х.Уайт, К.Меррей, М.Саруп и др.[1]), типовым способом самоидентификации для субъекта эпохи постмодерна становится способ нарративный. Для культуры постмодерна индивидуальная судьба – это поле плюрального варьирования релятивных версий нарративной биографии: тексты Р.Музиля «О книгах Роберта Музиля», Р.Барта «Ролан Барт о Ролане Барте», Антониони «Антониони об Антониони» и мн. др. Современные исследователи-психологи (А.Джироукс, С.Ланкшир, П.Мак-Ларен, М.Петерс и др.) констатируют – с опорой на серьезные клинические исследования, – что конструирование своей «истории» (истории своей жизни) как рассказа ставит под вопрос безусловность аутоидентификации, которая ранее воспринималась как данность[2].

На основе этого Дж.Уард констатирует применительно к современной культуре «кризис судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе, онтологически конституированной биографии[3]. С одной стороны, в условиях отказа онтологии как таковой не может быть и онтологически обеспеченной биографии, с другой – в контексте презумпции «заката метанарраций» дискурс легитимации как единственно возможный теряет свой смысл и по отношении к индивидуальной жизни, в силу чего ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая, оценочные аспекты биографии не имеют онтологически-событийного обеспечения и потому, в сущности, произвольны.

Таким образом, индивидуальная биография превращается из *судьбы* в вариативный *рассказ*. Как было показано Р.Бартом во «Фрагментах любовного дискурса», даже максимально значимый с точки зрения идентификации личности элемент биографии – история любви – также относится к феноменам нарративного ряда: в конечном итоге, она определяется Р.Бартом как *рассказ*, или *собственная легенда* субъекта, или его маленькая *“священная история”*, которую этот субъект декламирует

[1] M. Sarup. *Identity, Culture & postmodern World*, Edinburg, 1998, 192 p.; M. Sarup. *An introdutory guide to post-structuralism & postmodernism*, New York, 1988, 171 p.; H. Write *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth Century*, Johns Hopkins University, 1973, 440 p.

[2] A. A. Giroux, C. Lankshear, P. McLaren, M. Peters. *Counternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space*, Routledge, 1997, 208 p.

[3] G. Ward. *Postmodernism*. Teach Yourself, 2003, 232 p.

сам для себя, и рецитации этой легенды выступают основанием персональной самоидентификации[1]. Собственно, влюбленный и определяется Р.Бартом в этом контексте как тот, кто ориентирован на использование в своих дискурсивных практиках определенных вербальных клише (собственно, содержание всей книги, посвященной аналитике последних, и разворачивается после оборванной двоеточием финальной фразы Введения – «Так, влюбленный – этот тот, кто говорит: », за чем следует собственно текст книги.) В конечном итоге, history of love – превращается в организованную по правилам дискурсивного порядка, а потому релятивную story of love и, наконец, просто в love story.

Констатируя «кризис идентификации» как феномен, универсально характеризующий психологическую сферу эпохи постмодерна, философия постмодернизма формирует специальную программу «воскрешения субъекта», которая ставит своей целью «выявление субъекта» в контексте плюральных языковых практик, задавая тенденцию на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивной среде (поздние М.Фуко и Ж.Деррида, П.Смит, Дж.Уард, М.Готдинер и др.). Ж.Деррида, например, предлагает «пересмотреть проблему эффекта субъективности, как он [субъект – *М.М.*] производится структурой текста»[2]. Аналогично, М.Фуко в Послесловии к работе Х.Л.Дрейфуса и П.Рабинова, посвященной исследованию его творчества (один из последних его текстов), фиксирует в качестве семантико-аксиологического фокуса своего исследовательского интереса выявление тех механизмов, посредством которых человек – в контексте различных дискурсивных практик – сам превращает себя в субъекта[3].

3. Репатриация субъекта в культуру: пост-постмодерн и финал анти-психологизма

Очевидно, что этика в традиционном ее понимании базируется на презумпции субъекта — и как носителя определенных ценностных шкал, и как автономного субъекта морального выбора, и как активного субъекта морального поступка, и как критичного субъекта моральной оценки, и как рефлексирующего субъекта моральной ответственности.

---

[1] R. BarthesR. *A Lover's Discourse. Fragments*, J. Cape – Third Berford Square, London, 1979, 234 p.

[2] Ж. Деррида. *Хора*, [в:] *Социо-Логос постмодернизма. S/Л'97*, Институт экспериментальной социологии, Москва, 1996, с. 122-170.

[3] M. Foucault. *Afterword*, [in:] H. L. Dreyfus, P. Rabinow. *Michel Foucault: Beyond structuralism & hermeneutics*, University of Chicago Press, Chicago, 1982, p. 208-222.

В силу этого трансформация понимания субъективности в постнеклассической культуре и – как следствие – феномены «смерти субъекта» и «кризиса идентификации» вызывали радикальные изменения в самом аксиологическом фундаменте европейской культуры.

Человек, рассмотренный только в качестве носителя вариативных культурных кодов, позволяющих ему писать или означивать тексты, не может выступать субъектом морального выбора или моральной оценки, поскольку любые культурные коды признаются постмодернизмом не только равновозможными, но и равноправными.

Более того, поскольку культура постмодерна отказалась от идеи бинарных оппозиций, постольку в постнеклассической своей артикуляции этика не может сохранить базовых своих характеристик, определяющих классические формы ее бытия в культуре, поскольку сама идея морали изначально фундирована представлением о бинарной оппозиции добра и зла.

В силу этого в практическом своем приложении постмодернистские дискурсивные практики порождают в культуре достаточно серьезные и подчас небезобидные последствия, поскольку в рамках отказа от понятия субъекта, с одной стороны, и вне дихотомии добра и зла – с другой, конституирование какой бы то ни было нравственной системы оказывается фактически невозможным.

Осознание этого обстоятельства порождает в современной философии идею «воскрешения субъекта», прикладным следствием которой выступает стратегия преодоления «кризиса идентификации», которая предлагается на сегодняшний день в нескольких версиях. установки на «контрнарративные импринтинги»1. Исходное значение понятия «импринтинг» (восприятие детенышем увиденного в первый после рождения момент существа в качестве родителя, за которым он безусловно следует и чей поведенческий образец нерефлексивно воспроизводит) переосмыслено современной социальной Социальная педагогика, например, оценивая ситуацию «кризиса идентификации», сложившуюся в постмодернистском пространстве, не только констатирует «нарративную этиологию» этого кризиса, но и постулирует необходимость специального целенаправленного формирования воспитательной педагогикой в расширительном плане, предполагающем онтологическую фундированность (гарантированность

[1] A. A. Giroux, C. Lankshear, P. McLaren, M. Peters. *Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space,* Routledge, 1997, 208 p.

вненарративным референтом) любого впечатления, так или иначе влияющего на поведенческую стратегию личности.

Программа неоклассицизма исходит из той идеи, что «кризис идентификации» вызывается к жизни кризисом объективности («кризисом значений»): как полагает Дж.Уард, именно эта причина порождает проблематичность для субъекта самоидентификации в условиях, когда «зеркало мира», в котором он видел себя, «разбито в осколки»1. Эта программа предполагает существенное смягчение критики референциальной концепции знака – вплоть до отказа от исходной для постмодернизма идеи «пустого знака» и радикальной элиминации феномена означаемого в качестве детерминанты текстовой семантики. Указанная установка инспирирует формулировку Дж.Уардом такой задачи, как «реанимация значения» или «возврат утраченных значений» – как в денотативном, так и в аксиологическом смыслах этого слова. В связи с этим М.Готдинер говорит о желательности и даже необходимости формирования своего рода «культурного классицизма», предполагающего реабилитацию и реанимацию разрушенной стабильности аксиологических иерархий, которая характеризовала культуру классики2.

Коммуникативная программа, смещающая акцент с текстологической реальности на реальность коммуникативную, центрируется в связи с этим вокруг феномена Другого. В основе этой программы лежит фундаментальная для нее идея о том, что расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений – по формулировке Ж.Деррида, «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Другого.

Если в классическом постмодернизме Другой интерпретировался как внешнее (социокультурное) содержание структур бессознательного (что фактически было унаследовано от лакановской версии структурного психоанализа, где бессознательное было артикулировано как «голос Другого»), то современный постмодернизм задает концепту «Другой» новую (коммуникационную) интерпретацию, в системе отсчета которой реальность языка перестает быть для постмодернизма самодовлеющей.

[1] G.Ward *Postmodernism*. Teach Yourself, 2003, 232 p.

[2] Gotdiener M. *Postmodern Sensioties. Material Culture & the Form of postmodern life*. — Oxford, 1998. — 262 p.

Современная культура обозначается Ж.Бодрийяром как культура «экстаза коммуникации»1.

Коммуникативная программа «воскрешения субъекта» осуществляет своего рода синтез идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической философии (экзистенциальный психоанализ, современная философская антропология, философская герменевтика, философия католического аджорнаменто и философская концепция языковых игр). Прежде всего, сюда относятся идеи о так называемом «коммуникативном существовании»: «бытие-с» у М.Хайдеггера, «со-бытие с Другим» у Ж.-П.Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Л.Бинсвангера, «отношение *Я – Ты* вместо *Я – Оно*» у М.Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О.Ф.Больнова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у П.Тиллиха и т.п.

Аналогично, по Г.-Г.Гадамеру, механизм конструирования *Я* основан на «опыте Ты», и главное содержание этого опыта есть «свободное перетекание Я в Ты», и каждый из коммуникативных партнеров не только «является значащим для другого», но и «обусловлен другим»[2].

В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия *Я* – это бытие для Другого, зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры. Вектор отношения субъекта к Другому, в постмодернистском его видении, – это, по определению Э.Левинаса, «метафизическое желание», репрезентированное в грамматическом звательном падеже, и потому «каждый, кто говорит “*Я*”, адресуется к Другому»[3].

В противоположность классической философской традиции, в рамках которой определенность человеческого сознания задавалось его интенцией отношения к объекту (и даже в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в текстологически артикулированную среду), современная версия постмодернизма определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Другому.

---

[1] J. Baudrillard. *Extasy of Communication*, [in:] *Postmodern Culture* / Ed. by H.Foster, Pluto Press, 1998. — 176 p.

[2] Х.-Г. Гадамер. *Человек и язык* [в:] *От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога*, Менск, Минск, 1997, с. 130-141.

[3] E. Lévinas. *Autrement que savoir*, Vrin, Paris, 1988, 314 p.

Фигура Другого становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта. Так, в концепции К.-О.Апеля язык понимается не в контексте субъект-объектных процедур праксеологического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций, которые в принципе не могут быть сведены к передаче сообщений. Язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством, сколько медиатором в контексте языковых игр. Если трактовка последних Л.Витгенштейном предполагала опору на взаимодействие между субъектом и текстом, а в понимании Я.Ю.Хинтикки – на взаимодействие между *Я* и реальностью как двумя игроками в игре, ставка в которой – истинность высказывания то К.-О.Апель трактует языковую игру как субъект-субъектное отношение, участники которого (*Я* и Другой) являют собой друг для друга текст – как вербальный, так и невербальный[1]. Это задает особую артикуляцию понимания как взаимопонимания. Апелевская версия постмодернистской парадигмы восстанавливает в правах классическую для философской герменевтики презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у К.-О.Апеля презентацией содержания коммуникативной программы игрового партнера. Высказанное не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий коммуникационную игру) плюрализм толкования, тем не менее, предполагает аутентичную трансляцию семантики речевого поведения субъекта в сознание Другого, который вне этой реконструкции смысла не конституируется как коммуникационный партнер. Ставкой в игре оказывается не истина объектного, но подлинность субъектного, и результатом коммуникации, выступает вновь обретенное *Я* – как *Я*, найденное, по Ж.Делезу, «на дне Другого».

В своем единстве обозначенные векторы разворачивания проблемных полей постмодернизма, ориентированные на преодоление «кризиса идентификации» задают оформление нового этапа эволюции постмодернистской философии – своего рода After-postmodernism или Пост-постмодернизм, в отличие от постмодернистской классики деконструктивизма.

---

[1] К.-О. Апель. *Трансцендентально-герменевтическое понятие языка*, [в:] *От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога*,Менск, Минск, 1997, с. 202-220.

Библиография

Литература

Barthes R. *A Lover's Discourse. Fragments,* J.Cape – *Third Berford Square,* London, 1979, 234 p.

Baudrillard J. *Extasy of Communication*, [in:] *Postmodern Culture*. London, 1998, 159 p.

Derrida J. *Speech & phenomena & other essays on Husserl's theory of signs*, EHS Press, Evanston 1973, 264 p.

Easthope F. *British post-structuralism since 1*968, Thousand Oaks, London, 1988, 255 p.

Foucault M. Afterword, [in:] Dreifus H.L., Rabinow P. *Michel Foucault: Beyond structuralism & hermeneutics*, XXIII, Brighton, 1982, p. 221-240.

Giroux A.A., Lankshear C., McLaren P., Peters M. Conternarratives. *Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space*, Routledge, 1997, 208 p.

Gotdiener M. Postmodern Sensioties. Material *Culture & the Form of postmodern life*, Oxford, 1998, 262 p.

Gresset M. *Introduction,* [in:] *Intertextuality in Faulkner,* Paladin, St.Albans – Jackson: 1985, 217 p.

Harari J.V. *Introduction,* [in:] *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism,* Cornell University Press, Ithaka – New York, 1979, p. 17-72.

Heuvel P. van den. *Parole, mot, silence: Pour une poétique de l'énonciation,* Gallimard, Paris, 1986, 319 p.

Jameson F. *The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic* Act, Routledge, 1981, 320 p.

Kristeva J. Bakhtin*, le mot, le dialogue et roman*, [in:] *Critique* (Paris), 1967, № 239 (Vol. 23), p. 21-49.

Lévinas E. *Autrement que savoir,* Vrin, Paris, 1988, 314 p.

Lyotard J.-F. *La condition postmoderne*: Rapport sur la savoir, Minuit, Paris, 1979, 197 p.

Miller J.H. *Tradition & difference: Review of M.H.Abram's Natural supernatura,* [in*:] Diacritics* (Baltimore), 1972, Vol. 2, № 2, p. 9-12.

Poster M. *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*, Cambridge, 1996, 136 p.

Rorty R. *The Introducti*on, [in:] R.Rorty. *Contingency, Irony & Solidarity*, Cambridge, 1989, p. 4-17.

Sarup M. *An introdutory guide to post-structuralism & postmodernism*, New York, 1988, 171 p.

Sarup M. *Identity, Culture & postmodern World,* Edinburg University Press, Edinburg, 1998, 192 p.

Touraine A. *Critique de la modernite*, PUF, Peris, 1992, 242 p.

Write H. *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth Century,* Johns Hopkins University, 1973, 440 p.

Ward G. *Postmodernism.* Teach Yourself, 2003, 232 p.

Апель К.-О. *Трансцендентально-герменевтическое понятие языка*, [в:] *От Я к Другому*: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога, Менск, Минск, 1997, с. 202-220.

Барт Р. *«Писать» — непереходный глагол?* [в:] Arbor Mundi / Мировое древо: Международный журнал по теории и истории мировой культуры, 1993, Вып. II, с. 83-91.

Барт Р. *Смерть автора*, [в:] Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика, Прогресс,* Москва, 1989, с. 384-391.

Барт Р. *Удовольствие от текста*, [в:] Барт Р. *Избранные работы. Семиотика. Поэтика, Прогресс*, Москва, 1989, с. 462-518.

Бланшо М. *Опыт-предел,* [в:] *Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века,* МИФРИЛ, Санкт-Петербург, 1994. , с. 63-77.

Бодрийяр Ж. *Фрагменты из книги «О соблазне»,* [в:] *Иностранная литература*, 1994, № 1, с. 59-66.

Гадамер Х.-Г. *Человек и язык,* [в:] *От Я к Другому*: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога, Менск, Минск, 1997, с. 130-141.

[Гваттари Ф.] *Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе. Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер,* [в:] *Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция perversus*. ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург, 1998, с. 21-28.

Делез Ж., Гваттари Ф. *Ризома,* [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 9-31.

Деррида Ж. *Позиции*, Л. Д., Киев ,1996, 192 с.

Деррида Ж. *Хора,* [в:] *Социо-Логос постмодернизма*: S/Л'97, Институт экспериментальной социологии, Москва, 1996, с. 122-170.

Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма* [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск, 1996, с. 118-137.

Кристева Ю. *От одной идентичности к другой*, [в:] *От Я к Другому*: Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога, Менск, Минск, 1997, с. 256-273.

Лиотар Ж.-Ф. *Постмодернистское состояние: доклад о знании*, [в:] *Философия эпохи постмодерна,* Красико-принт, Минск, 1996, с. 140-158.

Можейко М. А. *Онтология,* [в:] *Всемирная энциклопедия: Философия XX век,* АСТ – Харвест, Современный литератор, Москва – Минск, 2002. с. 541-543.

Можейко М. А. *«Смерть субъекта»,* [в:] *Всемирная энциклопедия: Философия XX век,* АСТ, Харвест, Современный литератор, Москва – Минск, 2002, с. 708-710.

Роб-Грийе А. *О нескольких устаревших понятиях*, [в:] *Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века*, Прогресс, Москва, 1986, с. 112-119.

Торре Г. де. *Ультраманифесты*, [в:] *Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века*, Прогресс, Москва, 1986, с. 237-243.

Фидлер Л. *Пересекайте границы, засыпайте рвы.* [в:] *Современная западная культурология: самоубийство дискурса,* Ad Marginem, Москва, 1993. С. 462-518.

Фуко М. *Ницше, генеалогия, история*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*, Красико-принт, Минск. 1996, с. 78-97.

Фуко М. *О трансгрессии*, [в:] *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века,* МИФРИЛ, Санкт-Петербург, 1994, с. 111-131.

Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*, Прогресс, Москва, 1977, 448 с.

Фуко М. *Что такое автор*? [в:] Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*, Касталь, Москва, 1996. с. 7-46.

ПАЛІТАЛОГІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

А.Ю. Пекарская[1]

Сравнительный обзор политик в области гражданского образования в Литве, Словении и Венгрии

A.Y. Piakarskaya

Comparative overview of citizenship education policies in Lithuania, Slovenia and Hungary

Ключевые слова: образование, гражданское образование, образование в области демократической гражданственности, социальные и гражданские компетенции, начальная подготовка учителей.
Key words: education, citizenship education, democratic citizenship education, social and citizenship competences, initial teacher training.
Abstract: the article is devoted to citizenship education in Lithuania, Slovenia and Hungary as one of the ways to develop social, citizenship and cross-cultural competences. The EU definition of citizenship education and the approach to developing the key competences in this area are studied. The author examines the main legal acts related to citizenship education and compares approaches to the organization of curricula, assessment of students' knowledge, initial teacher training in Lithuania, Slovenia and Hungary. The author highlights an important role on international, national and school projects in promoting and developing the key social and citizenship competences. As a result of the research, a number of recommendations were proposed for reforming civic education in the Republic of Belarus.

Существующая в Республике Беларусь система образования переживает кризисные явления в силу ряда факторов, связанных, в частности, с несоответствием рынку труда, формализмом, чрезмерной бюрократизацией. Изменения, внесенные в политику в области образования в 2021 г. в части содержания учебных программ и кадровой политики, усилили проблемы идеологизации учреждений образования, их полной зависимости от институтов власти, отсутствия академической свободы. Несмотря на акцент, поставленный на патриотическое воспитание, сложившаяся система, которая зачастую отличается формальным подходом

[1] Computer Systems Institute (Chicago, USA),кандидат экономических наук, LL.M.

или «навязыванием» патриотизма, не способствует формированию гражданских знаний и компетенций, принятых в демократических обществах.

В странах Европейского союза образование в области гражданственности выступает одним из приоритетов образовательных политик и неотъемлемой составляющей школьных учебных программ. В настоящее время его актуальность в ЕС обусловлена, в первую очередь, необходимостью борьбы с вызовами, которые выступают в контексте общей политической и социально-экономической среды, такими как насильственный экстремизм и радикализация, ведущая к терроризму, недостаточное демократическое участие как самых уязвимых, так и менее уязвимых групп в обществе, интеграция мигрантов и беженцев [1]. В то же время, учитывая исторические и социально-политические обстоятельства, для Республики Беларусь особо интересным является опыт, касающийся воспитания активных и ответственных граждан, знающих свои права, свободы и обязанности, а также развития социальных, гражданских и межкультурных компетенций, критического мышления и медиаграмотности, что обуславливает необходимость трансформации подхода к организации гражданского образования и, соответственно, делает тему настоящей работы весьма актуальной.

Целью данного исследования выступает изучение опыта реализации политик в области гражданского воспитания и обучения в Литве, Словении и Венгрии и отбор наиболее успешных решений, которые можно было бы применить для перестройки существующей системы образования в Республике Беларусь.

В статье отражены общие подходы к организации гражданского образования в странах ЕС, проведен обзор основных нормативных правовых актов в данной области, а также сравнительный анализ отражения гражданского воспитания и обучения в учебных программах и дополнительных организационных мер, подготовки педагогов. На основе этого предложен ряд мер, которые могут быть применены при реформировании политики в области образования в Республике Беларусь.

[1] *Council of Europe Charter on Education for Democratic Citizenship and Human Rights Education Adopted in the framework of Recommendation CM/Rec(2010)7 of the Committee of Ministers*. [pdf] Available at: https://rm.coe.int/16803034e5.

1. Методология отбора кейсов для анализа

В основу отбора кейсов для сравнительного анализа была положена методика Чарльзу Рагина, согласно которой для того, чтобы кейсы считались пригодными для сравнительного анализа, необходимо, чтобы они удовлетворяли условиям внутренней сопоставимости (схожести) при эмпирически наблюдаемых различиях. [1] На основе этого нами был определен регион Центральной и Восточной Европы, страны которого при относительно схожих социально-демографических и культурно-исторических профилях, демонстрируют различия в путях и результатах реализации образовательных политик.

С целью определения стран для проведения сравнения использован дизайн множественного отбора кейсов (Multiple-Case Design) с использованием стратегий максимальной вариации и детерминированного отбора (на основе заданного критерия). [2] Выбор стратегии вариативности кейсов обусловлен тем, что реализация образовательных политик в регионе ЦВЕ демонстрирует два типа динамики – восходящий и нисходящий, то есть страны ЦВЕ имеют как существенные успехи образовательных политик, так и негативную динамику развития системы образования. Стратегия детерминированного обора связана с выбором приоритетного критерия выборки кейсов – формальных оценок качества образования и связанных с ними параметров (финансирование образования, “утечка мозгов”).

Нами был сформирован набор параметров для отбора стран, представленный в таблице 1. Он включает как структурные условия формирования образовательных систем, так и результаты их развития.

---

[1] Charles C. Ragin, *The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies.* Oakland: University of California Press, 2014.

[2] Charles C. Ragin, Ibidem, pp. 42-44.

Таблица 1 – Основные параметры сопоставления кейсов

Отношения факторов	Профиль	Критерии
Структурные условия развития образовательны х систем	Культурно-исторический	Принадлежность к странам бывшего социалистического лагеря и союзникам СССР
	Политический	Членство в ЕС
	Социально-демографический	Численность населения Чистый приток или отток населения в результате миграции Демографический профиль населения
	Экономический	ВВП на душу населения Расходы государственного бюджета на образование в расчете на душу населения
	Образовательный	Индекс образования ООН Цели проводимых реформ образования
Результаты развития образовательны х система	Формальная оценка результатов образования	Значение индекса PISA Доля населения в возрасте 25-34 лет, продолжающего обучение на следующих ступенях и уровнях образования

В результате сопоставления заданных параметров нами были отобраны три страны (Литва, Словения и Венгрия), имеющие как сходства, так и различия. Литва, помимо непосредственной географической близости и общего с Республикой Беларусь историко-культурного наследия, характеризуется довольно низкими расходами государственного бюджета на финансирование образование, при этом данная страна достигла значительных успехов в данной области. Так, значения рейтинга PISA высоки Индекса образования ООН и, при этом за недавнее десятилетие произошел существенный прирост значения последнего индикатора. Стратегической целью Литвы в области образования является переход к устойчивому экономическому развитию на основе научных знаний, продвинутых технологий, инноваций, а также повышение конкурентоспособности на международном уровне, а образование на протяжении всей жизни является неотъемлемой составляющей ее достижения, что соответствует общим тенденциям в области образовательной политики ЕС. Доля населения в возрасте 25-34 лет,

продолжающего обучение на следующих ступенях и уровнях образования, существенно превысила целевой показатель ЕС. Литва выделяется на фоне остальных рассматриваемых стран высокой скоростью сокращения населения, в том числе за счет международной миграции. С учетом текущих тенденций, данная проблема может быть крайне актуальной для Республики Беларусь в ближайшее время. Таким образом, Литва является кейсом, отобранным по ряду заданных критериев.

Словения была отобрана на основе гипотезы о том, что высокий уровень государственных расходов на образование в сочетании с грамотно проведенной реформой образования могут привести к повышению его качества на основе оценки формальных критериев. Действительно, Словения характеризуется высоким ВВП на душу населения и наиболее значительными расходами на образование из всех исследуемых стран. Образовательная политика, нацеленная на повышение уровня грамотности населения, продемонстрировала свою эффективность, в результате чего в настоящее время Словения обладает наиболее высоким в регионе уровнем Индекса образования ООН и одним из самых высоких значений PISA. Словения является одной из двух стран, в которых доля населения в возрасте 25-34 лет, продолжающего обучение на следующих ступенях и уровнях образования, существенно превысила целевой показатель ЕС.

Венгрия выступает негативным примером реализации политики в области образования. Данное государство обладает рядом параметров, делающих его похожим на Республику Беларусь. Так, размер государственного финансирования сферы образования в данной стране является относительно низким по сравнению с большинством стран ЕС, при этом формальные показатели качества образования довольно высоки. Как и в большинстве стран ЕС, в Венгрии концепция образования на протяжении всей жизни тесно вплетена в стратегию реформирования данной сферы. Тем не менее, Венгрия является одной из рассматриваемых стран, в которой значение Индекса образования ООН снизилось на последнее десятилетие. Аналогичная тенденция характерна и для динамики значения рейтинга PISA в 2006-2018 гг. Помимо этого, доля населения в возрасте 25-34 лет, продолжающего обучение на следующих ступенях и уровнях образования, значительно отстает от целевого индикатора, установленного для стран ЕС. В связи с вышеизложенным, считаем целесообразным включение Венгрии в перечень кейсов для изучения проблем разработки и реализации образовательной политики для того, чтобы избежать их при планировании реформы образования в Республике Беларусь

2. *Определение, действующее в ЕС*

3.

Целью гражданского воспитания и обучения является обеспечение гармоничного сосуществования и взаимовыгодного развития людей и сообществ, в которых они живут. [1] Согласно Хартии Совета Европы, *воспитание демократической гражданственности* означает образование, обучение, повышение осведомленности, обеспечение информации, практики и деятельности, цель которых – вооружить учащихся знаниями, навыками и пониманием и развить их отношения и поведение, – дать им возможность реализовывать и защищать свои демократические права и обязанности в обществе, ценить разнообразие и играть активную роль в демократической жизни с целью продвижения и защиты демократии и верховенства закона. [2] В демократических обществах воспитание в духе гражданственности помогает учащимся стать активными, информированными и ответственными гражданами, которые хотят и могут взять на себя ответственность за себя и свои сообщества на национальном, европейском и международном уровнях. [3]

Гражданское образование является неотъемлемой частью национальных учебных программ общего образования во всех странах ЕС. Концептуальная основа такого образования сосредоточена на нескольких областях компетенции гражданского воспитания, представленных в таблице 1.

---

[1] Eurydice Brief: *Citizenship Education at School in Europe* – 2017. [pdf] Available at: https://www.indire.it/wp-content/uploads/2018/02/Eurydice-Brief-Citizenship-Education-at-School-in-Europe-2017.pdf.

[2] *Council of Europe Charter on Education for Democratic Citizenship and Human Rights Education Adopted in the framework of Recommendation CM/Rec(2010)7 of the Committee of Ministers*. [pdf] Available at: https://rm.coe.int/16803034e5.

[3] Eurydice Brief: *Citizenship Education at School in Europe* – 2017. [pdf] Available at: https://www.indire.it/wp-content/uploads/2018/02/Eurydice-Brief-Citizenship-Education-at-School-in-Europe-2017.pdf.

Таблица 2 – Области компетенций гражданского воспитания [1]

Область	Практики
1. Развитие социальных, гражданских и межкультурных компетенций (обеспечение того, чтобы дети и молодые люди приобрели социальные, гражданские и межкультурные компетенции путем продвижения демократических ценностей и основных прав, социальной интеграции и недискриминации, а также активной гражданской позиции)	– активное гражданское образование, то есть образовательный подход, который готовит учащихся к тому, чтобы они стали активными гражданами. Активное гражданское образование требует использования методик, включающих учебные программы, которые активно вовлекают учащихся в их собственное обучение, и это обучение происходит как в школе, так и за ее пределами. – образование педагогов, что подразумевает обучение готовящихся и работающих учителей таким образом, что разнообразие воспринимается как актив; помощь нынешним и будущим учителям в получении доступа к средствам для развития демократических принципов и межкультурных компетенций. – демократическое вовлечение молодежи, что подразумевает целостный подход к образованию, при котором учащиеся постоянно взаимодействуют со своими школами и сообществами. – активное участие в управлении образованием, предполагающее активную роль различных заинтересованных сторон, включая студентов, в управлении образовательными учреждениями.
2. Улучшение критического мышления и медиаграмотности (развитие и укрепление	– борьба с кибербуллингом (необходимость внедрения и применения эффективных методов борьбы с кибербуллингом вызвана тем, что молодые люди все чаще ему подвергаются); – медиаграмотность, которая становится неотъемлемой частью обучения по всей Европе и

[1] *Compendium of inspiring practices on inclusive and citizenship education, ET 2020 Working Group on Promoting Common Values and Inclusive Education*, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2edab132-7fbe-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.

критического мышления и медиаграмотности, особенно при использовании Интернета и социальных сетей, с целью развития сопротивления всем формам дискриминации и идеологической обработки)	может выступать в качестве отдельной предметной области либо быть интегрированной в другие предметные области. – противодействие дезинформации («фейковыми новостями») – довольно новому социальному явлению, которое повсеместно присутствует в современном обществе.
3.Развитие межкультурного диалога (развитие и укрепление межкультурного диалога посредством всех форм обучения в сотрудничестве с другими соответствующими политиками и заинтересованными сторонами)	– работа с (лингвистически) разнообразными условиями обучения (восприятие би- и мультилингвизма в качестве ресурса, а не препятствия); – продвижение мер по привлечению в педагогическую профессию людей из недопредставленных групп (например, мужчин или представителей этнических меньшинств); – работа с родителями в разнообразной учебной среде.
4.Европейское историческое образование (продвижение европейского измерения в области образования и профессиональной подготовки)	– базовые знания европейской истории и динамики прошлых событий, а также их связь с сегодняшним миром. – понимание истории и принципов функционирования Европейского союза.

Таким образом, гражданское образование в современных условиях направлено на развитие социальных, гражданских и межкультурных

компетенций, укрепление критического мышления и медиаграмотности, развитие межкультурного диалога, а также европейское историческое образование.

4. *Нормативные и правовые акты, а также иные документы в области гражданского воспитания и обучения*

5.

Рамочными документами, содержащими основные определения, принципы гражданского воспитания и обучения, а также гражданские компетенции на уровне **Европейского союза**, выступают Хартия Совета Европы об образовании в области демократической гражданственности и прав человека, Декларация о продвижении гражданственности и общих ценностей – свободы, толерантности и недискриминации – с помощью образования (Парижская декларация), а также Рекомендация Европейского Парламента и Совета 2006/962/ЕС о ключевых компетенциях образования на протяжении всей жизни. Данные нормативно-правовые акты получили развитие в ряде документов, содержащих выводы институтов и органов ЕС и своды лучших практик и инициатив в области гражданского образования: роль молодежного сектора в комплексном и межотраслевом подходе к предотвращению насильственной радикализации молодежи и борьбе с ней [1]; развитие медиаграмотности и критического мышления посредством гражданского образования [2]; необходимость «включения в разнообразие для достижения высокого качества образования для всех» [3]; ряд инициатив по поддержке государств-членов, начиная от продвижения инклюзивного образования и общих ценностей до борьбы с экстремистской пропагандой в

[1] *The role of the youth sector in an integrated and cross-sectoral approach to preventing and combating violent radicalisation of young people* – Conclusions of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council (30 May 2016). Outcomes of proceedings. Brussels, 1 June 2016. 9640/16. [pdf] Available at: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9640-2016-INIT/en/pdf.

[2] *Developing media literacy and critical thinking through education and training* – Council conclusions (30 May 2016). Outcome of proceedings. Brussels, 1 June 2016. 9641/16. [pdf] Available at: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9641-2016-INIT/en/pdf.

[3] *Conclusions of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council, on Inclusion in Diversity to achieve a High-Quality Education For All* – Council conclusions (17 February 2017). Brussels, 17 February 2017, 6356/17. [pdf] Available at: http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6356-2017-INIT/en/pdf.

Интернете и радикализацией в тюрьмах [1]. Результатом обсуждения ключевых вопросов политики в области гражданства, фундаментальных ценностей и недискриминации, отраженной в Парижской декларации, выступила разработка Компендиума хороших практик. [2]

Образование в области гражданственности как приоритет образовательной политики в **Литве** закреплен в Законе Литовской Республики «Об образовании» от 25 июня 1991 г. № I-1489, согласно которому создание условий для приобретения лицом основ гражданской и политической культуры, воплощающих демократические традиции, развитие способностей и опыта, необходимых лицу как компетентному гражданину Литовской Республики, члену европейского и мирового сообщества, многокультурного общества, является одной из целей образования в Литве. [3] Данный приоритет получил свое развитие в Государственной стратегии прогресса «Литва 2030», Национальной стратегии образования на 2013-2022 годы. Практическая реализация положений данных нормативных правовых актов осуществляется на основе Институционального плана действий в области общего и гражданского образования на 2016-2020 гг., а также Концепции хорошей школы.

В отличие от Литвы, в Словении и Венгрии стратегические документы в сфере гражданского воспитания и обучения разработаны не были. Ключевыми нормативными правовыми актами в данной области в **Словении** выступают Белая книга об образовании 2011 г. [4], одной из целей

---

[1] *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions supporting the prevention of radicalisation leading to violent extremism*. COM(2016) 379 final. [pdf] Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016DC0379.

[2] *Compendium of inspiring practices on inclusive and citizenship education*, ET 2020 Working Group on Promoting Common Values and Inclusive Education, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2edab132-7fbe-11eb-9ac9-01aa75ed71a1).

[3] *Закон Литовской Республики от 25 июня 1991 г. № I-1489 об образовании*, ст. 3.

[4] В Белой книге 2011 г. определены четыре общих принципа образования в Словении: Права и обязанности человека (соблюдение общеевропейских политических, культурных и моральных ценностей, которые реализованы в правах человека и соответствующих обязанностях, а также принципах плюралистической демократии, терпимости, солидарности и верховенства закона); Автономия (профессиональная автономия профессионалов образования и образовательных учреждений, связанная с ключевой целью образования – формированием независимого, вдумчивого и ответственного человека, который полагается на приобретенные знания, социальные и

которого является развитие способностей к жизни в демократическом обществе. Данная цель образовательной политики была развита в Законе о базовой школе и Законе об организации и финансировании образования и получила четкую ориентацию на формирование национальной и европейской гражданственности при соблюдении равенства и прав человека, что соответствует общеевропейским тенденциям, ценностям и приоритетам. [1] [2]

В **Венгрии** вопросы гражданского воспитания и обучения регламентированы в Законом СХС об образовании 2011 г., в соответствии с которым одной из ключевых целей образования в Венгрии выступает образование людей и ответственных граждан, которые являются добродетельными и способными к независимой жизни, а также достижению своих целей, учитывая при этом личные и общественные интересы. [3]

4. Включение гражданского образования в учебные программы

В странах Европы формирование демократической гражданственности осуществляется на уровне школьного образования, включая начальное, базовое, среднее и профессиональное образование. В отличие от традиционных дисциплин (например, физика, математика, языки), которые включены в учебные программы в качестве самостоятельных предметов, формирование гражданских и социальных

другие навыки); Справедливость (обеспечение равных возможностей для всех граждан для достижения успеха в жизни, что требует равных возможностей для получения образования, а также равных и беспристрастных оценок знаний учеников и равных, беспристрастных и соразмерных поощрений и наказаний); Качество (образование должно быть основано на общих ценностях, таких как права человека, а также в самом образовательном процессе, который должен соответствовать самому широкому консенсусу в отношении того, что составляет хорошую школу, хороший детский сад и т. д.). Таким образом, приведенные выше принципы соответствуют идеям демократического гражданского воспитания и образования, принятым в ЕС (*Белая книга об образовании в Республике Словения* 2011. Изд. Второе. – 2011).

[1] *Закон Словении от 29.02.1996 г. о базовой школе*.

[2] *Закон Словении от 29. 02. 1996 г. об организации и финансировании образования*.

[3] *Закон Венгрии СХС о Национальном государственном образовании от 2011 г. Секция 1 п. 1.*

компетенций имеет трансверсальный, «сквозной» характер[1], а их приобретение связано с изучением других предметов учебных программ, утвержденных на уровне высших органов власти [2]. При этом подчеркивается, что важной задачей для интеграции трансверсальных компетенций, воплощенных в таких предметах, как гражданственность, является повышение их статуса, чтобы привести их в большее соответствие с традиционными предметными компетенциями [3].

В странах Европы используются три основных подхода к воспитанию гражданственности в рамках учебной программы [4]:

– Гражданское воспитание как междисциплинарная тема, когда цели, содержание или результаты обучения гражданственности определяются как сквозные в учебной программе, и все учителя разделяют ответственность за их выполнение;

– Гражданское воспитание интегрировано в другие предметы, то есть цели, содержание или результаты обучения гражданственности включаются в учебные документы более широких предметов или областей обучения, часто связанных с гуманитарными или социальными науками.

– Гражданское воспитание как отдельный предмет, когда цели, содержание или результаты обучения гражданственности содержатся в рамках отдельной дисциплины, в первую очередь, посвященной гражданству.

---

[1] К трансверсальным дисциплинам, помимо гражданственности, относят, к примеру, основы информационно-коммуникационных технологий и основы предпринимательства.

[2] *Citizenship Education in Europe.* Luxembourg. European Commission/EACEA/Eurydice. Publications Office of the European Union, 2012. [pdf] Available at: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/ecd20d86-e56b4635-976c-b103d49cc46c/language-en.

[3] *Developing Key Competences at School in Europe: Challenges and Opportunities for Policy. Eurydice Report.* European Commission/EACEA/Eurydice. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012. [pdf] Available at: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/47063155-d7f7- 4de8-87b0-8103e8b84197/language-en.

[4] *Citizenship Education at School in Europe* – 2017. Eurydice Report. European Commission/EACEA/Eurydice. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6b50c5b0-d651-11e7-a506-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-56573425, pp. 29-30.

Подходы к организации гражданского образования в рамках национальных учебных программ в Литве, Словении и Венгрии в разрезе уровней школьного образования и их реализация представлены в таблицах 3 и 4 ниже

Таблица 3 – Подходы к организации гражданского образования в рамках национальных учебных программ в Литве, Словении и Венгрии в разрезе уровней школьного образования [1]

Уровень получения образования и страна	Подходы к организации гражданского образования		
	Гражданское воспитание как междисциплинарная тема	Гражданское воспитание интегрировано в другие предметы	Гражданское воспитание как отдельный предмет
Начальное образование (ISCED 1)			
Литва	-	X	-
Словения	X	X	-
Венгрия	X	-	-
Общее среднее образование (ISCED 2)			
Литва	X	X	X
Словения	X	X	X
Венгрия	X	X	-
Начальное профессиональное образование и обучение (ISCED 3)			
Литва	X	X	-
Словения	X	X	-
Венгрия	X	X	-

[1] *Citizenship Education at School in Europe* – 2017. Eurydice Report. European Commission/EACEA/Eurydice. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6b50c5b0-d651-11e7-a506-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-56573425, p. 30.

Таблица 4 – Реализация подходов к организации гражданского воспитания в национальных программах образования Литвы, Словении и Венгрии в разрезе уровней школьного образования [1] (в скобках указаны годы обучения)

Подход	Литва	Словения	Венгрия
Междисцип-линарная тема	Социальные, гражданские, культурные и коммуникативные компетенции, встроенные в общие цели (5-10 (общее), 11-12 (общее), 9-12 (IVET)	Включено в общие цели (1-6, 7-9, 10-13 (общее), 10-11/12/13 (IVET[2]))	Включено в общие цели 1-4, 5-8, 9-13 (общее), 9-11 (IVET))
Включение в другие обязательные дисциплины	Открытие мира (1-4) История, география, литовский язык и литература, языки (5-10 (общее), 11-12 (общее), 9-12 (IVET) Безопасность человека, экономика и предпринимательство (5-10 (общее)) Интегрированный курс общественных наук (11-12 (общее), 9-12 (IVET))	Словенский язык (1-6) Обществоведение (4-5) История, география (6) Словенский язык, история, география (7-9, 10-13 (общее) Социология (11 или 12/13 (общее) Словенский язык (10-13 (IVET)) Общественные науки или	История, общественные науки и гражданственность (5-8, 9-12 (общее)) Развитие сообщества (9-11 (IVET)

[1] *Annexes to Citizenship Education at School in Europe* – 2017. Eurydice Report. European Commission/EACEA/Eurydice. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2fbe0e26-c846-11e7-9b01-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-56586259, pp. 16, 18.

[2] Начальное профессиональное образование и обучение

		общественные и естественные науки (10-11/12 (2 или 3-летние программы IVET) История, социология, география (10-13 (4-летние программы IVET)	
Включение в другие дисциплины по выбору	Этика, религия (5-10 (общее), 9-12 (IVET)) Этика, религия, право, философия, экономика и предпринимательство (11-12 (общее))	Различные предметы из области естественных и технических, социальных и гуманитарных наук (7-9)	Этика (1-4, 5-8, 9-12 (общее)) География (7-8)
Обязательная отдельная дисциплина	Гражданское образование (9-10 (общее), 9/10 (IVET))	Патриотическая и гражданская культура и этика (7-8)	Общественные науки (9-10 (IVET))
Обязательный отдельный модуль	-	Гражданская культура, воспитание в духе мира, семьи и ненасилия (10, 11, 12 или 13 (общее))	-
Отдельная дисциплина по выбору	-	Гражданская культура (9)	Наука о Родине (1-4, 5-8) Социально-экономические и гражданские исследования (11-12 (общее))

В Литве «гражданское воспитание» преподается в последних двух классах неполного среднего общего образования и только в одном классе начального профессионального образования. Гражданское образование преподается как в качестве отдельной дисциплины, так и интегрировано в другие курсы на разных уровнях. Сам предмет занимает всего 8,8 часов в год, что является одним из наиболее низких показателей в странах ЕС. [1] В рамках системы образования предоставляются руководящие принципы учебной программы с точки зрения общих целей и / или конкретных задач, но не с точки зрения результатов обучения. Спецификой учебной программы Литвы является то, что студенты не получают специальные здания в области политических институтов и политических процессов, хотя обычно это необъемлемая часть учебных программ большинства стран ЕС.

В Словении, как и в Литве, в начальном (обязательном) образовании используются все три подхода к гражданскому образованию. Словения включила в учебную программу дисциплины «Патриотическая и гражданская культура и этика» в форме обязательного предмета на уровне 7 и 8 годов базового образования и «Культура гражданства», «Воспитание в духе мира, семьи и ненасилия» в виде обязательного модуля в старшей школе. Гражданское воспитание также может быть интегрировано в более общие обязательные предметы, такие как история, география и словенский язык. Либо это может быть междисциплинарная задача, которую должны поставить все учителя. Количество времени, отведенного на гражданское образование, составляет 17,7 часов в год, что примерно соответствует среднему времени, выделяемому среди 16 стран ЕС с аналогичной структурой учебной программы.

В Венгрии, хотя школы вправе решить преподавать ли отдельный предмет в области гражданского образования в системе общего среднего образования, «общественные науки» являются обязательными для всех учащихся начального профессионального образования и обучения. На протяжении всей общеобразовательной программы учащиеся могут выбирать между предметами этического или религиозного образования, которые объединяют элементы гражданского воспитания. Дисциплина «История, общественные исследования и гражданственность», которая преподается в 5-12 классах, включает разделы, посвященные «базовым гражданским знаниям», «медиа-моделям и институтам», а также

[1] *Education and Training Monitor 2018*: Lithuania. European Commission. [pdf] Available at: https://ec.europa.eu/education/sites/default/files/document-library-docs/et-monitor-report-2018-lithuania_en.pdf.

«социальным знаниям». Гражданское образование интегрировано в предмет «Развитие сообщества» на уровне начального профессионального образования и обучения. Основная учебная программа также охватывает патриотическое воспитание (Наука о Родине).

В Литве и Словении реализован принцип партисипативного участия разработке учебных программ, в том числе в сфере гражданского образования. Например, в Литве организация общего среднего образования предусматривает, что представители учащихся должны присутствовать при подготовке планов школьного образования и развития (основного документа, регулирующего процесс обучения и развития в школах), предлагая учащимся некоторую возможность влиять на этот процесс, что, однако, не позволяет учащимся руководить своим обучением. Наоборот, Венгрия относится к небольшому числу стран, в которых участие учащихся в разработке учебных программ не предусмотрено.

5. Дополнительные организационные меры

В школах Литвы могут действовать ученические и молодежные организации, которые поощряют нравственное, национальное, гражданское самосознание учеников, патриотизм, развивают культурную и социальную зрелость, помогают удовлетворять их потребности в саморазвитии и самовыражении. Кроме того, предоставляются вспомогательные материалы или необязательные рекомендации по реализации определенных мероприятий на школьном уровне, таких как празднование определенных дней, имеющих национальное, европейское или глобальное значение. Также в Литве ведется работа над моделью хорошей школы, направленная на демонстрацию ценности и поддержки гражданского воспитания как инструмента улучшения школы и вовлечения учащихся, создания ясности в отношении потенциальных мер оценки.

В Словении школы обязаны проводить внеклассные мероприятия в области гражданского воспитания. При этом они право самостоятельно определять содержание внеклассных мероприятий в соответствии с Национальными руководящими принципами внеклассного обучения. Данный документ предлагает школам информацию для организации расширенной программы внеклассного обучения с целью выявления и развития интересов учащихся.

В Венгрии реализуется *Программа школьных общественных работ*, которая была введена Законом о национальном образовании 2011 г. Это

обязательная национальная программа, предусматривающая 50 часов общественных работ в качестве условия получения аттестата об окончании школы. Цель состоит в том, чтобы повысить социальную осведомленность, повысить самооценку и компетентность студентов, а также предоставить им возможность профориентации. Венгерский институт исследований и развития в области образования при Университете Эстергази Кароли координирует программу, обменивается рекомендациями, практическими примерами и средством поиска партнеров через специальный веб-сайт, а также организует аккредитованные учебные курсы для учителей. [1] Учащиеся могут самостоятельно выбрать место волонтерских работ, относящееся к одной из восьми категорий: здравоохранение, общественные услуги и благотворительность, образование, культура, предотвращение преступлений, окружающая среда, восстановление после природных катастроф, организация поддержки людей со специальными нуждами.

Кроме того, в декабре 2017 г. правительство Венгрии приказало всем государственным учреждениям, включая дошкольные учреждения и школы, к июню 2018 г. составить План действий, чтобы подготовиться на случай объявления чрезвычайного положения. В июне 2018 г. назначен Уполномоченный по патриотическому и оборонному воспитанию.

Во всех исследуемых странах реализуются национальные и международные программы и инициативы в поддержку воспитания гражданственности посредством внеклассных мероприятий и участия в управлении школой на уровне базового и среднего образования, а также начального профессионального образования на базе школы. Среди примеров наиболее успешных национальных и международных программ в области национального и европейского гражданского образования и образования в сфере прав человека, равенства, справедливости следует отметить следующие.

В Литве разработана и реализуется *Академия гражданства* – крупнейшая национальная программа, предлагающая моделирование работы советов местного самоуправления. Во время симуляции студенты становятся членами совета, избирают мэра, обсуждают видение города, исследуют проблемы, предлагают идеи и соревнуются в предвыборной игре Ecosim Elections. Команды местного уровня также могут участвовать в решении вопросов государственной важности. Важной является и Литовская *программа стажировок студентов в правительстве*, которая

[1] *Программа школьных общественных работ в Венгрии*. Доступ: www.kozossegi.ofi.hu.

побуждает учащихся старших классов средней и школьной системы начального профессионального образования узнавать и понимать национальные учреждения и работу государственного сектора и правительства. Это предназначено для поощрения гражданской активности и включает недельную стажировку либо в правительственном учреждении, либо в одном из 14 министерств. «*Давайте сделаем это!*» – это инициатива по защите окружающей среды в Литве, призванная объединить студентов и общественность. Кроме того, создана панель для *международных молодежных дискуссий* между молодыми людьми из стран Центральной и Восточной Европы.

В Литве и Словении действует программа «*Модель Европейского парламента*», которая направлена на ознакомление молодых людей с Европейским Союзом и на развитие понимания молодыми людьми своей роли как граждан своей страны и как граждан ЕС.

Кроме того, в Словении реализуется четырехлетний *план действий по мобилизации взаимного обучения SiS Catalyst*, финансируемый ЕС и координируемый Ливерпульским университетом (Великобритания). Проект направлен на поощрение и поддержку этичного, эффективного и устойчивого взаимодействия между детьми (в возрасте 7–14 лет) и социальными, культурными, политическими, научными и образовательными учреждениями, принимающими решения, которые будут определять их будущее. Данный проект являлся экспериментом по разработке модели новой образовательной экосистемы, в которой дети выступают в качестве движущих сил обучения.

Проект совместной истории (Joint History Project), реализованный в 2008-2016 гг. в странах Европы, в том числе Словении, был в первую очередь направлен на реформирование преподавания истории и содействие региональной стабилизации, воспитание в духе мира и примирение в Юго-Восточной Европе посредством широкого спектра мероприятий, в основном, публикации альтернативных учебных материалов и подготовки учителей.

Для развития социальных, гражданских и межкультурных компетенций и обеспечения межкультурного диалога и образования в области истории Европы в исследуемых странах реализуется серия проектов «*Решения и дилеммы: сделать преподавание о ЕС значимым и мотивирующим*». С 2014 г. EuroClio работала над развитием образовательных ресурсов, чтобы рассказать о ЕС с исторической точки зрения и сквозь призму современных проблем. Ресурсы были разработаны в

рамках совместного процесса международными группами, переведены на девять разных языков и использованы для непрерывного профессионального развития учителей.

В Венгрии в 2015-2016 и 2016-2017 гг. был реализован проект «*Европейские фильмы для инновационного развития аудитории*» (Euforia). Это международный проект, который подчеркивает центральную роль грамотности в области медиа и кино в развитии и продвижении творческих способностей, критического мышления и общей европейской идентичности. С Euforia студенты учились искать смысл и расшифровывать визуальные подсказки посредством критического наблюдения, а также знакомились с различными темами европейской истории, литературы и общественного развития.

В Венгрии все большее число школ применяют экологические программы для повышения осведомленности учащихся об окружающей их среде. *Венгерская сеть эко-школ* была создана в 2000 г. как часть международной сети экологических и школьных инициатив. Эко-школа направлена на обеспечение экологического образования не только через свою педагогическую программу, но и через все аспекты школьной жизни, такие как эксплуатация школьных помещений, внеклассные мероприятия и управление отходами. Окружающая среда рассматривается в более широком смысле, включая местное сообщество, в котором расположена школа. Школы поощряют инициативы студентов и командную работу по всем направлениям.

В целях развития социальных, гражданских и межкультурных компетенций и обеспечения межкультурного диалога и образования в области истории Европы в Венгрии в 1990 г. был организован Пан-европейский Мемориальный парк Шопроне, посвященный Пан-европейскому пикнику, проведенному в том же месте 19 августа 1989 года в качестве демонстрации мира, и в более широком плане символизирующий безграничную и единую Европу после 1989 года.

6. Подготовка учителей

При организации гражданского воспитания и обучения высокое значение придается специальной подготовке учителей. Так, в Литве подчеркивается важная роль учителя в гражданском образовании учеников, который обязан воспитывать твердые моральные, гражданские, национальные и патриотические установки учеников, уважение к

родителям, своему культурному наследию, гарантировать развитие личных способностей учеников. [1] Более того, будущие учителя во время первоначальной подготовки проходят специальные курсы, после которых они могут преподавать гражданское воспитание наряду с другими дисциплинами. В Литве новую степень бакалавра в области «Преподавание предметов – история и гражданское образование» получают студенты, которые хотят преподавать историю, гражданское образование или оба этих предмета. Специализация по общественным наукам включает четыре компонента: гражданское воспитание, этическое воспитание, санитарное просвещение и экономику.

Венгрия и Словения относятся к числу стран, в которых на высшем уровне утверждены правила и рекомендации, способствующие развитию компетенций, связанных с гражданским образованием, посредством инструктажа, вводного этапа и / или наставничества для учителей по всем предметам. В Венгрии правила или рекомендации высшего уровня в отношении компетенций учителей, связанных с гражданским воспитанием, которые должны быть получены во время первоначальной подготовки учителей, также применяются при трудоустройстве, во время вводного периода и профессионального наставничества.

В Словении особый акцент делается на наставничестве учителей, приступающих к работе. «Правила стажировки для профессионалов в сфере образования» предусматривают, что как вводный курс, так и профессиональное наставничество должны включать контент, связанный с продвижением демократии среди студентов, а также уважением человеческого разнообразия и многокультурности. В отличие от Литвы и Венгрии, в Словении не предоставляются какие-либо конкретные компетенции в области гражданского воспитания при первоначальной подготовке учителей. Тем не менее, такие компетенции можно получить посредством стажировки во время начальной педагогической подготовки, вводного этапа и / или наставничества для всех учителей-предметников.

В Литве и Словении основной упор в правилах или рекомендациях для высшего образования делается на развитии у учителей предметных знаний, а также на методах преподавания и обучения (таких как поощрение сотрудничества и обучение в группах), а не на их отношениях и ценностях. В Литве особое внимание уделяется поощрению инклюзивного обучения; в Словении требования включают способность учителей обеспечивать

[1] *Закон Литовской Республики от 25 июня 1991 г. № I-1489 об образовании*, ст. 49.

безопасную и благоприятную среду обучения, в которой учащиеся чувствуют себя принятыми и где соблюдается разнообразие с точки зрения социальных, культурных, языковых, религиозных и других особенностей учащихся.

В Венгрии, наоборот, помимо знаний, компетенции включают также умения, отношение к преподаваемым дисциплинам и ценности, связанные с гражданственностью и уважением других людей (демократия, верховенство права, права человека и равенство), национальные ценности, а также умение действовать в среде с иными ценностями. Так, согласно Постановлению министерства Венгрии о результатах обучения в рамках подготовки учителей, компетенции учителей должны включать базовые знания о демократических процессах, мультикультурализме и развитии социальных сообществ, формирование толерантной среды в классе и студенческом сообществе, разрешение конфликтов и помощь в развитии активной гражданской позиции среди студентов, приверженность демократическим и национальным ценностям, отсутствие предрассудков и готовность принимать и уважать различные мнения и ценности, сотрудничество с родителями.

Подготовка руководителей школ в Литве и Словении является обязательной и в основном сосредоточена на внедрении гражданского воспитания через школьную культуру и управление. В частности, органы высшего образования в Словении предлагают программу управления школами как средой обучения, в которой реализуется гражданственность. Участие в программе обучения «Лицензия главы школы» является предварительным условием для того, чтобы стать директором школы. Программа содержит модули по таким темам, как «образование в области прав человека», «люди в организациях», «руководители школ как руководители образования» и «реализация прав человека и детей в школе как часть школьной культуры и как одна из обязанностей директора школы». Дополнительные программы для руководителей школ охватывают другие темы, связанные с гражданским воспитанием, такие как лидерство, профессионализм и этика.

Также интересным аспектом является деятельность сообществ учителей. Например, Ассоциация учителей в Словении занимается воспитанием гражданственности и другими предметами, которые затрагивают смежные темы. Национальный институт образования Республики Словения нанимает эксперта в области воспитания гражданственности и координирует работу исследовательской группы для

учителей предмета «культура и этика патриотизма и гражданственности», которая обеспечивает связь между учителями и экспертами в данной области, в том числе, посредством онлайн-обучения. Учебные группы существуют по всем предметам, включая те, которые включают гражданское образование.

Кроме того, в Литве функционирует веб-сайт «Сад образования» (Ugdymo sodas), который представляет собой информационную систему для образовательного контента. Он содержит учебные материалы по гражданскому воспитанию, а также по другим предметам; учителя могут обменяться мнениями и обсудить вопросы, связанные с образованием.

6. Оценка результатов гражданского образования

7.

Оценка результатов гражданского образования является неотъемлемой составляющей соответствующих политик стран ЕС. Проводимые в Венгрии национальные тесты, охватывающие гражданское образование, нацелены на подведение итогов достижений учащихся в конце учебного года, для выдачи сертификатов или принятия официальных решений относительно перехода учащихся на следующую ступень образования.

Литва и Словения, наоборот, относятся к числу восьми Европейских стран, в которых национальные тесты на уровне всей системы образования или отдельных школ проводятся с целью оценки прогресса в преподавании и обучении в области гражданского воспитания, а не для принятия официальных решений об успеваемости учащихся. В Литве такие тесты проводятся на уровне базового и начального среднего образования, в Словении – на уровне начального среднего образования.

В данных странах организованы факультативные стандартизированные экзамены по предметам или предметным областям с компонентами гражданского образования. Так, в Литве учащиеся последнего класса гимназии или предпоследнего класса начального среднего образования на базе школы имеют возможность сдать национальный экзамен для получения аттестата зрелости по истории, который охватывает такие темы, как «Конституция Литовской Республики» и «Демократическое участие».

В Словении учащиеся последнего класса гимназии могут выбрать социологию, которая также включает аспекты гражданского воспитания, в качестве одного из двух факультативных предметов общенационального

экзамена на получение аттестата зрелости. Учащиеся старших классов средней школы технического профиля (4-летняя программа начального профессионального образования) также могут принять решение сдать дополнительный экзамен по социологии на общий аттестат зрелости, чтобы получить доступ к академическим учебным программам высшего образования.

Отметим, что при проведении оценки в рамках официальных руководящих принципов Литва и Венгрия оценивают все три компонента гражданского воспитания, то есть знания, навыки и отношения. Напротив, официальное руководство Словении ограничивает объем оценки знаниями и навыками.

Интересным является и тот факт, что Словения относится к числу тех государств, в которых проводится внешний контроль соблюдения конкретных ценностей, которые необходимо продвигать в школе. Так, в Словении инспекторы следят за тем, поддерживают ли школы идеи национальной самобытности и знание истории Словении и ее культуры, отмечают ли национальные праздники, поют ли национальный гимн и вывешивают ли флаг.

8. Выводы и рекомендации
9.

Рассмотренный в настоящей работе опыт Литвы, Словении и Венгрии позволил заключить, что гражданское воспитание и обучение является одним из важных приоритетов образовательных политик данных стран, направленным на формирование социальных, гражданских, межкультурных компетенций, ведение диалога в условиях многонациональной среды, развитие критического мышления, медиаграмотности, борьбу с буллингом, укрепление патриотизма как по отношению к стране, так и на уровне всего Европейского союза. Важными составляющими при организации гражданского образования выступают подготовка и принятие нормативных правовых актов, формирование учебных программ и включение в них соответствующих дисциплин и тем, реализация проектов на международном, национальном, школьном уровнях, организация первоначальной подготовки учителей и проверки знаний учащихся. Опыт исследуемых стран продемонстрировал следующие потенциальные шаги в области организации гражданского образования, которые могут быть реализованы в Республике Беларусь:

– разработка и имплементация стратегии в сфере гражданского образования и воспитания, а также плана действий по ее реализации;

– развитие практических навыков в области демократической гражданственности. Возможным вариантом может выступить отказ от проведения формальных специализированных уроков на данную тему и, вместо этого, инвестирование денежных средств в мероприятия, имеющие более практическую направленность (например, связанные с развитием цифровой грамотности и этикета, планированием личных финансов, предпринимательской деятельностью[1]);

– включение в учебные программы неформального гражданского образования, которое может быть обязательным условием для получения диплома об образовании. Примером может выступать программа волонтерства, разработанная в Венгрии;

– сотрудничество с НГО в части разработки и реализации совместных проектов НГО и школ, привлечения к воспитанию в духе гражданства и прав человека представителей НГО и различных инициатив, а также организация практических мероприятий; обеспечения целевой поддержки со стороны НГО с целью вовлечения в гражданское участие наименее активных категорий учащихся.

– стимулирование самоуправления (например, детский парламент, участие учеников в органах управления школами) и создание благоприятной среды для этого. Обеспечение того, чтобы подобная деятельность носила реальный, а не просто формальный характер.

– подготовка руководящих принципов демократизации школ, включая рекомендации по демократическому управлению, вовлечению учащихся и других социальных партнеров и организации деятельности школьных советов.

– специальная подготовка учителей, которая может осуществляться как при получении образования, так и принятии учителя на работу в форме менторства.

При этом очевидно, что реформирование сферы образования, в том числе в области гражданственности, невозможно без более глубоких структурных реформ на общегосударственном уровне, что связано с

---

[1] *Compendium of inspiring practices on inclusive and citizenship education*, ET 2020 Working Group on Promoting Common Values and Inclusive Education, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. [pdf] Accessed at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2edab132-7fbe-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.

необходимостью создания условий (организационных и финансовых) для реализации указанных выше мероприятий. С другой стороны, наличие граждан, обладающих социальными и гражданскими компетенциями, навыками в области демократической гражданственности и прав человека, является неотъемлемой предпосылкой развития Республики Беларусь.

Библиография

Литература:

Annexes to Citizenship Education at School in Europe – 2017. Eurydice Report. European Commission/EACEA/Eurydice. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2fbe0e26-c846-11e7-9b01-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-56586259.

Charles C. Ragin, The Comparative Method. Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Oakland: University of California Press, 2014.

Citizenship Education at School in Europe – 2017. Eurydice Report. European Commission/EACEA/Eurydice. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6b50c5b0-d651-11e7-a506-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-56573425.

Citizenship Education in Europe. Luxembourg. European Commission/EACEA/Eurydice. Publications Office of the European Union, 2012. [pdf] Available at: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/ecd20d86-e56b4635-976c-b103d49cc46c/language-en.

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions supporting the prevention of radicalisation leading to violent extremism. COM(2016) 379 final. [pdf] Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016DC0379.

Compendium of inspiring practices on inclusive and citizenship education, ET 2020 Working Group on Promoting Common Values and Inclusive Education, Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. [pdf] Available at: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2edab132-7fbe-11eb-9ac9-01aa75ed71a1.

Developing Key Competences at School in Europe: Challenges and Opportunities for Policy. Eurydice Report. European Commission/EACEA/Eurydice. Luxembourg: Publications Office of the

European Union, 2012. [pdf] Available at: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/47063155-d7f7-4de8-87b0-8103e8b84197/language-en.

Education and Training Monitor 2018: Lithuania. European Commission. [pdf] Available at: https://ec.europa.eu/education/sites/default/files/document-library-docs/et-monitor-report-2018-lithuania_en.pdf.

Eurydice Brief: Citizenship Education at School in Europe – 2017. [pdf] Available at: https://www.indire.it/wp-content/uploads/2018/02/Eurydice-Brief-Citizenship-Education-at-School-in-Europe-2017.pdf.

Нормативные правовые акты:

Council of Europe Charter on Education for Democratic Citizenship and Human Rights Education Adopted in the framework of Recommendation CM/Rec(2010)7 of the Committee of Ministers. [pdf] Available at: https://rm.coe.int/16803034e5.

Закон Венгрии CXC о Национальном государственном образовании от 2011 г.

Белая книга об образовании в Республике Словения 2011. Изд. Второе. – 2011.

Закон Литовской Республики от 25 июня 1991 г. № I-1489 об образовании.

Закон Словении от 29.02.1996 г. о базовой школе.

Закон Словении от 29. 02. 1996 г. об организации и финансировании образования.

Интернет-источники:

Программа школьных общественных работ в Венгрии. Доступ: www.kozossegi.ofi.hu.

ЭКАНОМІКА І ПРАВА

Вольга Башлакова[1]

Канцэптуальна-метадычныя падыходы да даследавання лічбавай ценявой эканомікі

Volha Bashlakova

Conceptual and methodological approaches to the study of the digital shadow economy

Артыкул падрыхтаваны ў рамках удзелу аўтара ў праграме Стыпендыі Kirkland Research-2022 фонду лідэраў пераменаў, што фінансуецца праз польска-амерыканскі Фонд Свабоды (нумар гранта KRES/B/6/30) ва Ўроцлаўскім універсітэце (пад кіраўніцтвам прафесара факультэта права, кіравання і эканомікі Ўроцлаўскага ўніверсітэта Вітольда Квасніцкага)

Ключавыя словы: лічбавая эканоміка, ценявая эканоміка, крымінальная эканоміка, легальны бізнес, нелегальны бізнес, крыптавалюта, крыптабіржа, токен, лічбавы бізнес, афшорная зона.

Keywords: digital economy, shadow economy, criminal economy, legal business, illegal business, cryptocurrencies, crypto exchanges, tokens, digital business, offshore zone.

Рэзюме: Цыфравізацыі сучаснай эканомікі, асабліва на фінансавым рынку, можа стаць адным з вядучых фактараў развіцця лічбавай ценявой эканомікі. Аўтар вывучыў сучасныя навуковыя падыходы да генезісу лічбавай ценявой эканомікі, а таксама метадалагічныя падыходы да яе ацэнкі. Выдзелены дэтэрмінанты развіцця лічбавай ценявой эканомікі, яе асноўныя сегменты і сувязь з легальнай эканомікай. Акцэнт робіцца на неабходнасці карэкціроўкі асноўных макраэканамічных агрэгатаў з улікам ценявога сектара эканомікі з мэтай распрацоўкі эфектыўных інструментаў макраэканамічнага рэгулявання.

Abstract: Digitalization of the modern economy, especially in the financial market, can become one of the leading factors in the development of the digital shadow economy. The author has studied modern scientific approaches to the genesis of the digital shadow economy, as well as methodological approaches

[1] Беларуская Акадэмія, кандыдат эканамічных навук.

to its assessment. The determinants of the development of the digital shadow economy, its main segments, and the connection with the legal economy are highlighted. The emphasis is placed on the need to adjust the main macroeconomic aggregates taking into account the shadow sector of the economy in order to develop effective tools for macroeconomic regulation.

Уводзіны. Нягледзячы на тое, што эканамічная навука прапануе шмат метадычных падыходаў да даследавання ценявой эканомікі, развіццё інфармацыйнай інфраструктуры ў спалучэнні з глабалізацыяй эканамічных сувязяў стварылі прынцыпова новую сітуацыю, у якой традыцыйныя метады даследавання не дазваляюць атрымаць вынік з неабходнай дакладнасцю і эфектыўнасцю. Сучасная ценявая эканоміка дзякуючы бурнаму развіццю інфармацыйных тэхналогій істотна ўскладнілася і патрабуе цалкам новых падыходаў да яе вымярэння. Яшчэ ў сярэдзіне мінулага стагоддзя аснову ценявой эканомікі складалі скрытыя ад дзяржаўнага кантролю рознымі спосабамі аперацыі, пры гэтым ценявая і легальная эканомікі існавалі «паралельна», маючы мінімум пунктаў судакранання. У цяперашні час гэтыя два сектары паспяхова ўзаемадзейнічаюць паміж сабой, што істотна ўскладняе праблему вымярэння ценявой эканомікі.

Найбольш складаную і актуальную праблему ўяўляе сабой вызначэнне параметраў ценявой эканомікі ў інфармацыйным сектары, дзе імклівае ўкараненне найноўшых камунікацыйных тэхналогій максімальна ўскладняе рашэнне дадзенай праблемы. Імклівая цыфравізацыі працэсаў вытворчасці і размеркавання тавараў і паслуг, рэгістрацыі і перадачы эканамічнай інфармацыі не толькі спрасцілі кантроль дзяржавы за эканамічнымі працэсамі, але і стварылі новыя магчымасці для развіцця ценявой эканомікі. Дыгіталізацыя ценявой эканомікі стварыла шэраг складанасцяў:

– эканамічныя суб'екты, узаемадзейнічаючы з ценявай часткай эканомікі, атрымалі магчымасць хаваць вынікі эканамічнай дзейнасці ад падаткаабкладання шляхам дакументавання аперацый, якіх у рэальнасці не было, або параметры якіх істотна скажаюцца;

– большасць суб'ектаў, якія ўдзельнічаюць у ценявой дзейнасці, вядуць цалкам легальны бізнес, карыстаючыся пры гэтым ценявымі паслугамі фактараў вытворчасці;

– цыфравізацыя эканомікі стварыла інструменты для фінансавых транзакцый, зварот якіх поўнасцю або часткова знаходзіцца па-за сферай

дзяржаўнага кантролю, у тым ліку дзякуючы адсутнасці наднацыянальнай сістэмы рэгулявання.

У гэтых умовах традыцыйныя падыходы да даследавання ценявой эканомікі шмат у чым састарэлі. Таму сёння патрэбна распрацоўка новага тэарэтыка-метадалагічнага падыходу да даследавання і вымярэння параметраў сучаснай ценявой эканомікі з улікам яе цыфравізацыі і пераходу глабальнай эканамічнай сістэмы да новай якасці эканамічных адносін, заснаваных на фармаванні інфармацыйнага грамадства. Гіпотэза эфектыўнасці планаванага даследавання заключаецца ў тым, што ценявую эканоміку ва ўмовах яе імклівай цыфравізацыі мэтазгодна падзяліць на тры сектары, для кожнага з якіх трэба распрацаваць уласны метадычны інструментарый:

– змешаны сегмент, які ахоплівае не ўвесь цыкл вытворчасці тавараў і паслуг, а толькі яго частку (кошт канчатковага прадукту ствараецца як у ценявым сектары, так і ў легальнай эканоміцы);

– аўтаномны сегмент, які ахоплівае ўвесь працэс вытворчасці тавараў і паслуг (ад набыцця рэсурсаў да рэалізацыі і спажывання канчатковага прадукту ў ценявым сектары);

– крымінальны сегмент (не будзе вывучацца ў дадзеным даследаванні, паколькі крымінальная дзейнасць у сферы лічбавых тэхналогій належыць, хутчэй, да крымінальных злачынстваў і не з'яўляецца варыянтам эканамічнай дзейнасці, заснаванай на прэзумпцыі прыватнай уласнасці і эканамічнай выгады).

Для Рэспублікі Беларусь даследаванне ценявой эканомікі вельмі актуальна ў сілу таго, што з-за неэфектыўнасці рэформаў, якія праводзяцца, непісьменнага кіравання краінай у Беларусі частка афіцыйнай статыстыкі застаецца закрытай, некаторыя дадзеныя, якія з'яўляюцца зыходнымі для даследавання ценявой эканомікі, не публікуюцца ў адкрытым друку, або публікуюцца ў скажоным выглядзе, а сам ценявы сектар, а таксама карупцыйная рэнта, мяркуючы па шэрагу ўскосных прыкмет, вельмі вялікія. Пры гэтым лічбавы сектар эканомікі досыць хутка развіваецца (Рэспубліка Беларусь займае адно з вядучых месцаў у свеце па колькасці карыстальнікаў крыптавалют, крыптавалютныя біржы існуюць легальна, аперацыі з крыптавалютамі таксама часткова легалізаваныя), што робіць задачу даследавання лічбавай ценявой эканомікі асабліва актуальнай. Прымяненне санкцый у дачыненні да фінансавай сістэмы Рэспублікі Беларусь пасля пачатку вайны ва Украіне ўзмацняе актуальнасць даследавання лічбавай ценявой эканомікі як спосабу пабудовы фінансавых

патокаў у абыход ужываных санкцыйных мер з выкарыстаннем крыптавалют і лічбавых тэхналогій.

Асноўная частка. У працэсе даследавання лічбавай ценявой эканомікі на першым этапе неабходна даць вызначэнне дадзенай з'явы з пазіцыі генэзісу і існуючых падыходаў да вызначэння ценявой эканомікі ў традыцыйных сферах дзейнасці. Пры гэтым важна зрабіць агаворку, што кіберзлачынствы і іншыя варыянты махлярства з выкарыстаннем інфармацыйных тэхналогій (па аналогіі з крымінальнай эканомікай у традыцыйных яе сектарах) не разглядаюцца ў артыкуле як варыянт лічбавай ценявой дзейнасці, бо яны адносяцца да крымінальных злачынстваў і не з'яўляюцца варыянтамі эканамічнай дзейнасці, заснаванай на прэзумпцыі прыватнай уласнасці і эканамічнай выгады.

Генэзіс феномену лічбавай ценявой эканомікі безумоўна грунтуецца на агульнай канцэпцыі ценявой эканомікі, якая ў шырокім сэнсе ўяўляе сабой незарэгістраваныя даходы, атрыманыя альбо ад вытворчасці і продажу законных (не забароненых заканадаўствам) тавараў і паслуг, альбо ад грашовых або бартэрных аперацый[1], [2]. Лічбавая ценявая эканоміка ў шырокім сэнсе разглядаецца як частка ценявой эканомікі, якая знаходзіцца ў лічбавай прасторы і якая выкарыстоўвае сучасныя лічбавыя тэхналогіі. Паколькі імклівае развіццё тэхналогій ўскладняе разуменне лічбавай ценявой эканомікі, да цяперашняга часу так і не выпрацаваны агульны падыход да дадзенага паняцця, аднак выяўлены яго агульныя рысы ў залежнасці ад прыроды, агульнай мэты або тэматыкі дадзенай з'явы: падыход да даследавання, які адлюстроўвае агульны характар лічбавай ценявой дзейнасці; ролю ініцыятара – пастаўшчыка; ролю спажыўца як актыўнага суб'екта.

З улікам існуючых меркаванняў у навуковай эканамічнай літаратуры можна вылучыць наступныя вызначэнні лічбавай ценявой эканомікі:

– схаваны (незарэгістраваны) прыбытковы анлайн-бізнес[3];

[1] Schneider F., Buehn A. *Shadow economy: Estimation methods, problems, results and open questions.* Open Economics, 2018. – p. 1–29

[2] Schneider F., Buehn A., Montenegro B. *Shadow economies all over the world: New estimates for 162 countries from 1999 to 2007, Policy Research Working Paper.* The World Bank, Development Research Group, Poverty and Inequality Team & Europe and Central Asia Region, Human Development Economics Unit, 2010

[3] Gasparėnienė L., Remeikienė R., Schneider F. *Concepts, motives and channels of digital shadow economy: consumer's attitude* // Journal of Business Economics and Management. – vol. 18(2), 2017. – p. 273–287

– парушэнне ўстаноўленых прававых нормаў у дачыненні да лічбавага бізнесу, а не пагоня за прыбыткам[1];

– ухіленне ад выплаты падаткаў у лічбавым бізнэсе[2],[3],[4];

– абыход пэўных правілаў і патрабаванняў у дачыненні да справаздачнасці аб камерцыйнай або гандлёвай дзейнасці, што ажыццяўляецца ў Інтэрнэце[5];

– незаконная зарэгістраваная або незарэгістраваная дзейнасць у Інтэрнэце, выкліканая неабходнасцю атрымання прыбытку, ухілення ад выплаты падаткаў, абыходу прававых нормаў[6];

– частка ценявой эканомікі, калі ажыццяўляецца незаконны камерцыйны анлайн-гандаль;

– частка традыцыйнай ценявой эканомікі, у якой ажыццяўляецца незаконны камерцыйны анлайн-гандаль таварамі (працамі, паслугамі);

– прадастаўленне пэўных тавараў (работ, паслуг) з мэтай атрымання фінансавай выгады ў лічбавай прасторы, якое ажыццяўляецца без рэгістрацыі дзейнасці і прычыняе шкоду афіцыйна зарэгістраванаму суб'екту, які прадастаўляе аналагічныя тавары (работы, паслугі)[7];

– незаконная аперацыя ў лічбавай прасторы, якая спараджае незаконныя грашовыя патокі для пастаўшчыкоў або пакупнікоў тавараў (паслуг) і пазбаўляе законных гандляроў (пастаўшчыкоў паслуг) даходаў, якія можна было б афіцыйна ўлічваць, разлічваць і дэклараваць;

– гандаль у электроннай прасторы, які ажыццяўляецца без выплаты падаткаў у дзяржаўны бюджэт, за выключэннем чыста крымінальнай дзейнасці, такой як незаконны абарот наркотыкаў, прастытуцыя і г. д.

---

[1] Arango J., Baldwin-Edwards M. *Immigrants and the informal economy in Southern Europe.* 2nd ed. London: Frank Cass, 2014

[2] Feige E. L. *How big is the irregular economy?* Challenge, 22(1), 1979, p. 5–13

[3] Berdiev A. N., Saunoris J. W. *Does globalization affect the shadow economy?* The World Economy, vol. 41(1), 2018. – p.222–241

[4] Gaspareniene L., Remeikiene R. *Digital shadow economy: a critical review of the literature* // Mediterranean Journal of Social Sciences. – № 6(6S5), 2015. p. 402–409

[5] Berdiev A. N., Saunoris J. W., Schneider F. *Poverty and the shadow economy: The role of governmental institutions.* The World Economy, 43(4), 2020

[6] Gamal A., Dahalan J., Viswanathan K. *Estimating the underground economy, illegal money and tax evasion in Qatar.* Journal of Financial Crime. – vol. 10.1108/JFC-05-2018-0050, 26, 4, 2019, p.1048–1064

[7] Feld L. P., Schneider F. *Survey on the shadow economy and undeclared earnings in OECD countries.* German Economic Review, 11(2), 2010

З дадзенай агаворкай, пад лічбавай ценявой эканомікай варта разумець незаконныя аперацыі ў лічбавай прасторы, якія суправаджаюцца заключэннем незарэгістраваных здзелак (у прыватнасці, смарт-кантрактаў), псеўда-здзелак (якія ставяць мэтай вывад капіталу з краіны) і правядзеннем нелегальных фінансавых аперацый.

Такі падыход дазваляе больш дакладна вызначыць аб'ект і прадмет даследавання, а таксама распрацаваць інструментарый для ацэнкі лічбавай ценявой эканомікі[1].

Акрамя вызначэння сутнасці з'явы лічбавай ценявой эканомікі важна акрэсліць дэтэрмінуючыя фактары ўдзелу суб'ектаў у дадзеных незаконных аперацыях, у тым ліку макраэканамічныя, эканамічныя, псіхалагічныя, юрыдычныя дэтэрмінанты, спажывецкія выгады[2]. Важную ролю адыгрывае агульная макраэканамічная сітуацыя ў краіне, узровень інфляцыі, празрыстасць разлікаў, стабільнасць нацыянальнай грашовай адзінкі, фінансавая і лічбавая пісьменнасць насельніцтва, узровень беспрацоўя, узровень прадпрымальніцкай ініцыятывы і свабоды, развіццё інстытутаў рынку і ўзровень канкурэнцыі, узровень развіцця банкаўскага сектара, даступнасць банкаўскіх крэдытаў і стабільнасць дэпазітаў, давер хатніх гаспадарак, узровень законапаслухмянасці грамадзян, узровень падатковай культуры і грамадскай самасвядомасці, узровень развіцця крымінальна-працэсуальнага заканадаўства ў галіне кіберзлачынстваў і эканамічнага заканадаўства ў галіне эканамічных лічбавых правапарушэнняў, і многае іншае[3].

У сучаснай навуковай эканамічнай літаратуры ўсё яшчэ выкарыстоўваюцца традыцыйныя метады ацэнкі ценявой эканомікі, у якіх адсутнічаюць індыкатары, што дазваляюць ацаніць памер лічбавай ценявой эканомікі[4]. З улікам хуткасці распаўсюджвання феномену цыфравізацыі такая недакладнасць метадалогіі разлікаў істотна скажае ацэнку маштабаў

---

[1] Goel R. K., Saunoris J. W. *Government decentralization and prevalence of the shadow economy.* Public Finance Review. – vol. 44(2), 2016. – p. 263–288

[2] Mayayise T., Osunmakinde I. *E-commerce assurance models and trustworthiness issues: an empirical study,* Information Management & Computer Security. – vol. 22(1), 2014. – p. 76–96

[3] Amasiatu C. V., Shah M. H. *First party fraud: a review of the forms and motives of fraudulent consumer behaviours in e-tailing,* International Journal of Retail & Distribution Management 42(9), 2014. – p. 805–817

[4] Kaburneeva A., Bashlakova O., Zapadnyuk E. Institutional and legal mechanism for the implementation of the shadow economy: Theory and world practice of implementation / Republic of Belarus, Gomel: CIIR, 2009. – 187 p.

ценявой эканомікі, паколькі вялікая доля ценявой дзейнасці пераносіцца ў электронную прастору з выкарыстаннем электронных грошай.

Найбольшае распаўсюджванне для ацэнкі ценявой эканомікі ў сусветнай практыцы традыцыйна мае мадэль схаваных зменных MIMIC, якая лічыцца найбольш поўнай метадалогіяй ацэнкі ценявой эканомікі, і пры агульным падыходзе да ацэнкі аб'ёмаў лічбавай ценявой эканомікі можна выкарыстоўваць менавіта яе, з карэкціроўкай на спецыфічнасць праходжання ценявых эканамічных працэсаў у электроннай прасторы[1].

У агульным выглядзе дэтэрмінанты, якія вызначаюць распаўсюджванне лічбавай ценявой эканомікі, ўключаюць доступ хатніх гаспадарак да сеткі Інтэрнэт, дазвол на абарот крыптавалют у нацыянальным заканадаўстве, яго рэгуляванне і празрыстасць аперацый, безнаяўныя плацяжы і ўкараненне інавацыйных фінансавых інструментаў, наяўнасць "падатковых гаваняў" і рэжымаў асаблівага гандлю (афшорных зон), ільгот для высокатэхналагічных кампаній і падаткаабкладання токенаў. Канкрэтныя паказчыкі-індыкатары лічбавай ценявой эканомікі павінны ахопліваць масштаб безнаяўных плацяжоў у лічбавай прасторы, маштаб плацяжоў з выкарыстаннем крыптавалют, маштаб аперацый на крыптабіржах, маштаб аперацый па куплі-продажы тавараў (у форме пасылак), за якія не выплачваюцца мытныя плацяжы і інш.[2] Пры гэтым названыя паказчыкі павінны быць ацэнены як у маштабе асобна ўзятай краіны, так і ў маштабе краін, якія маюць цесныя знешнеэканамічныя сувязі (для правядзення крос-праверкі паказчыкаў і выяўлення адхіленняў у статыстыцы)[3].

Найбольш ілюстрацыйным у дадзеным кантэксце будзе працэс капіталізацыі крыптавалют на сусветным фінансавым рынку ў 2016-2021 гг. Так, калі ў 2016 годзе капіталізацыя крыптавалют вымяралася у мільярдах даляраў ЗША, то ў 2021 годзе дадзены паказчык перавысіў 2 трыльёна даляраў ЗША. Пры гэтым колькасць крыптавалют перавысіла 2300 найменняў, а колькасць транзакцый з імі штогод павялічваецца ў геаметрычнай прагрэсіі. Аналагічнымі тэмпамі развіваюцца і разнастайныя

---

[1] Medina L., Schneider F. *Shadow economies around the world: What did we learn over the last 20 years?* IMF working papers, 2018. – vol. 18/17. – p. 76

[2] Psychoyios D., Missiou O., Dergiades T. *Energy based estimation of the shadow economy: The role of governance quality.* The Quarterly Review of Economics and Finance, 2019

[3] Schneider F., Bajada C. *The size and development of the shadow economies in the Asia-pacific, Department Of Economics, Johannes Kepler University Linz.* Working Paper, 2003. – vol. 0301

анлайн-платформы для гандлю таварамі (працамі, паслугамі), электронныя біржы і крыптабіржы, расце роля неінстытуцыянальных інвестараў на фінансавых рынках. Такая дынаміка робіць адназначнай выснову аб актуальнасці распрацоўкі механізму элімінавання лічбавай ценявой эканомікі, паколькі дадзеныя працэсы развіваюцца стыхійна, і рэакцыя сістэмы дзяржаўнага рэгулявання на дадзеныя працэсы занадта павольная як у асобных дзяржавах, так і ў свеце.

У цяперашні час досыць складана ацаніць лічбавую ценявую эканоміку па вышэй акрэсленых паказчыках, бо фактычна адсутнічае эмпірычная база дадзеных для правядзення разлікаў, і афіцыйныя статыстычныя базы дадзеных не ўтрымліваюць неабходныя тыпы дадзеных, так як ценявая эканоміка па сваёй прыродзе носіць латэнтны характар. Разам з тым, дзейнасць ценявой эканомікі непазбежна скажае дадзеныя афіцыйнай статыстыкі, а ценявая і легальная эканамічная дзейнасць непазбежна ўзаемадзейнічаюць на якім-небудзь этапе эканамічнага абароту: набыцця рэсурсаў, вытворчасці тавараў і паслуг, размеркавання альбо спажывання. Больш за тое, выявіць параметры ценявых эканамічных аперацый дапамагае супярэчнасць паміж удзельнікамі ценявой эканамічнай дзейнасці: калі прапанова ў ценявой эканоміцы зацікаўлена ў скажэнні дадзеных у бок іх мінімізацыі, то попыт, наадварот, зацікаўлены ў завышэнні дадзеных для ўтойвання даходаў і прыбытку. Таму крыніцай дадзеных для даследавання лічбавай ценявой эканомікі з'яўляецца афіцыйная статыстыка, якую публікуюць дзяржаўныя органы, цэнтральныя і камерцыйныя банкі, грамадскія і міжнародныя арганізацыі, у тым ліку фінансавыя, а таксама буйныя міжнародныя кансалтынгавыя і аўдытарскія кампаніі.

Для выяўлення параметраў лічбавай ценявой эканомікі можна выкарыстоўваць некалькі метадычных падыходаў:

– метад разыходжанняў, сутнасць якога заключаецца ў аналізе трансгранічных і ўнутраных (у рамках выбраных для даследавання краін) грашовых і адпаведных ім таварных патокаў з улікам дынамікі цэн і валютных курсаў, што дазволіць выявіць ценявую частку аперацый у лічбавым сектары за кошт супярэчнасцяў у дадзеных паміж рэсурсамі і іх выкарыстаннем, паміж імпартам і экспартам (люстраны аналіз статыстыкі краін), паміж вытворчасцю і спажываннем і г. д. Для прымянення дадзенага метаду мэтазгодна пабудаваць сістэму балансавых мадэляў, у рамках якіх будуць выяўлены разыходжанні паміж рэсурсамі і іх выкарыстаннем у наступных сектарах:

а) спажыванне (разыходжанне паміж даходамі і іх выкарыстаннем, гэта значыць спажываннем і зберажэннем, з улікам лічбавых актываў, валютаабменных аперацый і транзакцый);

б) рознічны абарот тавараў і паслуг (разыходжанне паміж вытворчасцю і імпартам з аднаго боку і спажываннем і экспартам з другога);

в) інвестыцыі (разыходжанне паміж рэшткамі інвестыцыйных актываў і іх набыццём з аднаго боку і іх наяўнасцю і выбыццём з другога);

г) чысты экспарт (люстраное супастаўленне статыстыкі экспарту і імпарту па краінах з улікам парадку фарміравання цаны);

– метад экстрапаляцыі, пры якім ценявыя аперацыі ў лічбавым сектары эканомікі выяўляюцца шляхам экстрапаляцыі выяўленых кантралюючымі і праваахоўнымі органамі выпадкаў такіх аперацый на ўсю сукупнасць эканамічнай дзейнасці ў лічбавым сектары за пэўны перыяд шляхам мяккага фактарнага мадэлявання эканамічных працэсаў у лічбавай ценявой эканоміцы. У дадзеным выпадку мэтазгодна вызначыць ключавыя фактарныя паказчыкі, якія вызначаюць узровень ценявых аперацый у лічбавым сектары эканомікі метадам рангавай карэляцыі ў часе (паміж перыядамі) і прасторы (паміж краінамі і рэгіёнамі), а затым метадамі карэляцыйнага аналізу ўсталяваць разліковы аб'ём ценявых аперацый;

– метад элімінавання, які дазваляе выявіць параметры ценявых аперацый як розніцу паміж агульным аб'ёмам транзакцый і той часткай дадзенай сукупнасці транзакцый, лягальнасць якіх не выклікае сумненняў. Для прымянення дадзенага метаду мэтазгодна пабудова адытыўная мадэлі, якая апісвае адпаведнасць фінансавых транзакцый і адпаведных аперацый з актывамі. Неадпаведнасць дадзеных у лічбавым сектары пры адпаведнай інтэрпрэтацыі вынікаў дазваляе выявіць параметры ценявых аперацый.

Далейшая апрацоўка атрыманых вынікаў заключаецца ў выяўленні на аснове дадзеных аб аб'ёмах ценявых аперацый у лічбавым сектары неабходных карэктыровак паказчыкаў афіцыйнай статыстыкі – у першую чаргу даходаў насельніцтва і дабаўленага кошту. Для гэтага неабходна экстрапаляваць атрыманыя дадзеныя на кампаненты канчатковага спажывання (спажывецкія выдаткі хатніх гаспадарак, інвестыцыі і чысты экспарт, паколькі дзяржаўныя выдаткі з ценявых даходаў практычна немагчымыя) і дабаўленага кошту (прадпрымальніцкі даход і аплату працы). Вынікам разлікаў будзе з'яўляцца карэктыроўка аб'ёмаў макраэканамічных агрэгатаў з улікам лічбавай ценявой эканомікі.

Выснова. Вынікі праведзеных даследаванняў дазволяць распрацаваць метадалагічныя асновы даследавання лічбавай ценявой эканомікі, метадычны інструментар яе ацэнкі і аналізу, а таксама падыходы да яе элімінавання. Лічбавізацыя эканомікі, далейшая яе глабалізацыя ўзмацняюць актуальнасць дадзенага даследавання і фармуюць новую парадыгму эканамічных адносін у гэтай сферы. Абраная ў цяперашні час мадэль сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі даказала сваю нежыццяздольнасць і неэфектыўнасць. Без фундаментальных змен мадэлі развіцця, дэмакратызацыі грамадства, пераважання рынкавых падыходаў у кіраванні ў Беларусі няма будучыні. Нават ва ўмовах таталітарызму высокі ўзровень развіцця чалавечага капіталу даказаў (на прыкладзе Парку высокіх тэхналогій Беларусі), што менавіта гэты кірунак можа стаць драйверам эканамічнага росту. Аднак без пісьменнага і абгрунтаванага падыходу да рэгулявання дадзенай сферы, у тым ліку ў галіне лічбавай ценявізацыі эканомікі і яе элімінавання, дасягненне чаканага эфекту не ўяўляецца магчымым.

Бібліяграфія

Літаратура

Amasiatu C. V., Shah M. H. *First party fraud: a review of the forms and motives of fraudulent consumer behaviours in e-tailing*, [in:] *International Journal of Retail & Distribution Management* 42(9), 2014. – p. 805–817

Arango J., Baldwin-Edwards M. *Immigrants and the informal economy in Southern Europe*. 2nd ed. London: Frank Cass, 2014

Berdiev A. N., Saunoris J. W. *Does globalization affect the shadow economy?* [in:] *The World Economy*, vol. 41(1), 2018,p.222–241

Berdiev A. N., Saunoris J. W., Schneider F. *Poverty and the shadow economy: The role of governmental institutions.* [in:] *The World Economy*, 43(4), 2020

Feige E. L. *How big is the irregular economy?* [in:] *Challenge*, 22(1), 1979, p. 5–13

Feld L. P., Schneider F. *Survey on the shadow economy and undeclared earnings in OECD countries.* [in:] German Economic Review, 11(2), 2010

Gamal A., Dahalan J., Viswanathan K. *Estimating the underground economy, illegal money and tax evasion in Qatar*. [in:] *Journal of Financial Crime*, 10.1108/JFC-05-2018-0050, 26, 4, 2019, p.1048–1064

Gaspareniene L., Remeikiene R. *Digital shadow economy: a critical review of the literature* [in:] *Mediterranean Journal of Social Sciences*. № 6(6S5), 2015. p. 402–409

Gasparėnienė L., Remeikienė R., Schneider F. *Concepts, motives and channels of digital shadow economy: consumer's attitude* [in:] *Journal of Business Economics and Management*, vol. 18(2), 2017. – p. 273–287

Goel R. K., Saunoris J. W. *Government decentralization and prevalence of the shadow economy.* [in:] *Public Finance Review*. v. 44(2), 2016. – p. 263–288

Kaburneeva A., Bashlakova O., Zapadnyuk E. *Institutional and legal mechanism for the implementation of the shadow economy: Theory and world practice of implementation* / Republic of Belarus, Gomel: CIIR, 2009. – 187 p.

Mayayise T., Osunmakinde I. *E-commerce assurance models and trustworthiness issues: an empirical study* [in:] *Information Management & Computer Security*. – vol. 22(1), 2014. – p. 76–96.

Medina L., Schneider F. *Shadow economies around the world: What did we learn over the last 20 years*? [in:] *IMF working papers*, 2018, vol. 18/17, p 76

Psychoyios D., Missiou O., Dergiades T. *Energy based estimation of the shadow economy: The role of governance quality*. [in:] *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 2019

Schneider F., Bajada C. *The size and development of the shadow economies in the Asia-pacific*, Department Of Economics, Johannes Kepler University Linz. Working Paper, 2003,vol. 0301

Schneider F., Buehn A. *Shadow economy: Estimation methods, problems, results and open questions*. [in:] *Open Economics*, 2018, p. 1–29

Schneider F., Buehn A., Montenegro B. *Shadow economies all over the world: New estimates for 162 countries from 1999 to 2007*[in:] *Policy Research Working Paper*. The World Bank, Development Research Group, Poverty and Inequality Team & Europe and Central Asia Region, Human Development Economics Unit, 2010

Ольга Дробыш[1]

Академическая свобода преподавателя университета: вопросы правовой регламентации и национальной образовательной практики

Olga Drobysh

Academic freedom of a university teacher: issues of legal regulation and national educational practice

Ключевые слова: высшее образование, академическая свобода, свобода исследований.
Keywords: higher education, academic freedom, freedom of research.

Резюме: В статье предпринята попытка анализа национального законодательства и образовательной практики в аспекте правового регулирования ограничений права участников образовательных правоотношений на академическую свободу, рассмотрены различные подходы к трактовке этого понятия. Сравнивая нормы международного права, конституционные нормы и нормы национального законодательства в области образования, автор приходит к выводу о наличии обоснованной необходимости совершенствования законодательства в этой области.

Abstract

The article attempts to analyze national legislation and educational practice in the aspect of legal regulation of restrictions on the right of participants in educational legal relations to academic freedom, various approaches to the interpretation of this concept are considered. Comparing the norms of international law, constitutional norms and norms of national educational legislation, the author comes to the conclusion that there is a reasonable need to improve legislation in this area.

Понятие академических свобод получило достаточное распространение и правовое закрепление во многих современных европейских государствах, Российской Федерации, Соединённых Штатах Америки. Академическая свобода, в частности, понимается, в первую очередь, как право профессорско-преподавательского состава, научно-исследовательских работников и студентов свободно проводить научные исследования, а также свободно распоряжаться информацией, полученной в процессе таких исследований.

В документах Болонского процесса, определяющих основные принципы формирования и функционирования Европейского пространства высшего образования, декларируется, что «академическая свобода является неотъемлемым аспектом качественного обучения, преподавания и научных исследований в высшем образовании, а также демократии. Это

[1] Беларуская Акадэмія, кандидат юридических наук, доцент.

необходимое условие для того, чтобы высшие учебные заведения производили и передавали знания в качестве общественного блага в интересах всего общества. Она гарантирует преподавателям, ученым и студентам свободу мысли и поиска в интересах продвижения знаний посредством проведения научных исследований и открытого обмена, а также свободу сообщать результаты исследований в рамках академических институтов и программ и за их пределами. Академическая свобода является отдельным, фундаментальным демократическим правом, частично основанным на праве на образование, и имеет общие элементы со свободой мысли, мнений и выражения. Академическая свобода должна основываться на строгих научных и профессиональных стандартах, уважении прав других, этическом поведении и осознании воздействия научных исследований на человека и окружающую среду. Это крайне важно для продвижения стандартов академических дисциплин и областей исследований.

Таким образом, академическая свобода защищает не только науку и выражение научных идей, но и свободное функционирование академических институтов в демократических обществах» [1].

Международное неправительственное объединение «Академия за академические свободы» сформулировало два основных принципа академических свобод:

как внутри, так и за пределами учебного заведения или научно-исследовательской организации допускается полная свобода ставить любые вопросы и стремиться к истине, в том числе по поводу противоречивых и непопулярных взглядов, независимо от того, задевает кого-либо та или иная точка зрения;

учебные заведения и научно-исследовательские организации не имеют права ограничивать академические свободы для своих штатных сотрудников, а также использовать их публичные заявления в качестве повода для дисциплинарных мер или увольнения[2].

Анализ исследований по данному вопросу позволяет в самом общем виде выделить две модели современного понимания академической свободы.

Классическая модель трактует академическую свободу преподавателей и студентов как свободу преподавания и исследований

---

[1] Заявление об академической свободе (Рим 19.11.2020), https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/bolonga/Academic-Freedom-Statement (доступ 10.12.2021)

2 *Academics for academic freedom,* http://www.afaf.org. uk/ (доступ 03.12.2021)

внутри университета. Защита именно этой свободы от внешних посягательств – основная задача академических сообществ.

Активистская модель учитывает возросшую многократно социальную миссию университетов и считает публичную активность преподавателей и студентов неразрывной частью академической свободы и академических прав.

В академическом сообществе (и не только) активно обсуждается вопрос, какая из моделей академической свободы наиболее актуальна для современного исторического контекста. Именно публичные выступления ученых и даже право на создание профсоюзов вошли в определение академических свобод, принятых рядом влиятельных организаций. Так, **Американская ассоциация университетских профессоров (AAUP)** в документе 1940 г., помимо свободы учить и учиться, отдельно выделяет свободу и право профессоров выступать публично без ограничений и цензуры со стороны своих институций[1]. Правда, при этом оговаривается необходимость уточнять, что они не выступают от имени университета[2].

В докладе «Терроризм: недопустимость оправдания»[3] сотрудники одного из самых авторитетных учреждений высшего образования Российской Федерации – Высшей школы экономики – отдельно обращают внимание на вопросы академической этики, разделяя свободу высказывания *внутри университета* и в *публичном пространстве*. Отрицая «табу на исследования», авторы настаивают на «этике публичных выступлений», которая требует не допускать «легковесных публичных суждений на морально значимые темы».

Таким образом, сами университеты сознательно ограничивают пространство академической свободы, прежде всего в части публичных выступлений, настаивая на том, что подобные выступления не являются частью академической свободы.

Правовым ограничителем академической свободы как права на публичное выражение своих научных взглядов, гражданской позиции (сформированных на основе результатов научных исследований) в этом

---

1 *Academics for academic freedom*, https://www.aaup.org/report/1940-statement-principles-academic-freedom-and-tenure (доступ 03.12.2021)

2 Центр независимых социальных исследований, https://russian.eurasianet.org (доступ 03.12.2021)

3 *Терроризм: недопустимость оправдания: исторические, этические и правовые аспекты*, https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/382849661.pdf (доступ 03.12.2021)

случае является институт конфликта интересов учреждения (нанимателя) и сотрудника. При этом открытым (и ненадлежащим образом регламентированным) остаётся вопрос: являются ли выводы и результаты исследователей публичными выступлениями, если, например, они опубликованы не только в научных изданиях, но с разрешения автора (или без оного) процитированы в социальных сетях и (или) в средствах массовой информации. Следует ли рассматривать их в аспекте ограничений, связанных с распространением информации и регламентированных соответствующим законодательством? На наш взгляд, вопрос требует теоретического осмысления и последующей правовой интерпретации.

Общепризнанные нормы, закрепляющие концептуальные основы регулирования педагогической деятельности в системе высшего образования вообще и вопросов академической свободы в частности содержит Рекомендация ЮНЕСКО «О статусе преподавательских кадров высших учебных заведений» (Париж, 11 ноября 1997 г.) (далее – Рекомендация). В п. 6 Рекомендации говорится: «Преподавание в сфере высшего образования является высококвалифицированной профессией, формой службы обществу, которая требует от преподавательских кадров учреждений высшего образования глубоких знаний и специальных навыков, приобретаемых и поддерживаемых упорной учёбой и исследовательской деятельностью на протяжении всей жизни»[1].

В п. 27 Рекомендации академическая свобода преподавателей определяется как «<…> не ограничиваемое никакой доктриной право на свободу преподавания и обсуждения, свободу проведения исследований, распространения и публикации их результатов, свободное выражение своих мнений в отношении учреждения или системы, <…>, свободу от институциональной цензуры и свободу участия в профессиональных или представительных академических органах».

В п. 21 ст. 1 Модельного образовательного Кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств[2] закреплено важное

---

[1] *Международные нормативные акты ЮНЕСКО : конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации* / Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО ; сост. И. Д. Никулин. М. , Логос, 1993, с. 199–203.

[2] *О новой редакции модельного Образовательного кодекса (Общая часть) для государств-участников СНГ : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств : № 39-6* [в:] *КонсультантПлюс. Беларусь* / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

дополнение при определении понятия «академическая свобода»: предоставляемые академические свободы влекут за собой академическую ответственность за создание оптимальных условий для свободного поиска истины, ее свободного изложения и распространения, что согласуется с нормами (п. 28–29) Рекомендации о необходимости «соблюдения признанных профессиональных принципов, включая профессиональную ответственность и интеллектуальную взыскательность в отношении норм и методов преподавания, <…> поиска научной истины и исследовательской этики».

Рассмотрим в данном аспекте нормы национального белорусского законодательства.

Правовое регулирование деятельности педагогических работников системы высшего образования в Республике Беларусь основано на международных и конституционных нормах, сочетает нормы законодательства о труде и занятости, законодательства об образовании и иных нормативных правовых актов.

Важная социальная роль высшего образования, специфический характер деятельности педагогических работников, связанный с интенсивной интеллектуальной нагрузкой, нервным напряжением и т.п., стратегические цели высшего образования обусловили необходимость специального правового регулирования труда рассматриваемой категории работников.

В соответствии со ст. 50 Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании), педагогическими работниками признаются лица, которые осуществляют педагогическую деятельность (реализуют содержание образовательных программ, программ воспитания, осуществляют руководство образовательной деятельностью учреждения образования). Особый вид педагогических работников высшего образования – профессорско-преподавательский состав – установлен в соответствии с п. 2 ст. 50[1].

В соответствии с общепризнанными международными нормами в области образования принцип академической свободы, закреплённый

---

[1] *Кодекс Республики Беларусь об образовании 13 янв. 2011 г., № 243-З* : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобрен Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. // *КонсультантПлюс. Беларусь* / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

Рекомендацией, развивается в ст. 51 Конституции Республики Беларусь[1], в которой установлены гарантии свободы художественного, научного, технического творчества и преподавания, а также закреплены гарантии доступа к ценностям отечественной и мировой культуры.

Конституционные гарантии закрепляются и на уровне нормативных правовых актов, принятых во исполнение конституционных установлений. Так, в соответствии с п. 1.3 ст. 52 Кодекса об образовании педагогические работники имеют право на творческую инициативу, свободу выбора педагогически обоснованных форм и методов обучения и воспитания, учебных изданий и средств обучения.

Однако ограничения на академическую свободу и свободу исследований получили широкое распространение и в национальной образовательной практике: при заключении трудового договора с высшим учебным заведением сотрудник даёт письменное обязательство, ограничивающее публичные выступления, не согласованные с учреждением. В случае, если публичные выступления работников затрагивают вопросы, вызывающие существенные разногласия, выходят за рамки объективного изложения результатов профессиональной деятельности, сотрудник не имеет права указывать свою аффиляцию с учреждением. Данные нормы в то или ином виде закреплены и в этических кодексах белорусских университетов.

При всей логичности подобного подхода в правовом регулировании открытым остаётся вопрос: выходят ли объективные, конструктивные и обоснованные критические выводы (результаты исследований), затрагивающие, например, анализ деятельности самого учреждения или всей государственной системы, «за рамки объективного изложения результатов профессиональной деятельности»? Существуют ли алгоритмы, процедуры верификации и оценки таких выводов? Достаточно ли не указывать аффиляцию с учреждением, чтобы избежать различного рода дисциплинарных взысканий? Полагаем, что для современной национальной образовательной практики данный вопрос является риторическим.

Очевидно, что академическая свобода не безгранична: деятельность преподавателей реализуется в рамках значительных формальных и неформальных ограничений: образовательного процесса, требований образовательных стандартов, образовательной политики государства и

[1] *Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.* , Минск, Амалфея, 2005.

конкретного университета, стереотипов поведения в обществе и коллективе и т.п. Но даже в условиях этих ограничений преподаватель сохраняет право на научное и педагогическое творчество, свободу мнения и свободу исследований. При этом важное, на наш взгляд, понятие – «академическая свобода» – не нашло легального закрепления на уровне Кодекса об образовании.

Рассуждая о понятии «академическая свобода», её нормативном оформлении и ограничениях, нельзя не отметить, что системный политический кризис в Республике Беларусь, спровоцированный президентскими выборами в 2020 году, выявил ряд проблем общегосударственного масштаба. На фоне катастрофической ситуации с соблюдением базовых прав человека, частные вопросы, связанные с академическими свободами в национальной высшей школе, уже не представляются очевидно значимыми и вроде бы отходят на второй план. Сегодня речь идёт уже о сохранении свободы, жизни и здоровья людей, которые подвергаются репрессиям либо постоянной угрозе за выражение политических взглядов и гражданской позиции. И, тем не менее, образовательная, правоприменительная и правоохранительная практика ежедневно дополняются фактами, которые автору сложно осмыслить и принять с правовой точки зрения. Сложно игнорировать и замалчивать эти проблемы. По информации сообщества «Честный университет» по состоянию на 17 ноября 2021 года 133 преподавателя белорусских университетов потеряли работу по причинам, связанным с их открытой политической и гражданской позицией[1]. Каждый день приходят неутешительные новости о том, что процесс увольнений не останавливается, набирает обороты. Высококлассные специалисты выдавливаются из системы высшего образования, подвергаются репрессиям, лишаются работы, средств к существованию и, очевидно, академических свобод, возможности продолжать исследования и свободно публиковать их результаты.

По мнению автора, репрессии в сфере науки и системе высшего образования провоцируют деградацию и стагнацию общества, создают реальную и объективную угрозу национальной безопасности.

В заключение, полагаем уместным обратить внимание академической общественности на нормы Рекомендации ЮНЕСКО. Позволим себе процитировать п. 26 указанного документа без сокращений:

[1] Честный университет, https://www.instagram.com/p/CWYYsltozd-/?utm_medium=copy_link (доступ 15.12.2021)

«Преподавательские кадры учреждений высшего образования, как и другие группы и индивидуумы, должны пользоваться гражданскими, политическими, социальными и культурными правами, признанными на международном уровне в отношении всех граждан. Поэтому все преподавательские кадры учреждений высшего образования должны пользоваться правом на свободу мысли, совести, религии, слова, собраний и объединения, а также правом на свободу и безопасность личности и свободу передвижения. Как граждане, они не должны сталкиваться с какими-нибудь препятствиями или ограничениями в осуществлении своих гражданских прав, включая право содействия социальным изменениям путем свободного выражения своего мнения о государственной политике и политике, затрагивающей высшее образование. Они не должны подвергаться никаким наказаниям в результате только лишь осуществления таких прав. Преподавательские кадры учреждений высшего образования не должны подвергаться произвольному аресту или задержанию, пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению. В случае грубого нарушения прав преподавательских кадров учреждений высшего образования, они должны иметь право на подачу апелляции в соответствующие национальные, региональные или международные органы, такие как учреждения системы Организации Объединенных Наций, а организации, представляющие преподавательские кадры учреждений высшего образования, должны в таких случаях оказывать им всестороннюю помощь».

Очевидно, что решение проблем национальной регламентации академической свободы в системе высшего образования производно от разрешения политического кризиса и формирования новой образовательной политики, основанной на нормах международного и европейского права, а также лучших эффективных образовательных практиках.

Библиография:

Международные нормативные акты ЮНЕСКО : конвенции, соглашения, протоколы, рекомендации, декларации / Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО ; сост. И. Д. Никулин. М., Логос, 1993, с. 199–203.

О новой редакции модельного Образовательного кодекса (Общая часть) для государств-участников СНГ: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества

Независимых Государств : № 39-6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

Кодекс Республики Беларусь об образовании 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобрен Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. [в:] КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск, Амалфея, 2005.

Интернет-источники:

https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/bolonga/Academic-Freedom-Statement
http://www.afaf.org. uk/
https://www.aaup.org/report/1940-statement-principles-academic-freedom-and-tenure
https://russian.eurasianet.org
https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/382849661.pdf (доступ 03.12.2021)

Вольга Башлакова[1]
Генадзь Башлакоў[2]

Сучасны стан і перспектывы рэалізацыі аўтарскага права ў Беларусі: эканамічны аспект

Volha Bashlakova
Henadzi Bashlakov

The current state and prospects of copyright implementation in Belarus: economic aspect

Ключавыя словы: аўтарскае права, сумежныя правы, аб'екты інтэлектуальнай уласнасці, інавацыі, патэнты, ліцэнзіі, дзяржаўнае рэгуляванне, ценявая эканоміка, балансавы кошт аб'ектаў.

Keywords: copyright, related rights, intellectual property objects, innovations, patents, licenses, government regulation, shadow economy, book value of objects.

[1] Беларуская Акадэмія, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, Беласток, Польшча
[2] Беларуская Акадэмія, кандыдат эканамічных навук, дацэнт, Беласток, Польшча

Рэзюме: На аснове аналізу стану і дынамікі дзейнасці ў Беларусі ў галіне рэгістрацыі аб'ектаў аўтарскага права і сумежных правоў выяўлены прычыны яе стагнацыі, напрамую звязаныя з інавацыямі і эфектыўнасцю даследаванняў і распрацовак. Аўтары даследавалі такія фактары дзейнасці ў сферы аўтарскага права і сумежных правоў, як сістэма дзяржаўнага рэгулявання, якая вызначае попыт на інавацыі, ценявы сектар эканомікі ў сферы абароту аўтарскіх правоў, а таксама падыходы да вызначэння кошту аб'ектаў інтэлектуальнай уласнасці, якія ўлічваюцца ў складзе уласнасці прадпрыемстваў.

Abstract: Based on the analysis of the state and dynamics of activities in Belarus in the field of registration of objects of copyright and related rights, the reasons for the stagnation of this field of activity, directly related to innovation and the effectiveness of research and development, are identified. The authors investigated such factors of activity in the field of copyright and related rights as the system of state regulation that determines the demand for innovations, the shadow sector of the economy in the field of copyright circulation, as well as approaches to determining the value of intellectual property objects accounted for as part of an enterprise's property.

Уводзіны. Эканамічныя працэсы, звязаныя са стварэннем аб'ектаў аўтарскіх і сумежных правоў, іх рэгістрацыяй і манетызацыяй, з'яўляюцца найважнейшым аспектам сучаснай эканомікі, заснаванай на ведах і іх інтэлектуальным прадукце[1][2]. Можна вылучыць асноўныя тэндэнцыі ўзрастання ролі ідэнтыфікацыі і рэалізацыі аўтарскага права ў сучаснай эканоміцы:

– у развітых краінах вялікая частка эканамічнага росту дасягаецца за кошт новых ведаў: новых прадуктаў, новых тэхналогій, інавацыйных ідэй выкарыстання рэсурсаў. У тых краінах, дзе пераважае традыцыйны прамысловы рост, заснаваны на эксплуатацыі таннай рабочай сілы, прыродных рэсурсаў і інфраструктуры (Кітай, В'етнам, Тайланд, Філіпіны) дэкларуецца пераход да эканамічнага росту, заснаванага на ведах. Так, стварэнне эканомікі ведаў прызнана дзяржаўнай стратэгіяй у Кітаі;

– пастаянна расце доля работнікаў, чыя праца звязана са стварэннем інтэлектуальнага прадукту. Гэты рост пачаўся яшчэ на мяжы 80-90-х гг. XX стагоддзя і працягваецца па цяперашні час. У ЗША, Японіі, Паўднёвай Карэі, Заходняй Еўропе доля такіх работнікаў перавысіла 50 %;

---

[1] *Об авторском праве* . Национальный центр интеллектуальной собственности. – URL: https://ncip.by/avtorskie – i – smezhnye – prava/ob – avtorskom – prave/. – Дата доступу: 25.11.2021

[2] *О смежных правах* .Национальный центр интеллектуальной собственности. – URL: https://ncip.by/avtorskie – i – smezhnye – prava/o – smezhnyh – pravah/. – Дата доступу: 25.11.2021

– бесперапынна растуць аб'ёмы фінансавання навукова-даследчых і доследна-канструктарскіх работ (далей – НДДКП) за кошт дзяржаўных, карпаратыўных і прыватных крыніц. У найбольш развітых краінах каля 15 % бюджэтных выдаткаў накіроўваюцца на фінансаванне НДДКП, прычым у ЗША, Японіі і Паўднёвай Карэі больш за палову такіх выдаткаў фінансуецца за кошт недзяржаўных крыніц[1];

– узрастае роля інтэлектуальнага капіталу ў нацыянальным багацці краіны і маёмасці кампаній. Паралельна з развіццём эканомікі ведаў пачаў павялічвацца разрыў паміж рынкавым коштам кампаніі і коштам замяшчэння яе маёмасці, што тлумачыцца наяўнасцю і роляй інтэлектуальнага капіталу, асновай якога прама ці ўскосна з’яўляюцца аб'екты аўтарскіх і сумежных правоў. Чым у большай ступені поспех кампаніі заснаваны на развіцці інтэлектуальнага капіталу, тым больш адносная велічыня інтэлектуальнага капіталу;

– выгада развіцця інтэлектуальнага капіталу асабліва бачная на прыкладзе краін, якія не валодаюць вялікімі запасамі прыродных рэсурсаў. Эканоміка ведаў забяспечвае максімальную дабаўленую вартасць пры тым жа валавым аб'ёме выпрабленай прадукцыі. Так, напрыклад, у Беларусі Мазырскі нафтаперапрацоўчы завод і Парк высокіх тэхналогій маюць падобны аб'ём вытворчасці (прыкладна па 7,7 млрд. руб. у год у сярэднім за 2019-2020 гады), але калі дададзены кошт Мазырскага нафтаперапрацоўчага завода пры гэтым быў меншы за 1 млрд. руб., то дабаўленая вартасць (а значыць і ўклад у ВУП краіны) Парку высокіх тэхналогій склала практычна ўсю выручку, гэта значыць, у 8 разоў больш.

Пры гэтым аўтарскае права і сумежныя з ім правы з'яўляюцца механізмам абароны магчымасці атрымаць прыбытак ад укладання капіталу ў інтэлектуальную і творчую дзейнасць. Найбольш моцным стымулам для любой дзейнасці ў эканоміцы з'яўляецца адэкватнае матэрыяльнае ўзнагароджанне, таму без эфектыўнай працы механізму абароны аўтарскага права не будзе стымулаў для сучаснага эканамічнага развіцця, заснаванага на чалавечым капітале. Прымаючы пад увагу адсутнасць значных запасаў прыродных рэсурсаў, нізкі ўзровень фінансавых назапашванняў і адсутнасць рэзерва таннай рабочай сілы, чалавечы капітал з'яўляецца адзіным патэнцыйным драйверам эканамічнага развіцця Беларусі ў сучасным свеце.

[1] Е.Б. Леанович. *Права интеллектуальной собственности на мировом рынке: перспективы для Республики Беларусь*. Минск: БГУ, 2018, 183 с.

Асноўная частка. Актыўнасць інавацыйных працэсаў у эканоміцы Беларусі, звязаных з аўтарскім правам, застаецца на надзвычай нізкім для еўрапейскай краіны ўзроўні і працягвае зніжацца (табліца 1).

Табліца 1. Інавацыйная актыўнасць, звязаная з рэалізацыяй аўтарскіх і сумежных правоў у Беларусі ў 2015-2020 гг.[1]

Паказатель	Гады						Тэмп змянення 2020 г. да 2015 г., %
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Заяўка на вынаходства	691	521	524	547	393	394	57,0
Рэгістрацыя вынаходстваў	902	941	850	625	461	447	49,6
Заяўкі на карысныя мадэлі	455	416	453	372	334	308	67,7
Рэгістрацыя карысных мадэляў	379	341	306	293	308	296	78,1
Заяўкі на прамысловыя ўзоры	211	262	202	225	325	190	90,0
Рэгістрацыя прамысловых узораў	230	174	217	180	299	222	96,5
Заяўкі на таварныя знакі ад нацыянальных заяўнікаў	1723	1765	1955	1877	2024	2007	116,5
Рэгістрацыя таварных знакаў ад нацыянальных заяўнікаў	2504	1229	1570	1157	1488	1814	72,4
Дамовы на перадачу правоў (ліцэнзіі, продаж, франчайзінг,	633	751	771	688	778	588	92,9

[1] *Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь за 2020 год ,* https://www.ncip.by/izdaniya-i-publikatsii/godovoy-otchet/
Дата доступа 9.05.2022

заклад)							
Збор аўтарскага ўзнагароджання, млн. руб.	3,794	4,427	5,223	5,855	6,171	5,075	133,8

Так, у 2020 годзе ў параўнанні з 2015 годам прыкладна ў 2 разы знізілася колькасць заявак на вынаходствы, прычым гэта не тлумачыцца спадам, звязаным з палітычнымі падзеямі 2020 года і пандэміяй каронавірусу, бо дэградацыя паказчыка працягвалася ўвесь разгляданы перыяд. На 1/3 ўпала колькасць заявак на карысныя мадэлі, па гэтым паказчыку таксама назіраецца ўстойлівая дэградацыя. Колькасць заявак на прамысловыя ўзоры (самы просты від інавацыйных прапаноў) была стабільная ўвесь разгляданы перыяд, а ў 2020 годзе некалькі знізілася і склала 90 % ад узроўню 2015 года. Аб'ём заявак на таварныя знакі, якія часцей за ўсё ўяўляюць сабой лагатып з фірмовым найменнем, некалькі вырас ў параўнанні з 2015 годам (на 16 %), аднак, паколькі працэнт нерэгістраваных знакаў тут досыць вялікі з-за вызначальнага падабенства з ужо вядомымі і абароненымі знакамі, то рэгістрацыя таварных знакаў знізілася ў 2020 годзе амаль на 30 % у параўнанні з 2015 годам.

Што датычыцца манетызацыі аб'ектаў аўтарскіх і сумежных правоў, то дагавораў на камерцыйнае выкарыстанне (варта нагадаць, што тут улічваюцца дагаворы не толькі айчынных, але і замежных праваўладальнікаў, абарона якіх перададзена на тэрыторыі Беларусі нацыянальным органам, акрамя таго, адзін і той жа патэнт можа быць манетызаваны некалькі разоў праз дагаворы франчайзінгу і вылучнае ліцэнзіі) ў 2020 годзе было заключана на 7,1 % менш, чым у 2015 годзе. Па дадзеным паказчыку назіраецца рэзкі спад па выніках менавіта 2020 года, калі ў сувязі з пандэміяй і палітычнымі падзеямі спад інвестыцыйнай актыўнасці рэзка панізіў попыт на айчынныя аб'екты аўтарскіх правоў, як у Беларусі, так і за мяжой. Паступленні ад аўтарскага ўзнагароджання павольна раслі ў 2015-2019 гг., а ў 2020 годзе таксама рэзка знізіліся. У выніку ў намінальным вымярэнні яны апынуліся вышэй за ўзровень 2015 года на 33,8 %, аднак, прымаючы пад увагу нават афіцыйныя відавочна заніжаныя тэмпы інфляцыі, якія за гэты перыяд склалі 141,0 %, адбылося фактычнае зніжэнне рэальных сабраных аўтарскіх узнагароджанняў на 5,1 %. З сабраных узнагароджанняў найбольшую ўдзельную вагу займалі дэманстрацыя перадач і фільмаў па тэлебачанні (IP-тэлебачанне, кабельнае і

эфірнае тэлебачанне, каля 60 %), а таксама канцэртнае і тэатральнае публічнае выкананне твораў (каля 25 %)[1].

Калі казаць пра прычыны гэтакай нізкай актыўнасці ў галіне аўтарскіх і сумежных з імі правоў, то ў першую чаргу трэба назваць нізкую інвестыцыйную і інавацыйную актыўнасць у краіне, якая генеруе попыт (і ў нейкай меры прапанову) на аб'екты гэтых правоў. Найбольш значнымі прычынамі такога стану інавацыйнай сферы з'яўляюцца:

1. Меры дзяржаўнага рэгулявання, якія стымулююць інавацыйнае прадпрымальніцтва. Ідэальным стымулам для вынаходніка ці іншага аўтара аб'екта такога права з'яўляецца магчымасць самастойна альбо з фінансавым удзелам інвестараў манетызаваць вынікі яго вынаходкі. У навуковай літаратуры досыць падрабязна разгледжаны прычыны дэградацыі інавацыйнага сектара ў Беларусі, адзначым тут асноўныя з іх:

– завышаная працэнтная стаўка па інвестыцыйных крэдытах, якая абумоўлена ільготным крэдытаваннем, у большасці сваёй, вельмі неэфектыўных дзяржаўных праграм і буйных стратных прадпрыемстваў, што робіць працэнтныя стаўкі па крэдытах для новага бізнесу вельмі высокімі;

– ускладненая сістэма дазвольных працэдур, якая прадугледжвае атрыманне ўзгадненняў, ліцэнзій, сертыфікатаў і пасведчанняў гігіенічнай рэгістрацыі на шэраг тавараў і вытворчых працэсаў, якія адносяцца да сферы дзейнасці малога і сярэдняга інавацыйнага бізнесу і якія не з'яўляюцца аб'ектамі такога рэгулявання, як у развітых краінах;

– складаная і ўнутрана супярэчлівая сістэма падатковага адміністравання, якая ўключае ў сябе патрабаванні да дакументальнага афармлення і разліку выдаткаў і прымаемых да заліку сумаў па падатку на дабаўленую вартасць, а таксама шэраг абавязковых плацяжоў, якія фармальна не з'яўляюцца падаткамі, але фактычна павышаюць падатковую нагрузку на інавацыйны бізнэс (збор на ўтрыманне помнікаў архітэктуры, збор на ўтылізацыю адходаў і т. п.);

– адсутнасць вольнага доступу да вытворчай інфраструктуры, уключаючы зямельныя ўчасткі, вытворчую нерухомасць, электраэнергію, камунальныя паслугі і г.д., што робіць вельмі доўгім і складаным працэс інвеставання ў вытворчасць новых тавараў і паслуг;

[1] *Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь за 2020 год*

– ускладненая і забюракратызаваная працэдура імпарту, арганізацыі працоўных адносін, атрымання доступу да дзяржаўных паслуг.

Следствам усяго гэтага з'яўляецца нізкая інавацыйная і інвестыцыйная актыўнасць і вельмі нізкі попыт на вынаходствы і іншыя аб'екты аўтарскага і сумежнага права;

2. Вялікія маштабы нелегальнага выкарыстання і прайгравання аб'ектаў аўтарскага права, уключаючы прамысловае пірацтва, выкарыстанне незаконных копій праграмнага забеспячэння, прайграванне аўдыёвізуальных твораў і г. д. Дастаткова сказаць, што больш за 99 % аперацыйных сістэм, якія выкарыстоўваюцца ў кампутарах у Беларусі – гэта пірацкія копіі. Маштабы такога ценявога сектара, пабудаванага на парушэнні аўтарскага права, вельмі вялікія і з цяжкасцю паддаюцца дакладнай ацэнцы[1]. Пры гэтым імклівае развіццё тэхналогій перадачы інфармацыі яшчэ больш ускладняе працэсы ценявой эканомікі ў галіне парушэння аўтарскіх і сумежных правоў.

Складнікі гэтага сектара ценявой эканомікі:

– нелегальны анлайн-бізнэс па перадачы праз Інтэрнэт копій аб'ектаў аўтарскага права праз платформы ананімізаванага доступу (напрыклад, торэнт-трэкерам);

– манетызацыя нелегальнага доступу да аб'ектаў аўтарскага права праз рэкламу і платныя сэрвісы;

– ухіленне ад выплаты падаткаў праз фіктыўнае завышэнне выдаткаў у выглядзе роялці і іншых плацяжоў за выкарыстанне аб'ектаў аўтарскага права і іншых сумежных правоў;

– скажэнне справаздачнасці аб колькасці і часу абмежаванага платнага доступу да інфармацыі, якая з'яўляецца аб'ектам аўтарскага права;

– незаконны Інтэрнэт-гандаль ахоўнай інфармацыяй;

– нелегальныя транзакцыі з грашыма і лічбавымі фінансавымі актывамі (напрыклад, крыптавалютай) з мэтай абслугоўвання куплі-продажу інфармацыі, якая ахоўваецца аўтарскім правам;

– выкарыстанне нелегальна набытых аб'ектаў аўтарскага і сумежных правоў для атрымання прыбытку ў працэсе вытворчасці тавараў або аказання паслуг.

---

[1] Д.В. Иванова. *Горизонтальные связи права интеллектуальной собственности как подотрасли гражданского права (на примере соотношения с институтом недобросовестной конкуренции)* [в:] *Журн. Белорус. гос. ун-та. Право.* 2017, №1, с.. 62 – 68.

Варта адзначыць, што аб'екты аўтарскага права не толькі самі выступаюць у выглядзе тавару ў ценявой эканоміцы, але і служаць для "прыкрыцця" аперацый па вываду капіталу з краін, дзе такія транзакцыі абмежаваныя, а таксама для прыніжэння падаткаабкладальнай базы. Гэты від ценявых аперацый досыць шырока ўжываецца ў Беларусі.

Каб вызначыць аб'ём ценявой эканомікі ў сферы аўтарскага права, важна выявіць дэтэрмінуючыя фактары ўдзелу суб'ектаў у дадзеных незаконных аперацыях, у тым ліку макраэканамічныя, эканамічныя, псіхалагічныя, юрыдычныя дэтэрмінанты, спажывецкія выгады. Пералік такіх дэтэрмінант вельмі шырокі, да іх адносяцца: макраэканамічная сітуацыя ў краіне, узровень інфляцыі, празрыстасць разлікаў, стабільнасць нацыянальнай грашовай адзінкі, фінансавая і лічбавая пісьменнасць насельніцтва, узровень беспрацоўя, узровень прадпрымальніцкай ініцыятывы і свабоды, развіццё інстытутаў рынку і ўзровень канкурэнцыі, узровень развіцця банкаўскага сектара, даступнасць банкаўскіх крэдытаў і стабільнасць дэпазітаў, давер хатніх гаспадарак, узровень законапаслухмянасці грамадзян, узровень эканамічнай культуры і грамадскай самасвядомасці і многае іншае.

Гаворачы аб метадах разліку аб'ёмаў ценявых эканамічных аперацый у сферы аўтарскага права, неабходна адзначыць, што найбольшае распаўсюджванне для ацэнкі ценявой эканомікі ў сусветнай практыцы традыцыйна мае мадэль схаваных зменных MIMIC, пры выкарыстанні якой ценявы сектар эканомікі разглядаецца як латэнтная пераменная, якая звязаная з пэўным мноствам назіраных паказчыкаў. Ключавой задачай тут з'яўляецца выяўленне дастатковай колькасці даступных дэтэрмінант, а сама мадэль можа быць распрацавана з выкарыстаннем стандартных працэдур эканаметрыкі. У агульным выглядзе дэтэрмінанты, якія вызначаюць распаўсюджванне ценявой эканомікі ў галіне аўтарскага права, ўключаюць колькасць зарэгістраваных аб'ектаў аўтарскага права, доступ хатніх гаспадарак да сеціва Інтэрнэт, рэгуляванне абарот крыптавалют ў нацыянальным заканадаўстве, узровень інавацыйных і інвестыцыйных ільгот. Разам з тым, ацаніць ценявы абарот аб'ектаў аўтарскіх правоў такім метадам досыць складана, паколькі фактычна адсутнічае эмпірычная база дадзеных для правядзення разлікаў, і афіцыйныя статыстычныя базы не ўтрымліваюць неабходныя тыпы дадзеных, так як ценявая эканоміка па сваёй прыродзе носіць латэнтны характар. Разам з тым, дзейнасць ценявой эканомікі непазбежна скажае дадзеныя афіцыйнай статыстыкі, паколькі ценявая і легальная эканамічная дзейнасць непазбежна ўзаемадзейнічаюць

на якім-небудзь этапе эканамічнага абароту: набыцця рэсурсаў, вытворчасці тавараў і паслуг, размеркавання альбо спажывання. Больш за тое, выявіць параметры ценявых эканамічных аперацый дапамагае супярэчнасць паміж удзельнікамі ценявой эканамічнай дзейнасці: калі прапанова ў ценявы экономіцы зацікаўлена ў скажэнні дадзеных у бок іх мінімізацыі, то попыт, наадварот, зацікаўлены ў завышэнні дадзеных для ўтойвання даходаў і прыбытку. Таму крыніцай дадзеных для даследавання ценявой экономікі ў галіне аўтарскага права з'яўляецца афіцыйная статыстыка, публікуемая дзяржаўнымі органамі, цэнтральнымі і камерцыйнымі банкамі, грамадскімі і міжнароднымі арганізацыямі, а таксама буйнымі міжнароднымі кансалтынгавымі і аўдытарскімі кампаніямі.

Для выяўлення параметраў ценявой экономікі ў сферы аўтарскага права можна выкарыстоўваць некалькі метадычных падыходаў:

а) метад разыходжанняў, сутнасць якога заключаецца ў аналізе трансгранічных і ўнутраных (у рамках выбраных для даследавання краін) грашовых і адпаведных ім патокаў у сектары аўтарскага права з улікам дынамікі цэн і валютных курсаў, што дазволіць выявіць ценявую частка аперацый за кошт супярэчнасцяў у дадзеных паміж рэсурсамі і іх выкарыстаннем, паміж імпартам і экспартам (люстраны аналіз статыстыкі краін), паміж вытворчасцю і спажываннем і т. д. Для прымянення дадзенага метаду мэтазгодна пабудаваць сістэму балансавых мадэляў, у рамках якіх будуць выяўлены разыходжанні паміж рэсурсамі і іх выкарыстаннем у наступных сектарах:

– спажыванне (разыходжанне паміж даходамі і іх выкарыстаннем, спажываннем і зберажэннем);

– рознічны абарот аб'ектаў аўтарскага права (разыходжанне паміж вытворчасцю і імпартам з аднаго боку і спажываннем і экспартам з другога);

– інвестыцыі (разыходжанне паміж рэшткамі інвестыцыйных актываў і іх набыццём з аднаго боку і іх наяўнасцю і выбыццём з другога);

– чысты экспарт (люстранае супастаўленне статыстыкі экспарту і імпарту па краінах з улікам парадку фарміравання цаны);

б) метад экстрапаляцыі, пры якім ценявыя аперацыі ў сектары аўтарскага права выяўляюцца шляхам экстрапаляцыі выяўленых кантралюючымі і праваахоўнымі органамі выпадкаў такіх аперацый на ўсю сукупнасць эканамічнай дзейнасці ў дадзеным сектары за пэўны перыяд шляхам мяккага фактарнага мадэлявання эканамічных працэсаў. У дадзеным выпадку мэтазгодна вызначыць ключавыя фактарныя паказчыкі,

якія вызначаюць узровень ценявых аперацый метадам ранговай карэляцыі ў часе (паміж перыядамі) і прасторы (паміж краінамі і рэгіёнамі), а затым метадамі карэляцыйнага аналізу ўсталяваць разліковы аб'ём ценявых аперацый;

в) метад элімінавання, які дазваляе выявіць параметры ценявых аперацый у сектары аўтарскага права як розніцу паміж агульным аб'ёмам транзакцый і той часткай дадзенай сукупнасці транзакцый, легальнасць якіх не выклікае сумненняў. Для прымянення дадзенага метаду мэтазгодна пабудова адытыўных мадэляў, якія апісваюць адпаведнасць фінансавых транзакцый і адпаведных аперацый з актывамі. Неадпаведнасць дадзеных у сектары аўтарскага права пры адпаведнай інтэрпрэтацыі вынікаў дазваляе выявіць параметры ценявых аперацый;

3. Важнай перашкодай актывізацыі стварэння і патэнтнай абароны аб'ектаў аўтарскага права з'яўляецца адсутнасць прававой і метадычнай магчымасці іх адэкватнай ацэнкі[1]. Так, прадпрыемствы, якія спрабуюць паставіць на ўлік аб'ект аўтарскага права (часцей за ўсё інтэлектуальнай уласнасці) вымушаныя ўлічваць іх толькі затратным метадам (як суму выдаткаў на іх набыццё і (або) стварэнне). Пры гэтым, калі попыт на дадзены аб'ект будзе высокім, то розніца паміж цаной продажу і ўліковым коштам становіцца аб'ектам абкладання падаткам на дабаўленую вартасць (20 %), падаткам на прыбытак (18 %) і некаторымі квазіналогамі, пра якія гаварылася вышэй. З улікам каскаднага эфекту гэтыя падаткі складуць 35-40 % атрыманага прыбытку, што робіць набыццё і стварэнне аб'ектаў аўтарскіх правоў нявыгадным. Пазбегнуць гэтага можа дапамагчы змяненне сістэмы ацэнкі інтэлектуальнай уласнасці ў балансе прадпрыемства. Міжнародная практыка паказвае, што прадпрыемствы павінны атрымаць магчымасць выбару метаду ацэнкі з трох варыянтаў:

– выдатковага (ўжываецца ў цяперашні час);
– метада аналагаў;
– метада капіталізацыі.

Метад аналагаў заключаецца ў выбары падобнага аб'екта аўтарскіх правоў, па якім ужо вядомая цана рэалізацыі, з наступнай карэктывай гэтай цаны зыходзячы з адрозненняў ацэньваемага аб'екта ад аб'екта-аналага. Пры гэтым ацэнка складаецца з наступных асноўных этапаў:

[1] В.И. Кудашов. *Оценка и коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности* / В.И. Кудашов, Ю.В. Нечепуренко, Л.Ю. Пшебельская. Минск, Амалфея, 2017, 307 с.

– распрацоўваецца шкала характарыстык аб'ектаў;

– выяўляецца, па якім з іх існуюць адрозненні;

– кожнай характарыстыцы прысвойваецца вагавы каэфіцыент зыходзячы з важнасці гэтай характарыстыкі для фарміравання кошту аб'екта;

– вырабляецца карэктываа цаны аб'екта-аналага.

Метад капіталізацыі прадугледжвае разлік планаванага прыбытку ад выкарыстання аб'екта аўтарскага або сумежнага права. Кошт аб'екта лічыцца роўным такой суме грошай, якая, будучы укладзенай у агульнадаступны фінансавы інструмент (напрыклад, банкаўскі ўклад), прынясе даход, роўны прыбытку ад выкарыстання ацэньваемага аб'екта.

Дадзены падыход да ацэнкі аб'ектаў аўтарскага і сумежных правоў на балансе прадпрыемства дазволіць апошняму выбіраць аптымальны ўліковы кошт такіх аб'ектаў. У залежнасці ад сітуацыі прадпрыемства можа быць зацікаўлена як ў максімізацыі, так і ў мінімізацыі ўліковага кошту аб'ектаў інтэлектуальнай уласнасці. Зацікаўленасць у мінімізацыі магчымая:

– пры неабходнасці павелічэння справаздачнага фінансавага выніку, так як кошт аб'екта прапарцыйны суме амартызацыйных адлічэнняў, якія з'яўляюцца часткай выдаткаў і, адпаведна, зніжаюць прыбытак арганізацыі, а пры рэалізацыі аб'екта прыбытак залежыць ад розніцы паміж цаной продажу і справаздачным коштам;

– пры рэарганізацыі кампаніі, звязанай з выхадам часткі інвестараў (заснавальнікаў), долю якіх прадпрыемства абавязана і (або) жадае выкупіць.

Зацікаўленасць у максімізацыі кошту магчымая пры:

– неабходнасці змяншэння падаткаабкладаемых базаў у рамках дзеючага заканадаўства;

– неабходнасці прыцягнуць капіталы знешніх інвестараў, так як чым вышэй кошт капіталу прадпрыемства, тым прывабней магчымасць інвеставаць;

– неабходнасці атрымання крэдытаў або пазык пад заклад маёмасці або іншыя віды забеспячэння абавязацельстваў, звязаных з коштам маёмасці.

Прымяненне падыходу да ацэнкі аб'ектаў інтэлектуальнай уласнасці, звязанага з выбарам метадаў ацэнкі, дазволіць стварыць больш істотныя фінансавыя стымулы для інвестыцый у такія аб'екты.

Выснова. Даследаванне стану і дынамікі працэсаў стварэння, рэгістрацыі і камерцыялізацыі аб'ектаў аўтарскага права і сумежных правоў у Беларусі дазволіла зрабіць выснову аб перманентнай стагнацыі гэтага сектара эканомікі. Акрамя неэфектыўнай сістэмы дзяржаўнага рэгулявання эканомікі, якая зніжае попыт на інавацыйныя распрацоўкі, важную ролю адыгрываюць наяўнасць маштабнага ценявога сектара абароту аб'ектаў аўтарскіх правоў, а таксама нярынкавая сістэма ацэнкі кошту гэтых аб'ектаў. Для выпраўлення сітуацыі, акрамя комплексу мераў па вызваленні эканомікі ад неэфектыўнага рэгулявання, неабходна ацаніць маштабы ценявога абароту аб'ектаў аўтарскага права з мэтай яго элімінавання, а таксама змяніць падыходы да ацэнкі аб'ектаў інтэлектуальнай уласнасці з мэтай прадастаўлення выбару метадаў ацэнкі самому ўласніку.

Бібліяграфія

Об авторском праве. Национальный центр интеллектуальной собственности [Электронны рэсурс]. – URL: https://ncip.by/avtorskie – i – smezhnye – prava/ob – avtorskom – prave/. – Дата доступу: 25.11.2021.

О смежных правах. Национальный центр интеллектуальной собственности [Электронны рэсурс]. – URL: https://ncip.by/avtorskie – i – smezhnye – prava/o – smezhnyh – pravah/. – Дата доступу: 25.11.2021.

Леанович Е.Б. *Права интеллектуальной собственности на мировом рынке: перспективы для Республики Беларусь*. Минск, БГУ, 2018, 183 с.

Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь за 2020 год. Национальный центр интеллектуальной собственности [Электронны рэсурс]. – URL: https://www.ncip.by/upload/iblock/2f4/2f45eac8a12ac6fef2e4b8089452e14f.pdf. – Дата доступу: 01.12.2021.

Иванова Д.В. *Горизонтальные связи права интеллектуальной собственности как подотрасли гражданского права (на примере соотношения с институтом недобросовестной конкуренции)* [в:] *Журн. Белорус. гос. ун-та. Право*. 2017, №1, с. 62 – 68.

Кудашов В.И. *Оценка и коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности* / В.И. Кудашов, Ю.В. Нечепуренко, Л.Ю. Пшебельская.Минск, Амалфея, 2017, 307 с.

ГІСТОРЫЯ І КУЛЬТУРАЛОГІЯ

Наталля Сліж[1]

Луннікі тэматычнага характару ў Вялікім Княстве Літоўскім[2]

Natallia Slizh

Thematic lunaries in the Grand Duchy of Lithuania

Ключавыя словы: луннікі, астралогія, Вялікае Княства Літоўскае
Key words: lunaries, astrology, the Grand Duchy of Lithuania

Рэзюме: Артыкул прысвечана уласна тэматычным луннікам. Яны ўтрымліваюць інфармацыю ў адпаведнасці з канкрэтнымі тэмамі з першага дня па 29 - й або трыццаты дзень месяцовага цыклу. Луннікі былі вядомыя ў розных пластах грамадства. Яны распаўсюджваліся шляхам перакладу або перапісвання. Луннікі можна было выкарыстоўваць для прагназавання, медыцыны і магіі.

Abstract: The article is devoted to lunaries proper. They present the information according to the specific topics from the first day to the 29th or thirtieth day of the Moon cycle. Lunaries were known in different strata of society. They were spread by translation or rewritten. Lunaries could be used for prognosis, medicine and magic.

Луннікі даўно з'яўляюцца прадметам даследавання ў сусветнай гістарыяграфіі[3]. Таксама звярталася ўвага на гэты від крыніц у Вялікім Княстве Літоўскім[4]. Луннікі былі вядомы са старажытнасці,

[1] Еўрапейскі Універсітэцкі Інстытут, кандыдат гістарычных навук, Фларэнцыя, Італія

[2] Даследаванне выканана дзякуючы навуковым стажыроўкам пры Нямецкім гістарычным інстытуце ў Варшаве і пры Універсітэце ў Беластоку па праграме "Салідарны з Беларуссю".

[3] Напрыклад: M. *Förster*, *Vom Fortleben antiker Sammellunare im englischen und in anderen Volkssprachen*, „Anglia", 1944, nr 67/68, p. 1-171; S. Weinstock, *Lunar Mansions and Early Calendars*, „The Journal of Hellenic Studies", 1949, vol. 69, p. 48-69; I. Taavitsainen, *Middle English Lunaries: A Study of the Genre*, Helsinki 1988; L.S. Chardonnens, *Anglo-Saxon Prognostics, 900–1100: Study and Texts*, Leiden 2007.

[4] В. Перетц, *Материалы к истории апокрифа и легенды*, т. 2, Санкт-Петербург 1901; Д. Скварчэўскі, *Луннікі ў рукапісным зборніку XVI ст. з бібліятэкі Супрасльскага Благавешчанскага манастыра*, [у:] *Матэрыялы XI Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў «Кніжная культура Беларусі XI пачатку XX ст.», Мінск, 16–17 красавіка 2015 г.*, рэдкал.: Р. С. Матульскі і інш, Мінск 2015, с. 89-94.

выкарыстоўваліся у розных культурах. Вялікае Княства Літоўскае не было ў гэтым плане выключэннем.

У дадзенай працы звяртаецца увага на луннікі ВКЛ тэматычнага характару спецыяльнага тыпу. Паказаны асобныя тэндэнцыі, бо выяўлена некалькі тэкстаў. Яны не дазваляюць даць больш глыбокі аналіз і тэндэнцыі ў распаўсюджванні гэтага віду луннікаў.

Месяц і яго ўплыў. Месяц бліжэй за ўсіх знаходзіцца да зямлі, мае самы моцны ўплыў на яе. Ён добра бачны, яго фазы можна прасачыць і праз назіранне зрабіць высновы. У астралогіі свяціла мае жаночае аблічча, адказвае за штодзённасць, эмоцыі, псіхалогію, сон, падсвядомасць. Месяц звязваецца з побытавым жыццём: з ежай, нарыхтоўкамі, пачаткам спраў і іншым. Ён непасрэдна ўплывае на фізіялагічныя працэсы, здароўе, псіхалагічны стан. Сон з'яўляецца часткай нашага псіхалагічнага жыцця, таму ён таксама знаходзіцца пад уздзеяннем Месяца.

Пра ўплыў Месяца на працэсы на зямлі пісаў яшчэ Пталімей. Ён адзначаў, што свяціла ўплывае на жывёл і раслін, на рэкі і мара. Найбольшае ўздзеянне адбываецца ў маладзік, першую і апошнюю чвэрць, а таксама ў поўню[1]. У астралогіі Сонца і Месяц лічыліся свяціламі і найважнейшымі паказальнікамі. У "Шмарагдавай табліцы" Гермеса Трысмегіста адзначалася, што Сонца – гэта бацька, а Месяц – маці[2]. Герметызм быў вядомы ў Еўропе, Польшчы і ВКЛ і меў уплыў на астралогію, бо таксама ў склад вучэння ўваходзілі астралагічныя палажэнні.

У сучаснай навуцы даказаны непасрэдны ўплыў Месяца на біярытмы чалавека[3]. Яго фазы маюць важнае значэнне для правядзення хірургічных аперацый. Было адзначала хірургамі, што за пару дзён да поўні і ў саму поўню падчас аперацый страта крыві значна большая, чым у іншыя дні. Таксама прасочана ўздзеянне Месяца на псіхічны стан людзей і колькасць крымінальных злачынстваў. Асабліва пагаршалася крымінальная сітуацыя ў час поўні[4].

У беларускай народнай культуры існуюць свае прыкметы адносна фаз Месяца. У Брагінскім раёне лічылася, што на сёмы дзень маладзіка трэба

[1] K. Ptolemeusz, *Czworoksiąg*, przeł., przypisami i wstępami opatrzyli G. Muszyński, J. Włodarczyk, Wrocław 2012, s. 61-62, 136.
[2] R. Bugaj, *Hermetyzm*, Wrocław 1991, s. 120.
[3] А. Дубров, Лунные ритмы у человека (Краткий очерк по селеномедицине), Москва 1990.
[4] M. Gauquelin, *The cosmic clocks: From astrology to a modern science,* New York 1969, p. 149-151.

квасіць капусту. Таксама на малады Месяц трэба класці печку, каб была цёплай[1]. У Хойніцкім краю не карчавалі на маладзіку хмызняк, бо хутка адрасце; не шаткавалі і ставілі на зіму капусту, не салілі гуркі, бо усё будзе нясмачнае; на поўню не сеялі гуркі, кавуны, гарбузы, гарох, боб, мак, бо яны будуць цвісці пустацветам; на ветаху не пачыналі нічога новага. Але добра маладзіку касіць, стрыгчыся, першы раз выходзіць у поле, жаць; на ветаху – карчаваць зараслі, лячыць раны, рабіць усё, каб зажыло, звялося, згінула[2]. Гэтыя назіранні маюць пад сабой падставу і слушныя з пункту гледжання сучаснай астралогіі. Сапраўды для развіцця справы абіраюць маладзіць, а для сканчэння – ветах.

Луннік, як тып крыніцы. Тэрмін "луннік" ужываўся на старабеларускай мове ў Вялікім Княстве Літоўскім адносна календара Месяца. Яго мы таксама будзем выкарыстоўваць у нашым тэксце. У замежнай літаратуры сустракаюцца тэрміны ў залежнасці ад мовы – lunar, lunare, lunary, lunaria, lunarium, selenodromium. Усе яны адносіцца да календару Месяца[3].

Некаторыя даследчыкі адносяць луннікі да прагностыкаў разам з громнікамі, каляднікамі і іншымі тэкстамі[4]. Гэта сапраўды мае сэнс. Самі луннікі можна выкарыстоўваць для прагназавання, таксама як і ў спалучэнні з метадамі электыўнай астралогіі, якая займаецца выбарам спрыяльных дат для розных падзей. Пры складанні электыўнай карты звяртаецца ўвага на фазу Месяца і знаходжанне ў знаку. Рэкамендуецца размяшчаць Месяц у знаку, які адказвае за накірунак. Напрыклад, для касметычных працэдур лепш калі Месяц у Шалях, для таемных спраў у Скарпіёне, для будаўніцтва і рамонту – у Казярогу і г.д.[5] У тыя часы складаць электыўную карту ў астролага не заўсёды было магчыма. Таму выкарыстоўваўся дзень і знак Месяца.

Нямецкі даследчык Эмануіл Свэнберг вылучыў два асноўных тыпы календароў Месяца. Першы - спецыяльны луннік (Lunaria Specialia) - даваў характарыстыку па днях Месяца з 1 па 28, 29 ці 30, а другі – задыякальны луннік (Zodiologia) – па праходу Месяца па знаках задыяку. Гэтыя тыпы

---

[1] А. Кастрыца, *Асаблівасці светапогляду жыхароў Брагіншчыны ў прыкметах, павер'ях, магічных дзеяннях,* [у:] *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*, вып. 27, Мінск 2020, с. 282.

[2] Б. Сачанка, *Вечны кругазварот*, [у:] *Хойнікшчыны спеўная душа*. *Народная духоўная культура Хойніцкага краю. Фальклорна-этнаграфічны зборнік*, Мінск 2010, с. 73.

[3] I. Taavitsainen, *op. cit.*, p. 50-51.

[4] I. Taavitsainen, *op. cit.*, p. 23; L.S. Chardonnens, *op. cit.*, p. 393.

[5] Гл. напрыклад: В. Робсон, *Элективная астрология*, Москва 2003.

былі распаўсюджаны са старажытнасці ў многіх краінах[1]. Даследчыкі прытрымліваюцца гэтай тыпалагізацыі, а таксама ўводзяць іншыя падзелы. У гістарыяграфіі існуюць і іншыя падзелы. Усе яны сыходзяць з таго, якія тыпы крыніц захаваліся. Аднак варта адзначыць, што спецыяльны і задыякальны луннікі пабудаваны па рознаму прынцыпу. Гэта дзве асобныя групы. Унутры іх таксама існуе падзел[2].

Па зместу спецыяльныя луннікі былі зборнага і тэматычнага характару. Зборныя луннікі рабілі прагназаванне па снах, нараджэнню, хваробах, пусканню крыві, маёмасці, гандлю, вандроўках, сельскагаспадарчых працах, шлюбу. Тэматычныя луннікі былі прысвечаны адной ці некалькі тэмам. Часта ў іх вызначаліся добрыя і дрэнныя дні, прагназаваліся вынікі сну, лёс народжаных дзяцей[3]. Напрыклад, луннікі сярэднявечнай Англіі агаворвалі нараджэнне дзяцей, падарожжы, дні для пусканне крыві, прагназавалі лёс хворага і іншае[4]. Для ВКЛ тэндэнцыя была падобная. Тут мелі месца зборныя і тэматычныя спецыялізаваныя луннікі.

Луннікі тэматычнага характару. Тэматычныя луннікі ВКЛ закраналі адну ці дзве тэмы. Тэксты ўтрымлівалі інфармацыю пра добрыя і дрэнныя дні, сны, нараджэнне дзяцей.

Першыя луннікі прыходзяць на славянскія землі даволі рана. Адзін з такіх змешчаны ў Кодэксе Гертруды ці Малітоўніку Гертруды. У заходняй літаратуры вядомы яшчэ як Псалтыр Эгберта. Сам рукапіс складаецца з двух частак. Першая частка была напісана біскупам Эгбертам (977-993). Другую частку даследчыкі адносяць да Гертруды (1078-1086). Гертруда была дачкой польскага караля Мялешкі II Ламберта і Рыхезы. Яна выйшла замуж за Ізяслава, сына Яраслава Мудрага, і пераехала ў Кіеў[5]. У рукапісу змешчаны луннік і Каляднік[6]. Луннік утрымлівае інфармацыю пра добрыя і

[1] E. Svenberg, *Lunaria et zodiologia Latina*, Stockholm, 1963.

[2] Н. Щавелева, *«Астрологическое зерцало» в молитвеннике XI в.* „Историко-астрономические исследования”, 1994, вып. 24, с. 249-251; L.S. Chardonnens, *op. cit.*, p. 396-405.

[3] L.S. Chardonnens, *op. cit.*, p. 397, 399-400.

[4] *M. Förster*, *op. cit.*, p. 6-7; L.S. Chardonnens, *op. cit.*, p. 397, 400-421; R.M. Liuzza, *Anglo-Saxon prognostics in context: a survey and handlist of manuscripts*, „Anglo-Saxon England”, 2001, vol. 30, p. 186-188.

[5] G. Pac, *Kalendarz* z *Kodeksu Gertrudy jako świadectwo dewocji monarszej*. *Wokół kultu świętych na styku chrześcijaństwa łacińskiego* i *wschodniego* w *XI wieku*, „Roczniki Historycznie”, t. 84, 2018, s. 31-67.

[6] B. Kürbis, *O inspiracji okultystycznej w średniowiecznej wizii dziejów*, „Świadomość historyczna Polaków: problemy i metody badawcze, pod red. J. Topolskiego. Łódź 1981, s. 78-

дрэнныя дні, а таксама пра сны. Соннікі мелі месца ў антычнасці, старажытнай Грэцыі і Візантыйскай Імперыі[1], у Еўропе ў XV–XVI стст.[2] Таму зразумела стварэнне тэкстаў, дзе былі звязаны луннікі і соннікі.

Дні, прыведзеныя ў Лунніку з Кодэкса Гертруды, можна падзяліць на тры групы: добрыя (1, 7, 10, 12, 13, 14, 17, 19, 20, 24, 27, 29), часткова добрыя (з нейкай гадзіны 3, 4, 8, 13, 21, 22, 23), дрэнныя (2, 5, 6, 9, 11, 15, 16, 18, 25, 26, 28, 30). Сны згадваюцца не ва ўсіх днях, а толькі 1, 5, 7, 10–13, 16, 18, 20–22. Звязваюць яго падабенства з луннікамі па пусканню крыві[3].

Падобныя лацінскамоўныя луннікі мелі распаўсюджанне ў сярэднявеччы. Верагодна тут аўтар мае рацыю ў азначэннях дзён. Сумарна ў англійскім лунніку атрымліваюцца добрыя дні – 1, 7, 14, 17, 19, 24, 27, 29; добрыя ад нейкай гадзіны – 3, 4, 8, 9, 13, 21, 22, 23; дрэнныя - 2, 5, 6, 9–12, 15, 18, 25, 26, 28, 30 і бессэнсоўны 16[4]. З луннікам Гертруды не супадаюць 12, 13,16, 20, 26, 28 дні. Падабенства ў змесце і сутнасці такіх луннікаў прасочваецца. Таксама сведчыць пра іх шырокае распаўсюджанне. Звязваюць такія луннікі магічнай практыкай і пусканнем крыві.

Луннік у вершаванай форме быў напісаны Станіславам Самуэлем Шэметам (каля 1657–1684). Луннік уваходзіў у трактат, прысвечаны снам[5]. У назве адзначалася, што напісаны ён быў на падставе кніг прарока Данііла “Pewność snów z ksiąg Danijelowych wyjęta i wierszem przewrócona, gdzie każdego miesiąca może być przeze dni znamię snów uważone”. Назва луннікаў, звязаная з прарокам, часта сустракалася ў сярэднявечных тэкстах[6]. Таксама

80; Н.И. Щавелева, *op. cit.*, c. 244-252; *Modlitwy księżnej Gertrudy* z *Psałterza Egberta z Kalendarzem,* oprac. *B. Kürbis,* Kraków *2002, s. 35, 116-118;* J. Zagożdżon, *Sen w literaturze średniowiecznej i renesansowe,* Opole 2002, s. *227-228.*

[1] M. Mavroud, *A Byzantine book* on *dream interpretation*: *the Oneirocriticon of Achmet and its Arabic sources,* Leiden, Boston, Köln 2002; *M. Grünbart, Prognostication in the Medieval Western Christian World,* [in:] *Prognostication in the Medieval World: A Handbook,* ed. M. Heiduk, K. Herbers, H.-Ch. Lehner, Berlin 2020, p. 159.

[2] L.S. Chardonnens, *Dream divination in manuscripts and early printed books: patterns of transmission,* [in:] *Aspects of Knowledge: Preserving and Reinventing Traditions of Learning in the Middle Ages*, ed. M. Cesario, H. Magennis, Manchester 2018, p. 23-52.

[3] Н. Щавелева, *op. cit.*, c. 246; *Modlitwy księżnej Gertrudy...*, s. *35, 116-118.*

[4] L.S. Chardonnens, *The good and evill dayes of the moneth to worke in Lunaries in European Magic Manuscripts, „International Journal of Divination and Prognostication”, 2019, № 1,* p. 104-119.

[5] J. Zagożdżon, *op. cit., s. 242.*

[6] I. Taavitsainen, *The Identification of Middle English Lunary MSS,* „Neuphilologische Mitteilungen”, 1987, vol. 88, no. 1, p. 18.

ў тыя часы быў вядомы Соннік прарока Данііла (Somniale Danielis), у якім тлумачыліся сны. Ён меў грэчаскае паходжанне і першапачаткова звязваўся з Артэмідай, пасля атрымаў распаўсюджанне ў арабскім свеце, быў перакладзены на лацінскую мову[1]. Гэты від соннікаў быў распаўсюджаны ў Рэчы Паспалітай[2]. Відавочна, што Шэмет быў знаёмы з падобнымі творамі і перапрацаваў іх.

У вершаванай форме давалася характарыстыка сноў на ўсе 30 дзён Месяца: 1 дзень – бяспечныя сны, але не заўсёды варта верыць ім; 2 - сны прыносяць весялосць, але значэнне іх прыходзіць пазней; 3 – зманлівы, 4 – падманлівы; 5 – вясёлы, прынясе карысць; 6 – добры, дае парады; 7 – дае парады, але словам; 8 – сон правільны, хутка здзяйсняецца; 9 – дае засцеражэнне; 10 – фальшывы, 11 – збудзецца праз 3 дні, 12 – збудзецца праз 7 дзён; 13 – збудзецца праз 13 і болей дзён; 14 – што сон абяцае, тое і здзейсніцца хутка; 15 – каштоўны як і ў 14 дзень; 16 – прароцкі; 17 – хутка збудзецца; 18 – пакажа вынік у 19 дні; 19 – сэнс пакажа ў 20; 20 – праз 7 дзён вынік; 21 – што ў сне, то і ў рэчаіснасці; 23 – не здзейсніцца; 24 – не здзейсніцца; 25 – праз 12 дзён пакажа сэнс сну; 26 – здзейсніцца праз 12 дзён; 27 – не паказвае праўду; 28 – зманлівы; 29 – зманлівы; 30 – здзейсніцца праз 24 дні[3].

Цікава, што далей шэраг вершаў Шэмета прысвечана снам. У адным з іх праводзіцца непасрэдная залежнасць паміж ежай перад сном і вобразамі ў сне[4]. Хоць у той час і панавалі сонікі, але не так часта можна сустрэць у літаратуры цыкл вершаў на тэму сну. Па зместу гэтага цыклу бачна дасведчанасць аўтара ў творах, прысвечаных снам. Яны былі не толькі прачытаны, але і пераасэнсаваны. У наступным вершы Шэмет тлумачыць, што ў розныя дні розны эфект ад сноў. Гэта звязана з тым, што на сны ўплывае палажэнне Сонца і планет. У гэтым ён правы. Хоць Месяц з'яўляецца важным фактарам, які ўплывае на псіхічны стан, аднак змены ў канфігурацыях планет і Сонца таксама важныя. Эфект будзе добры, калі планеты ў добрым аспекце з Месяцам. Гэта працуе і ў адваротным стане. Гэта сведчыць ужо пра знаёмасць аўтара з астралагічнымі ведамі.

Emplikacyja

[1] M. Mavroudi, *op. cit.*; V. Cappozzo, *The Transmission of the Somniale Danielis, from Latin to Vernacular Italian (Laurenziano Martelli 12 and Riccardiano 859)*, „Translat Library", 2020, no. 1, p. 1-32.
[2] J. Zagożdżon, *op. cit.*, s. *231-235.*
[3] S.S. Szemiot, *Sumariusz wierszów,* wyd. i oprac. M. Korolko, Warszawa 1981, s. 205-207.
[4] *Ibidem*, s. 207-212.

Że sny co dzięn to różne w miesiący bywają,
Nie dziw, bo też i różne dni efekta mają.
Jedne w lepszym znamieniu, drugie w pospolitym,
Trzecie we złym, a czwarte aż nazbyt obfitym,
Co wszystko czyni słońce z świetnymi gwiazdami
I miesiąc z ognistymi nieba planietami[1].

Былі луннікі, якія вызначалі лёс дзяцей па дню Месяца. Яны мелі распаўсюджанне і ў іншых краінах таксама, напрыклад, у Англіі[2]. Такім прыкладам з’яўляецца рукапіс з Магілёўскага брацкага манастыра Ён утрымлівае шмат тэкстаў рэлігійнага характару, нават вершы аб п’янстве. Сярод іншага спецыяльны тэкст па астралогіі [дадатак 1][3], змешчаны пад № 29 “Ведомость о роках климатерічных, обсерванція автора римскога в року 1652 выдана”. Тэкст з’яўляецца перакладам з польскай мовы. Аб гэтым адзначана ў канцы: пераклад быў зроблены з віленскага выдання “Klucz prognostykarski”. Намі гэта выданне не выяўлена. Але ў 50-х XVII ст. у Гданьску выходзіла шэраг выданняў з такой назвай. У іх змест уваходзілі соннік, кіруючыя знакі задыяку над краінамі, каляндар[4]. Пасля такія публікацыі выдаваў Супрасльскі манастыр. Інфармацыя пра нараджэнне дзяцей, падобная на звесткі з рукапісу, была змешчана у выданні “Klucz prognostykarski” (1737[5], 1781[6]). Тэкст з выдання 1781 г. супадае з перакладам. У пачатку змешчаны звесткі, што ён выдадзены быў у Рыме ў 1652 г. Але яшчэ прыводзіліся небяспечныя гады жыцця для кожнага знаку задыяку.

Згодна з луннікам небяспеку, хваробы, слабасць, кароткі перыяд жыцця для народжаных прадстаўлялі 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 14, 18, 19, 21, 23, 26, 29 дні. Здароўе і даўгалецце давала нараджэнне ў 2, 7, 10, 15–17, 20 дні. Агульна прыведзена інфармацыя пра 29 дзён. Да тэксту дададзена заўвага,

---

[1] *Ibidem*, s. 207.

[2] L.S. Chardonnens, *op. cit.*, p. 397, 426-436.

[3] *Белорусский сборник XVII века. Рукопись могилевского епархиального церковного древнехранилища,* [в:] *Сборник статей Могилёвских Губернских Ведомостей*, вып. 1: 1898 и 1899 гг. Могилев-Губернский 1900, с. 4; В. Перетц, *op. cit.*, с. 117-119.

[4] *Klucz prognostykarski*, Gdańsk 1655, 1658, 1659.

[5] M. Krzysztofik, *Astrologia jako ideologia totalna na przykładzie polskiej kalendariografii XVII-wiecznej*, [w:] *Ideologie w słowach i obrazach*, t. 1, pod.red. I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Poprawa, Wrocław 2008, s. 175-183.

[6] *Klucz Prognostykarski*… Supraśl 1781, k. 18v–19; J. Getka, *Polskojęzyczne druki bazyliańskie (XVIII wiek)*, Warszawa 2013, s. 198-199.

што гэта не евангелле, якому трэба верыць, складзены ён быў з парады астролагаў. Духавенства заўсёды праяўляла цікавасць да астралогіі. Некаторыя асобы нават практыкавалі яе. Таму змяшчэнне гэтага тэксту сярод іншых заканамерная з’ява.

Высновы.

Лунікі былі ўніверсальнымі тэкстамі, да якіх мелі цікавасць у розных краінах. Яны распаўсюджваліся праз перапісванне і пераклады. Да іх звярталіся як свецкія, так і духоўныя асобы. У ВКЛ луннікі тэматычнага характару апісвалі добрыя і дрэнныя дні, былі звязаны са снамі і нараджэннем дзяцей. Іх можна было выкарыстоўваць для прагназавання, магіі, медыцыны.

Дадатак 1. Лунік тэматычнага характару, XVII ст.

Лунік друкуецца на падставе: *Белорусский сборник XVII века. Рукопись могилевского епархиального церковного древнехранилища*, „Сборник статей Могилёвских Губернских Ведомостей”, вып. 1. 1898 и 1899 гг., Могилев-Губернский 1900.

[4] Ведомость о рокахъ климатеричныхъ.

О детяхъ родячихся якъ долго жіючи*х* и ро*с*тячи*х*, также сходящихъ смертію. Почавши о самаго новю ксенжица. Детя, которое ся родить въ д(е)нь самый новю, коро*т*ко живе, также и третяго дня по новю. А которое зась другого дня по новю, долгого бывае*т* веку. А четвертаго дня нарожоное бывае*т* слабое и песливое. А пятаго дня нарожоное небезбечнаго житя. Шостаго дня бываетъ хоровитое. Семаго дня долго жіючее. Осмаго дня в молодомъ веку з света сходи. Девятаго дня слабое бывае*т* и малое. Десятаго дня о*т* новю дитя зась на све*т* выходячое старости великое доходи*т*. Адинанцаты*й* небезпечны. Дванаднацты*й* мерныи век живота. Тринадцатаго дня о*т* новю дитя на све*т* выходячое ежели до осмнацат буде*т* жи*т* долго поживе*т*. Четырнацаты*й* д(е)нь поде*и*зроный. Пя*т*нанцаты*й* долголетный. Ше*ст*нанцаты*й* и семнацаты*й* здравіе на теле бывае*т*. Осемнацаты*й* непевнаго житія. Деве*т*нанцатый также. Два*д*цатый силное и долговечное. Два*д*цать первого непоцешный. Двадцать вторый мерный. Два*д*ца*т* третій з хоробами часто буде*т* бедится. Два*д*ца*т* четверты*й* злы*й*. Два*д*ца*т* пяты*й* на сила*х* шванкуетъ. Два*д*ца*т* шостый небезпечный. Два*д*ца*т* семый мерны*й* векъ. Два*д*ца*т* осмы также

мерны*й.* Два*д*ца*т* девяты*й* на сходе м(есе)ца розны*м* хороба*м* по*д*легае*т* и не трвалый.

Бібліяграфія:

Літаратура:

Bugaj R., *Hermetyzm*, Wrocław 1991.

Cappozzo V., *The Transmission of the Somniale Danielis, from Latin to Vernacular Italian (Laurenziano Martelli 12 and Riccardiano 859)*, „Translat Library", 2020, no. 1, p. 1-32.

Chardonnens L.S., *Anglo-Saxon Prognostics, 900–1100: Study and Texts*, Leiden 2007.

Chardonnens L.S., *Dream divination in manuscripts and early printed books: patterns of transmission*, [in:] *Aspects of Knowledge: Preserving and Reinventing Traditions of Learning in the Middle Ages*, ed. M. Cesario, H. Magennis, Manchester 2018, p. 23-52.

Chardonnens L.S., *The good and evill dayes of the moneth to worke in Lunaries in European Magic Manuscripts, „International Journal of Divination and Prognostication", 2019, № 1*, p. 104-119.

Einer E., *Astral Magic in Babylonia*, vol. 85, part 4, Philadelphia 1995.

Faracovi O.P., *Le mansioni lunari*, „Bruniana & Campanelliana", 2007, vol. 13, no. 2, p. 703-709.

*Först*er M., *Vom Fortleben antiker Sammellunare im englischen und in anderen Volkssprachen*, „Anglia", 1944, nr 67/68, p. 1-171.

Gauquelin M., *The cosmic clocks: From astrology to a modern science*, New York 1969.

Getka J., *Polskojęzyczne druki bazyliańskie (XVIII wiek)*, Warszawa 2013.

Grünbart M., Prognostication in the Medieval Western Christian World, [in:] *Prognostication in the Medieval World: A Handbook*, ed. M. Heiduk, K. Herbers, H.-Ch. Lehner, Berlin 2020, p. 154-160.

Hołda J., „*Dwadzieścia osiem księżycowych stacji w stosunku do magicznych operacji*, „Kwartalnik Historii Nauki i Techniki", 2004, t. 49, nr 2, s. 7-31.·

Klucz prognostykarski, Gdańsk 1655, 1658, 1659.

Klucz Prognostykarski… Supraśl 1781.

Krzysztofik M., *Astrologia jako ideologia totalna na przykładzie polskiej kalendariografii XVII-wiecznej*, [w:] *Ideologie w słowach i obrazach*, t. 1, pod.red. I. Kamińska-Szmaj, T. Piekot, M. Poprawa, Wrocław 2008, s. 175-183.

Liuzza R.M., *Anglo-Saxon prognostics in context: a survey and handlist of manuscripts*, „Anglo-Saxon England”, 2001, vol. 30, p. 186-188.

Kürbis B., *O inspiracji okultystyscznej w średniowiecznej wizii dziejów*, „Świadomość historyczna Polaków: problemy i metody badawcze, pod red. J. Topolskiego, Łódź 1981, s. 78-80.

Mavroud M., *A Byzantine book* on *dream interpretation*: *the Oneirocriticon of Achmet and its Arabic sources*, Leiden, Boston, Köln 2002.

Modlitwy księżnej Gertrudy z *Psałterza Egberta z Kalendarzem*, oprac. *B. Kürbis*, Kraków *2002*.

Ptolemeusz K., *Czworoksiąg*, przeł., przypisami i wstępami opatrzyli G. Muszyński, J. Włodarczyk, Wrocław 2012.

Pac G., *Kalendarz* z *Kodeksu Gertrudy jako świadectwo dewocji monarszej*. *Wokół kultu świętych na styku chrześcijaństwa łacińskiego* i *wschodniego* w *XI wieku*, „Roczniki Historycznie”, t. 84, 2018, s. 31-67.

Szemiot S.S., *Sumariusz wierszów,* wyd. i oprac. M. Korolko, Warszawa 1981.

Svenberg E., *Lunaria et zodiologia Latina*, Stockholm, 1963.

Taavitsainen I., *Middle English Lunaries: A Study of the Genre*, Helsinki 1988.

Taavitsainen I., *The Identification of Middle English Lunary MSS*, „Neuphilologische Mitteilungen”, 1987, vol. 88, no. 1, p. 18-26.

Weinstock S., *Lunar Mansions and Early Calendars*, „The Journal of Hellenic Studies”, 1949, vol. 69, p. 48-69.

Zagożdżon J., *Sen w literaturze średniowiecznej i renesansowe,* Opole 2002.

Белорусский сборник XVII века. Рукопись могилевского епархиального церковного древнехранилища, [в:] *Сборник статей Могилёвских Губернских Ведомостей,* вып. 1: 1898 и 1899 гг. Могилев-Губернский 1900.

Дубров А., Лунные ритмы у человека (Краткий очерк по селеномедицине), Москва 1990.

Перетц В., *Материалы к истории апокрифа и легенды*, т. 2, Санкт-Петербург 1901.

Скварчэўскі Д., *Луннікі ў рукапісным зборніку XVI ст. з бібліятэкі Супрасльскага Благавешчанскага манастыра*, [у:] *Матэрыялы XI Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў «Кніжная культура Беларусі XI пачатку XX ст.», Мінск, 16–17 красавіка 2015 г.,* рэдкал.: Р. С. Матульскі і інш, Мінск 2015, с. 89-94.

Кастрыца А., *Асаблівасці светапогляду жыхароў Брагінсшчыны ў прыкметах, павер'ях, магічных дзеяннях,* [у:] *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*, вып. 27, Мінск 2020, с. 282-290.

Робсон В., *Элективная астрология*, Москва 2003.

Сачанка Б., *Вечны кругазварот*, [у:] *Хойнікшчыны спеўная душа. Народная духоўная культура Хойніцкага краю. Фальклорна-этнаграфічны зборнік*, Мінск 2010, с. 70-85.

Щавелева Н., *«Астрологическое зерцало» в молитвеннике XI в.* „Историко-астрономические исследования", 1994, вып. 24, с. 249-251; L.S. Chardonnens, *op. cit.*, p. 396-405.

С.Я.Куль-Сяльверстава[1]

Буйныя адзінкі летазлічэння ў паўсядзённым жыцці насельніцтва беларускіх земляў у канцы XVIII- першай палове XIX стагоддзя.

Sviatlana Kul-Sialverstava

Large units of chronology in the daily life of the population of the Belarusian lands at the end of the18th - first half of the 19th century.

Ключавыя словы: летазлічэнне, эра, эпоха, год, паўсядзённае жыццё, беларускія землі.

Key words: chronology, era, epoch, year, daily life, Belarusian lands.

Рэзюме: У артыкуле аналізуецца практыка ўжывання буйных адзінак летазлічння – эры, стагоддзя і года ў паўсядзённым жыцці розных варстваў беларускага грамадства ў канцы XVIII-першай палове XIX стагоддзяў. У выніку аналізу выяўлена дыферэнцыяцыя выкарыстання гэтых адзінак: адукаваныя варствы пачынаюць ужываць тэрміны "эра" і "стагоддзе" для рэфлексіі над мінулым; ва ўжытак уваходзіць паняцце "эпоха", якое азначае акрэслены перыяд у гісторыі грамадства і падкрэслівае яго адметныя рысы. Сялянства ў гэты час яшчэ жыве паводле часовай парадыгмы традыцыйнай культуры, вымяраючы час гадамі без выкарыстання больш працяглых і акрэсленых на стужцы часу адрэзкаў. Аналіз ужывання буйных адзінак летазлічэння можа быць добрым індыкатарам для выяўлення працэсаў мадэрнізацыі грамадства, а таксама ступені фармавання мадэрновых нацый: уваходжанне ў паўсядзённы зварот буйных адзінак летазлічэння з'яўляецца паказчыкам цікаўнасці да гістарычнага

[1] Беластокскі тэхналагічны ўніверсітэт, Беларуская Акадэмія, доктар гістарычных навук, прафесар, Беласток, Польшча.

мінулага, імкненне знайсці крыніцы паходжання народа, асэнсаваць яго гістарычны шлях.

Abstract The article analyzes the practice of using large units of chronology - era, century and year in the daily life of various kingdoms of Belarusian society at the end of the18th -first half of the 19th centuries. As a result of the analysis, the differentiation of the use of these units is revealed: educated minorities begin to use the terms “era” and “century” to reflect on the past; the concept of “epoch” comes into use, meaning a delineated period in the history of society and emphasizing its distinctive features. The peasantry at this time still lives according to the time paradigm of traditional culture, measuring time for years without using longer and outlined segments on the time tape. The analysis of the use of large units of chronology can be a good indicator for identifying the processes of modernization of society, as well as the degree of formation of modern nations: the entry into everyday circulation of large units of chronology is an indicator of interest about the historical past, the desire to find the sources of the origin of the people, to comprehend its historical path.

У гісторыі беларускіх земляў канец XVIII-першая палова XIX ст. былі пазначаны шэрагам складаных эканамічных, сацыяльных, палітычных і культурных працэсаў, якія кардынальным чынам паўплывалі на стан грамадства, яго паўсядзённае жыццё. Фармаванне і развіццё індустрыяльнай вытворчасці, пачаткі якой былі закладзеныя ў першай чвэрці стагоддзя з’яўленнем першых фабрык, прывяло ўрэшце да ўзнікнення новых сацыяльных варстваў, паступоваму разбурэнню натуральнай гаспадаркі, росту гарадоў. Падзелы Рэчы Паспалітай, у выніку якіх беларускія землі былі анексаваны Расійскай імперыяй, выклікалі бурлівыя наступствы ў палітычным жыцці. Паўстанні 1794 і 1830 гадоў, рэпрэсіі царскіх уладаў пасля іх утаймавання прывялі да змяншэння колькасці і ролі ў жыцці грамадства прывілеяванага мясцовага насельніцтва; палітыка ўніфікацыі далучаных да Імперыі тэрыторый, якая, у тым ліку, уключала русіфікацыю, нівеліроўку адрозненняў у адміністратыўным уладкаванні, заканадаўстве, спосабах і інструментах кіравання і інш., мела наступствамі змены не толькі ў сацыяльным і культурным жыцці, але таксама ў ментальнасці, самасвядомасці жыхароў беларускіх земляў. Апошняе падмацоўвалася таксама пераўладкаваннем канфесійнай сітуацыі ў краі пасля скасавання ўніяцкай царквы і скарачэння ўплыву каталіцтва на кошт праваслаўя, якое цяпер стала дзяржаўнай рэлігіяй. Усе гэтыя працэсы і з’явы паўплывалі на стаўленне да часу, як адной з каардынатаў паўсядзённага жыцця, адбіліся на спосабах і адзінках яго вымярэння, выкарыстанні гэтых адзінак у рэгуляванні штодзённай дзейнасці.

У XIX стагоддзі яшчэ выразным заставалася адрозненне ў стаўленні да часу, яго каштоўнасці і адчуванні паміж жыхарамі вёскі і горада, такія адрозненні былі відавочнымі і ў прадстаўнікоў розных сацыяльных варстваў. Гэтая сітуацыя была звязаная са ступенню ўключанасці ў сацыяльныя стасункі, узроўнем адукаванасці, са спецыфікай прававога становішча і роллю ў эканоміцы грамадства. Не гледзячы на працэсы мадэрнізацыі, якія асабліва прыспешвалі напярэдадні скасавання прыгону, розніцца ролі часу ў штодзённым жыцці і ў яго ўспрыманні ў розных сацыяльных варстваў грамадства заставалася відавочнай.

Кожная з адзінак вымярэння часу – эра, год, сезон, месяц, дзень, гадзіна і іншыя мелі адметную розніцу ў дакладнасці, частаце ўжывання ў залежнасці ад сферы прымянення ці мясцовай традыцыі, ад сацыяльнага статуса асобы і асяроддзя, дзе іх ужывалі. Спецыфіку стасунку да часу, як адной з каардынат жыцця, і спосабах яго вымярэння ў розных варстваў грамадства можна прасачыць на прыкдадзе ўжывання буйных адзінак летазлічэння – эры, стагоддзя і года.

Эра Пачатковы пункт адліку часу ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. быў заснаваны на эры Дыянісія. Іншыя эры, найперш, эра ад Стварэння Свету, у паўсядзённым жыцці не выкарыстоўваліся, за выключэннем друкаваных календароў, дзе меліся згадкі пра іх. Апрача храналагічнай эры у паўсядзённасці кропкай адліку маглі быць важныя гістарычныя падзеі, якія адбіліся ў памяці сучаснікаў.

У сялянскім жыцці эра, як адзінка летазлічэння не мела важнага значэння ў той час. Гэтая адзінка замянялася суб'ектыўнай перыядызацыяй, лічэнне было дыскрэтным і вялося з дапамогай пазначэння знакавых для асобы, сям'і ці вёскі падзей. Характэрным прыкладам такога падыходу да адліку часу можа служыць храналогія падзей у вершы Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча "Халімон на каранацыі", дзе пачатак апавядання аб паездцы гарадоцкага старшыні Забалотнага ў сталіцу, пазначаны не годам ці імем цара, а заканчэннем вайны з французамі. Пры гэтым дзве падзеі, якія насамрэч аддзяляла дзесяцігоддзе, пастаўленыя побач[1]. Вайна 1812 г. была часовай вехай, якая дастаткова часта абіралася ў першай палове XIX ст. у якасці пункта адліку, ад якога вядзецца аповяд, або як рубеж, каторы падзяляе дзве розныя эпохі. Эва Феліньска пазначае гэтую тэндэнцыю наступным чынам:" Komu nie wraził się w pamięci rok 1812? Kto w nim żył,

[1] Дунін-Марцінкевіч В. *Халімон на каранацыі*. [у:] *Творы*. Мінск, Мастацкая літаратура, 1984, с.360-378.

ten nazbierał pamiątek na całe życie”.[1] Гэтак сама піша пра дату Габрыеля Пузына:” Długo, bardzo długo wspominano rok 1812-ty. On był treścią rozmów i tłem życia każdej rodziny.” [2]Паказальна, што ў мемуарах жыхароў беларускіх земляў першых дзесяцігоддзяў XIX ст. падзелы Рэчы Паспалітай не адзначаны такой выразнай роллю часовай вехі, сваеасаблівай мяжы, ад якой вядзецца адлік, ці якая была лёсаноснай, змяняючы акаляючае мемуарыста асяроддзе. Да прыкладу, у запісках ігумена Арэста, які фіксаваў даты нават такіх падзей, як кража маёмасці бурмістра, ці прызначэнне мясцовага суфрагана, згадка аб далучэнні Магілёва да Расійскай імперыі не пазначана не толькі месяцам і днём, але і годам (вайну 1812 г. ігумен апісвае дэталёва, з пазначэннем не толькі месяцаў, але і дзён асобных здарэнняў).[3] Не пазначае гэтую падзею, як знакавую, і мемуарыст з іншага сацыяльнага і палітычнага асяроддзя - Восіп Пшацлаўскі, аддаючы перавагу ў якасці пачатковай даты апавядання аб сваім жыцці і жыцці сваёй сям’і 1811 год, пазначаны набліжэннем вайны.[4] З гэтай жа даты пачынае свае мемуары Габрыеля Пузыня, адзначаючы, што 1812 г. не так моцна адбіўся на жыцці яе сям’і, як на іншых вядомых ёй сем’ях. [5]Можна меркаваць, што канкрэтныя даты падзелаў Рэчы Паспалітай не сталі такой выразнай вехай у паўсядзённым вымярэнні часу па некалькіх прычынах. Найперш, падзелы былі расцягнуты па часе і адбываліся на працягу чвэрці стагоддзя, што рабіла цяжкім вызначэнне адзінага пункту адліку. Па другое, у перыяд падзелаў адбыліся іншыя вельмі значныя для калектыўнай памяці падзеі, найперш, паўстанне пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі, якое закранула штодзённае жыццё прадстаўнікоў розных варстваў грамадства, было пазначана драматычнымі, запамінальнымі здарэннямі. І ўрэшце, штодзённае жыццё жыхароў анэксаваных тэрыторый пасля падзелаў не змянілася кардынальна, новыя ўлады ў першыя дзесяцігоддзі не прадпрымалі рашучых мер па пераўладкаванню далучаных земляў, было пакінута заканадаўства і судовая сістэма, права ўласнасці, прыгон, не праводзілася рашучая русіфікацыя справаводства ці адукацыі. Да сярэдзіны 20-х гадоў XIX ст гэтыя дзеянні адбываліся паступова і спарадычна. Згадка

---

[1] Felińska E. *Pamiętniki z życia Ewy Felińskiej*, T. 1, seria 2: Wilno 1858, s.28

[2] Puzynina G. *W Wilnie i w dworach litewskich : pamiętnik z lat 1815-1843,* Wilno, druk Józefa Zawadzkiego, 1928, s. 22.

[3] *Записки игумена Ореста. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси*. Т. 2, Вильно, 1867, с. LXX.

[4] Пшацлаўскі В. *Калейдаскоп успамінаў.* Т.1. Мінск, Лімарыус, 2012, с.28-29.

[5] Puzynina G. W Wilnie i w dworach litewskich, s.22.

падзелаў, калі і ўжывалася, вельмі рэдка мела канкрэтную дату, выконвала функцыю не пункта адліку, а рубяжа, які падзяляе розныя перыяды гісторыі грамадства. Дакладную дату першага падзелу менавита як цезуры, а не як пачатковага пункту адліку ў сваіх запісках згадвае каталіцкі біскуп Станіслаў Богуш-Сестранцэвіч. У прыватнасці, ён, пераказваючы сваю размову з папскім нунцыям у 1797 г., піша:"После отделения Белоруссии в 1772 г. я получил право продолжать в этом отношении прежнюю практику"[1] . Для Богуша-Сестренцевича першы падзел Рэчы Паспалітай быў сапраўды важнай вехай у ягонай асабістай кар'еры, у ягоным жыцці, мабыць таму, у адрозненні ад ігумена Арэста, ён зафіксаваў дакладную дату падзеі. Але часцей нумары года падзелаў не пазначаліся, і чым далей ад гэтых падзей, тым менш дакладным рабілася пазначэнне і выглядала так, як гэта зроблена ў лісце Гродзенскага магістрата ў 1838 г:"По присоединении Литовской провинции к России начались употреблять весы и меры Российской системы, а в особенности при обязательстве с казной"[2] .

Паўстанне 1830-1831 гг. таксама стала адной з цэзур, ад якой вымяралі час. Яе выкарыстанне пачынаецца ў 1840-я гады і доўжыцца на працягу ўсяго XIX стагоддзя. Пры тым характар і нагода ўжывання гэтай падзеі, як часовай вехі, абумоўлены былі шэрагам абставін, а менавіта, да якога палітычнага лагеру належала асоба - да тых, хто сімпатызаваў паўстанцам ці ўдзельнічаў у паўстанні, ці да праўладных колаў і царскай адміністрацыі, да ворагаў паўстання і вызвольнага руху. Так, да прыкладу, успаміны Ф.Я. Міркавіча аб яго генерал-губернатарстве ў Вільне (1840-1850 гг.) пачынаюцца словамі "После подавления польского мятежа 1831 года"[3], "мяцежом" таксама называе паўстанне Восіп Пшацлаўскі пры пазначэнні яго як пункту адліку ці часу падзей. [4]У стасунку да мемуараў ужыванне ці пазначэнне гэтай часовай вехі было абумоўлена таксама месцам і часам іх публікацыі. Цэнзура ў Расійскай імперыі не прапусціла б ухвальнае стаўленне да гэтай даты, ці спецыяльнае яе пазначэнне. Паўстанне 1830-1831 гг. стала важнай жыццёвай і часавай вехай ў жыцці

[1]*Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России.* Ч.1, Петербург, 1913, с.91.

[2]Нацыянальны гістарычны архіў Беларусіўу Гродна, ф.1, воп. 4, спр. 656, арк.11.

[3] *Федор Яковлевич. Миркович 1789-1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам* [сост.: Александр Миркович, Михаил Миркович]. С.-Петербург : Военная тип., 1889, с.251

[4] Пшацлаўскі В. *Калейдаскоп успамінаў.* Т.1, с.137, 185.

тых, хто прымаў непасрэдны ўдзел у паўстанні, быў пакараны катаргай ці высылкай, або эміграваў пасля паўстання за мяжу. Паўстанцкія мемуары складаюць ладны кавалак мемуарыстыкі XIX ст., значная большасць іх пачатковай датай мае ўласна 1831 год.

Даты ўваходжання на трон расійскіх манархаў не з’яўляліся для жыхароў беларускіх земляў важнай часовай вехай, ва ўсялякім выпадку, такіх прыкладаў у тагачасных успамінах намі не знойдзена. Падобнае датаванне магло ўжывацца ў якасці пазначэння нейкага перыяда, часавага адрэзку :”в первое десятилетие царствования императора Александра I”[1]. Даты ўвашэсця на трон дзеючага расійскага імператара заўсёды даваліся ў якасці адметных “эпох” у друкаваных календарах.

Друкаваныя каляндары, папулярныя ў XIX ст. у адукаванай частцы насельніцтва, мелі спецыяльны раздзел, прысвечаны важным датам, вехам у жыцці грамадства, разглядаючы іх як своеасаблівыя эры. Так, у адрас-календары Віленскага ўніверсітэта на 1807 г. апрача эры ад Стварэння Свету і эры “ад патопу” паказана колькасць гадоў ад хрышчэння Літвы і Русі, заснавання Вільні. Адрас-каляндар быў выданнем афіцыйным, у ім паказваліся ўсе адміністратыўныя і судовыя ўстановы ў Імперыі з прозвішчамі найбольш важных чыноўнікаў, ён выдаваўся паводле расійскіх законаў і правілаў. Павел I спецыяльным указам падцвердзіў дадзеную яшчэ Петром I манаполію расійскай Акадэміі навук на выданне календароў, пакінуўшы аднак па-за гэтай манаполіяй календары, якія выдавалі полацкія іезуіты і Галоўная Літоўская школа ў Вільні. Разам з тым, адрас-календары, дзе апрача календарных звестак друкаваліся афіцыйныя дадзеныя аб чыноўніках, заставаліся ў веданні Акадэміі навук. Інфармацыя для іх збіралася праз органы ўлады, найперш, губернатараў; змест, у тым ліку, памятныя даты і “эпохі” акрэслівала Акадэмія навук, а зацвярджаў пасля прагляду цар. [2] Менавіта таму, на нашую думку, сярод падзей, якія мелі характар вехі, пункта адліку ў выдадзеным у Ю. Завадскага календары прысутнічалі ўзнікненне рускай цэнтралізаванай дзяржавы (372 гады на 1807 г.), заснаванне Пецярбурга і Маскоўскага ўніверсітэта і інш.[3] Паказальна, што неафіцыйныя календары, якія друкаваліся на былой тэрыторыі Рэчы Паспалітай, у тым на расійскай частцы забраных яе земляў,

[1] Тамсама, с. 97.

[2] *Полное Собрание законов Российской Империи*, СПб, 1830, т. XXV, №19681, с. 427.

[3] *Kalendarz Adresowy dla Wydziału Uniwersytetu Imperatorskiego Wileńskiego na rok 1807 u osmiu gubernii Wydział Imperatorskiego Wilenskiego Uniwersytetu Składających*. Wilno, Zawadski, 1806, s.1.

уключалі ў лік гэты важных, знакавых дат падзеі з жыцця Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. У Астранамічна-гаспадарчым календары на 1828 г., выдадзеным у Варшаве, побач з эрай ад СС (5823 г. ад СС) пададзены 1450 г. ад стварэння Княства Літоўскага, 1273 г. ад стварэння Каралеўства Польскага[1]; у календары, выдадзеным у Любліне ў гэты ж год, у якасці знакавых "эпох" названыя Бітва пад Грунвальдам, вызваленне Вітаўтам Палесся ад татараў, Крэўская ўнія[2]; у варшаўскім календары за 1834 г. , ужо пасля паўстання, дадзена толькі дата заснавання Варшавы[3]. У 1820-1840-я гады масава друкавала календары выдавецкая фірма Нахімовічаў (сын Зымеля Нахімовіча звычайна карыстаўся прозвішчам Зымеліовіч ці Зымелёвіч[4]) і Манеса Рома.[5] У гэтых календарах частка, дзе

[1] *Kalendarz Astronomiczno-Gospodarski, Polski i Ruski na Rok Pański 1828, Który Jest Rokiem Przestępnym, Mającym Dni 366, z opisem Dni Gałowych w Rosyji i Królewstwe Polskem, Swiąt Zydowskich, Poczt i innych wiadomości.* Warszawa, J. Pukszta, 1827, s.2.

[2] *Kalendarz Astronomiczno-Gospodarski, Polski i Ruski na Rok Pański 1828, Który Jest Rokiem Przestępnym, Mającym Dni 366 : zawierający w sobie bieg planet, odmiany powietrza, zaćmienia, technologiczne, rolnicze i wiele potrzebnych wiadomości*, Lublin, Nakł. J. K. Pruski, 1828, s.2.

[3] *Kalendarz Astronomiczno-Gospodarski Polski i Ruski na Rok Pański 1834. Który jest rokiem zwyczajnym maiącym dni 365.* Warszawa, J. Gautier, 1833, s.2.

[4] Аб выдавецкай дынастыі Нахімовічаў гл. нашую працу: Сяльверстава С.Я.*Гарадзенскі друкар Зымель Нахімовіч*.[у:] *Форум*, 1996 , № 4, с.38-40.

[5] *Kalendarz Gospodarski na Rok Pański 1827 : zawierający w sobie dni 365, oraz święta rzymskie i ruskie, z oznaczeniem dni galowych; wschód i zachód słońca; odmiany xiężyca, i inne ciekawe i pożyteczne wiadomości gospodarskie i astronomiczne; na końcu przydane są święta i posty Starozakonnych*. W Wilnie : w Druk. Zymela, [1826]; *Kalendarz Gospodarski na rok pański zwyczajny 1839: zawierający w sobie dni 365 oraz święta rzymskie i ruskie z oznaczeniem dni galowych: epochy znakomitsze: odmiany xiężyca; wiadomości i doświadczenia gospodarskie i astronomiczne; ciekawe rozmaitośći i anekdoty: przepowiednie zmiany powietrza: tabeli: gospodarską i procentową; pryncypalnieysze jarmarki oraz święta i posty Staro-Zakonnych,* W Wilnie: w Druk. Zymela Typografa i Manesa Romma, [1838]; *Kalendarz Gospodarski na rok pański przestępny 1840: zawierający w sobie dni 366 oraz Święta Rzymskie i Ruskie z oznaczeniem dni galowych; epochy znakomitsze i sentencyje; odmiany xiężyca; sposoby ratowania bydła i o owocach; wiadomości i doświadczenia gospodarskie i astronomiczne; sposoby kuchenne i lekarskie; anekdoty, wiersze i statystyczne wiadomości; przepowiadanie pogody z pająków; odchod poczt w Wilnie i Grodnie; pryncypalniejsze jarmarki oraz święta i posty Staro-Zakonnych,* Wilnia: w Druk. Zymela Typografa i Manesa Romma; [1839]; *Kalendarz Gospodarski na rok pański zwyczajny 1841: zawierający w sobie dni 365: epochy znakomitsze; odmiany xiężyca; tabelę wschodu i zachodu słońca; rzecz o gospodarstwie w Litwie; o chorobie jagniąt; wiadomości i doświadczenia gospodarskie i astronomiczne; sposoby kuchenne i lekarskie; anekdoty; wiersze i ciekawe rozmaitości; dokończenie o pająkach i osobliwości; odchod i przychod poczt w Wilnie i*

былі пазначаны эры і знаменальныя даты, займала амаль дзьве старонкі і ўключала розныя падзеі, у тым ліку, напрыклад, знішчэнне яцьвягаў, ці прыняцце праваслаўя князем Даўмонтам, з дадаткам спасылак на працы Тэадора Нарбута.

Стагоддзе Лічэнне з дапамогай стагоддзя, ці пазначэнне яго ў штодзённым жыцці ці ў мемуарных запісаў не было распаўсюджанай з'явай. Да гэтай адзінкі часу найчасцей звярталіся ў апісаннях падарожжа, наведвання гістарычных мясцін, помнікаў даўніны, ці пры апісанні гістарычных падзей, а не для пазначэння ўласна цяперашняга суб'ектыўнага часу. Так, звяртаецца да пазначэння стагоддзя падзеі ці пабудовы помніка В. Сыракомля[1], актыўна выкарыстоўвае дадзеную адзінку часу Павал Шпілеўск пры апісанні падарожжа па Палессю і іншым беларускім землям, распавядаючы гісторыю Нясвіжа, Мінска, Барысава і іншых беларускіх гарадоў, а таксама помнікі даўніны[2].

Стагоддзе, як адзінка лічэння часу, на нашую думку, можа служыць добрым ідэнтыфікатарам успрыняцця чалавекам мінуўшчыны, ступені лакалізацыі сябе і свайго сённяшняга існавання на стужцы часу, паказчыкам зацікаўленасці чалавека і грамадства ў пазнанні свайго мінулага. Да другой паловы XVIII ст., да эпохі Асветніцтва гэтая адзінка лічэння часу вельмі рэдка сустракаецца ў крыніцах, ёй не карыстаюцца ні храністы, ні праўнікі, ні ўраднікі. Стагоддзе па сваім змесце было вельмі недакладным часовым адрэзкам з пункту погляду выкарыстання яго для справаводства, або ў юрыдычнай практыцы. Але яно было зручнай адзінкай для асэнсавання гістарычнага мінулага, станавілася адным з інструментаў і элементаў хранатопа, які выпрацоўваўся ў першых гістарыяграфічных даследаваннях. Стагоддзе было дастаткова доўгім адрэзкам, які дазваляў убачыць тыпалагічныя рысы акрэсленага перыяда ў гісторыі краю, заўважыць змены, якія перажывае соцыюм. З гэтага пункту погляду цікавым і характэрным уяўляецца выкарыстанне лічэння стагоддзямі ў нататцы з абгрунтаваннем неабходнасці аднаўлення Вялікага княства Літоўскага пад эгідай Расіі, напісанай напярэдадні вайны 1812 г., якая

Grodnie; pryncypalnieysze jarmarki oraz święta i posty Staro-Zakonnych. W Wilnie: w Druk. Zymela Typografa i Manesa Romma; [1840]. і інш.

[1] Сыракомля Ул. *Дарожны дзённік 1856 года*. *Выбраныя творы*: Цвірка Кастусь - укладанне, прадмова, каментары. Мінск, Беларускі Кнігазбор, 2010 , с.292, 295, 297, 301 і інш.

[2] Шпилевский П. М. *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю*, Минск, Полымя, 1993, с.67-71, 76-77, 105,134 і інш.

ўтрымліваецца ў паперах Міхала Агінскага. Аўтар, робячы агляд гісторыі Вялікага княства, паказвае тую ці іншую з'яву гэтай гісторыі з пазначэннем часовага адрэзку, калі яна адбываецца, і робіць гэта з дапамогай стагоддзя, не пазначаючы, аднак, яго нумар:" два столетия" "шесть столетий" і г.д.[1] Папулярнасць гэтай адзінкі расла паступова, адначасова з назапашваннем гістарычных ведаў і іх распаўсюджваннем, але ўвесь час яна была непарыўна звязаная з гісторыяй, у тым ліку, гісторыяй мастацтва ці літаратуры, а не з вымярэннем паўсядзённага жыцця.

Папулярнай адзінкай вымярэння часу ў першай палове стагоддзя стала эпоха. Гэты тэрмін меў разнастайную семантыку і часовыя межы. Эпохай маглі называць час вайны 1812 г. , як гэта зрабіў магілёўскі генерал-губернатар Георгі Бажэнаў у лісце да А.І Міхайлоўскага-Данілеўскага ў 1836 г.[2], або другую палову XVIII ст., як гэта ў мемуарах рабіла Ева Феліньска[3], або нават увесь час перад падзеламі Рэчы Паспалітай : "wizerunki należące do epoki, w której Naród nasz był jeszcze niepodległym"[4]. Эпоху маглі ўжываць таксама як сынонім тэрміну "эра", што было звычайнай справай у друкаваных календарах. Неакрэсленасць памеру гэтай адзінкі рабіла яе не столькі часткай сістэмы летазлічэння, колькі элементам суб'ектыўнай рэфлексіі над часам, дапамагала выбудаваць уяўленне аб знакавых падзеях і перыядах у гісторыі грамадства або канкрэтнага чалавека, іх паслядоўнасці. Тэрмін "эпоха", таксама, як і "век" быў праяўленнем пачаткаў гістарычнага мыслення, рэфлексіі над мінулым, ён быў той адзінкай часу, з дапамогай якіх асэнсоўваліся гістарычныя падзеі, працэсы і з'явы, рабілася перыядызацыя гісторыі. Так, у кнізе па гісторыі Літвы і Польшчы Томаша Станкара, прызначанай для шырокага кола чытачоў, тэрмін "эпоха" выкарыстаны наступным чынам: "Dzieje narodu litewskiego dzielić się daje na pięć epok: Pierwsza wieków pięć obejmująca wystawia Litwą w stanie gminowładstwa. W epoce drugiej, od r. 500-970 przez lat 470 Litwa jest rzecząpospolitą teokratyczną. W epoce trzeciej, od r. 970-1230, przez lat 260 podzieloną zostaje na małe udzielne księstwa. W czwartej epoce od r.1230-1386, przez lat 156, jest jednym wielkim księstwem, z małych

[1] Российский государственный архив древних актов, ф12, д.358, лл. 1-18.
[2] *Акты, документы и материалы по политической и бытовой истории 1812 г.*, т. 3, Петербург, 1912, с.23.
[3] Felińska E. *Pamiętniki,* T. 1, s. 370.
[4] *Przedmowa.*[w:] *Pamiętniki polskie*: Tom Piérwszy, Zeszyt Piérwszy, Paryż, 1844, s.4.

książencych udziałów stworzona, w epoce piątej , od r. 1386-1794, przez lat 408, połączona jest z krąlewstwem polskim.”[1]

У сялянскім асяроддзі тэрміны “век” ці “эпоха” не ўжываліся, яны былі непатрэбныя ў практыцы часазлічэння. Лакалізацыя сябе ў часе, уяўленне аб мінулым і сваёй сувязі з ім, аб будучыні сваёй асабістай і грамадства ў тагачаснай сялянскай свядомасці былі заснаваныя на вуснай гісторыі, паданнях і казках, на біблейскіх сюжэтах, якія перапрацоўваліся ў адпаведнасці з сялянскім разуменнем сусвету і жыццёвым вопытам. Значную ролю ў гэтым адыгрывала сістэма перадачы інфармацыі паміж пакаленнямі, у выніку якой непазбежна ўзнікала інтэрферэнцыя некалькіх крыніц інфармацыі, успамінаў і жыццёвага досведу. “Зірніце, да прыкладу, на нашы вёскі. – Пісаў Марк Блок. - Умовы працы прымушаюць бацьку і маці амаль увесь дзень знаходзіцца ўдалечыні ад дома, і дзеці выхоўваюцца ў асноўным дзядулямі і бабулямі. Такім чынам, пры кожным новым этапе фарміравання свядомасці робіцца крок назад - у абыход пакалення, якое з'яўляецца галоўным носьбітам змяненняў, розумы найбольш падатныя аб'ядноўваюцца з найбольш закасцянелымі. Адсюль ідзе, несумненна, традыцыяналізм, так уласцівы многім сялянскім грамадствам”.[2] У сялянскай свядомасці ў той час гістарычная памяць з канкрэтнымі фактамі, імёнамі, падзеямі сягала не далей, чым на два-тры пакаленні, больш аддаленыя падзеі ўжо не мелі канкрэтнай лакалізацыі ў часе, набывалі міфалагізаваны характар.

Год Год быў адной з найбольш часта ўжываных адзінак летазлічэння, яго выкарыстоўвалі не толькі для пазначэння канкрэтнай даты, але і для акрэслення канкрэтнага перыяда, працягласці абавязкаў, функцый, стасункаў і г.д. Год меў рознае значэнне і рознае вымярэнне, ён не абавязкова складаўся з 365-366 каляндарных дзён і 12 месяцаў, не абавязковым быў таксама студзеньскі стыль – усё залежала ад сферы, дзе бытавала гэтая адзінка лічэння. Па-рознаму год вымяраўся і ў залежнасці ад сацыяльнага статусу асобы.

Сялянскі год меў у першую палову XIX ст. яшчэ выразныя рысы папярэдніх эпох, на ім адбівалася наяўнасць натуральнай гаспадаркі і прыгоннае становішча селяніна. У першыя дзесяцігоддзі XIX ст.

[1] Stankar T. *Chronologia litewska i polska od najpierwszych początków państw tych do ostatnich czasów politycznego ich bytu, 1794 r. doprowadzona.* Wilno, Zawadski, 1854, s. 2-3.
[2] Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр.* , Таллин, Ээсти раамат, 1983, с. 45.

успрыняцце часу ў сялянскай свядомасці было заснавана на рытме сельскагаспадарчых работ. Яго вымярэнне грунтавалася на прыродных з’явах, што ўплывала на сістэму адзінак, з дапамогай якіх размяркоўвалася і ўпарадкавалася штодзённае жыццё. Другой важнай для селяніна сістэмай вымярэння часу быў царкоўны каляндар, цесна звязаны ў яго ўспрыманні з цыклам палявых і іншых работ у сялянскай гаспадарцы.

Крыніцамі, якія дазваляюць прааналізаваць і паказаць вымярэнне і пазначэнне часу селянінам, з’яўляюцца, найперш, фальклорныя матэрыялы. Большасць з іх запісана і апублікавана ў другой палове XIX ст., але відавочна, што ствараліся і бытавалі яны значна раней, што дазваляе ўжываць рэтраспектыўны метад рэканструкцыі. Пэўныя звесткі ўтрымліваюць інвентары маёнткаў, якія дзейнічалі на беларускіх землях да сярэдзіны XIX ст. У іх вызначаліся тэрміны акрэсленых сялянскіх работ, выплаты грашовых павіннасцяў і інш. Значна меньш інфармацыі даюць дакументы асабістага паходжання – сяляне амаль не пакінулі падобных крыніц, а мемуарысты з іншых саслоўяў звычайна мала цікавіліся паўсядзённым жыццём селяніна. Акрэсленую вартасць у дадзеным аспекце маюць нататкі падарожнікаў, урадавых чыноўнікаў, а таксама справы, якія вяліся ў судах, канцылярыях, управах і іншых органах адміністрацыі па пытаннях, звязаных з жыццём вёскі.

Год у сялянскім жыцці не абавязкова меў той самы пачатак, што і каляндарны, адлік гадамі мог весціся ад даты заканчэння гаспадарчага года паводле інвентара, ад вызначанага ў ім дня разліку селяніна з маёнткам. Пры тым такі дзень пазначаўся з дапамогай згадкі рэлігійнага свята. Уяўленне аб падобнай сістэме лічэння часу дае, да прыкладу, інвентар Якунскага староства Ашмянскага павету, які быў складзены ў 1789 годзе. У ім, у прыватнасці, знаходзім наступны запіс:” Powinności włoscian. Każdy gospodarz z chaty w całym roku powinien odbywać pańszczyzny z czym dwór każe męskiey dni trzy, a kobiecej dni trzy, zaczowszy od świętego Jakuba, aż do świętego Michała każdy włościanin całą siemią swoją ... równo ze schodem słońca do dworu przy udysponowaney robocie stanąć będzie powinien y takowa powinność raz na tydzień po wyszłey sześciodniowey pańszczyznie odbywana bydz będzie powinna...”[1] У гэтым запісу, на наш погляд, адбілася вельмі характэрная рыса сялянскага лічэння часу – ужыванне нерухомых хрысціянскіх святаў для акрэслення даты падзеі. Поліканфесійнасць сялянскага асяроддзя стварыла сітуацыю, калі для вызначэння канкрэтнага

[1] *Инвентарь Якунского староства Ошмянского повета.*[в:] *Акты Виленской археографической комиссии (АВАК)*, т. 35, Санкт-Петербург, 1910, с. 510.

дня маглі ўжывацца як праваслаўна-уніяцкі, так і каталіцкі літургічныя календары, пры тым часта не згадвалася, які менавіта ўжываецца каляндар ("польскі" ці "рускі"). Названыя ў якасці часовых межаў адпрацоўкі паньшчыны святы св. Якуба і св. Міхала мелі розныя даты ў каталіцкім і праваслаўным календарах: у першым з іх па грыгарыянскім календары св. Якуб ушаноўваецца 25 ліпеня, а св. Міхал (архангел) 29 верасня; у другім - 30 красавіка і 30 чэрвеня шануюць св. Якуба, а 8 лістапада – св Міхала па юльянскім календары. На нашую думку, інвентар Якунскага староства ў дадзеным выпадку выкарыстоўваў менавіта праваслаўна-уніяцкі літургічны каляндар, і час адпрацоўкі паншчыны быў прывязаны да сезону палявых работ – з сярэдзіны красавіка (на той час адпаведна 19 красавіка па грыгарыянскім календары) да канца кастрычніка (29 кастрычніка па грыгарыянскім календары на той час). Ужыванне тут менавіта праваслаўна-уніяцкага календара было абумоўлена, з вялікай доляй верагоднасці, уніяцкім ці праваслаўным вераспавяданнем большасці сялян староства, што падцвярджаецца імёнамі, згаданымі ў інвентары - Таццяна, Ілля, Іван, Кузьма і інш. Заўважым, што складальнікі інвентару - шляхцічы, ужываюць не нумары дзён, і не даты паводле каталіцкага літургічнага календару, а тое лічэнне часу, якое зразумела сялянам і выкарыстоўваецца імі. Такім чынам, толькі шэсць месяцаў пазначаліся ў дадзеным календары як сельскагаспадарчы год, астатняя палова календарнага года не згадвалася.

Цыклічнасць і аднастайнасць сялянскага жыцця не патрабавала дакладнага лічэння часу з дапамогай гадзін і, тым болей, мінут. Асноўнымі адзінкамі лічэння тут былі ў той час год (сельскагаспадарчы), сезон, час палявых работ (сяўба, жніво, пакос і г.д.), тыдзень, дзень (светлавы).

Вельмі падрабязную і маляўнічую карціну лічэння, успрыняцця і асэнсавання часу на вёсцы дае ў творы "Kęs chleba "("Акраец хлеба. Гавэнда з наднёманскіх палёў")[1] Уладзіслаў Сыракомля. У дадзенай гавэндзе прадстаўлены ў якасці галоўнага героя пажылы шляхціч-арандатар Лагода, які дбае аб дабрабыце сялян, знітаваны з штодзённасцю вёскі, адыгрывае ў ёй ролю, хутчэй, патрыярхальнага старэйшыны, чым ўладцы і начальніка. Увесь твор пранізаны згадкамі аб часе, аб яго цячэнні, у храналагічным парадку разгортваецца фабула гавэнды, пры тым гэты парадак заснаваны на элементах сялянскага летазлічэння.

Год у творы падзяляецца згодна з цыклам сельскагаспадарчых работ. Пачатак яму кладзе восеньская сяўба азімых. Восеньскі пачатак года

[1] Сыракомля Ул. *Акраец хлеба. Гавэнда з наднёманскіх палёў* [у:] *Выбраныя творы*, с. 120-148.

(вераснёўскі стыль) быў ужываны на беларускіх землях да канца XV ст., прыйшоўшы сюды разам з хрысціянствам і юльянскім календаром з Візантыі. Менавіта ў той час – у XIV- XV ст ст. пачало распаўсюджвацца трохполле, і новы пачатак года неблага паклаўся на цыкл сельскагаспадарчых работ, суіснуючы спачатку побач з сакавіцкім стылем, а затым выціснуўшы яго. Студзеньскі стыль, вядомы на беларускіх землях з XIII ст. не ўнёс якіх –небудзь значных змен у сельскагаспадарчы каляндарны цыкл.

Каляндарны год, згодна з існуючым народным календаром размяркоўваўся ад сяўбы да жніва, што адзначае Ул. Сыракомля:

Але паміж хвіляй засевак і жніва
Яшчэ цэлы год і надзей, і трывогі.

Паказальна, што ў гадавым цыкле, апісаным у вершы, зусім не адзначаецца студзеньскі новы год, ён не складаў у той час на вёсцы нейкага значнага рубяжа, вехі, ад яго не вёўся адлік.

Падобную карціну лічэння и размеркавання сялянскага часу паводле сельскагаспадарчых работ апісвае Павал Шпілеўскі ў "Падарожжы па Палессі і Беларускім краю". Паводле яго каляндар гаспадарчых работ, а з ім і новы гаспадарчы год у Мінскай губерні пачынаўся з вяснавой сяўбы і пасадкі агародаў, а заканчываўся зборам і мачэннем лёну і малацьбой сабранага збожжа. Пры тым кожная з культур мела свой канкрэтны тэрмін у сельскагаспадарчым цыкле, такім чынам адбывалася ўпарадкаванне і размеркаванне сельскагаспадарчага года, падзел яго на больш дробныя адзінкі лічэння. П.Шпілеўскі пры гэтым падае канкрэтныя даты севу ці збору некаторых культур з нумарамі дзён, агаворваючы, што праца можа пачацца на некалькі дзён раней ці пазднейу залежнасці ад надвор'я і часу змены сезона. У гэтым кантэксце цікавай уяўляецца дата 25 сакавіка, якую П.Шпілеўскі называе ў якасці пачатку севу. На гэты дзень прыпадае нерухомае свята Звяставання, якое ўласна і было ў сялян элементам сельскагаспадарчага календару. Менавіта Звеставаннем пазначаўся ў тэксце П Шпілеўскага пачатак збору мёду і рэвізія вулляў. [1]

Адчуванне змены ў цячэнні часу ў сялянскай свядомасці, найперш у стасунку да буйных адрэзкаў, такіх, як год ці сезон, грунтавалася на прыродных з'явах. Лічэнне часу вялося гаспадарчымі працамі, а не храналагічнымі адзінкамі. Характарызуючы падобнае ўяўленне часу, Эльжбета Тарковска адзначае:"Jest to poprostu powtarzającym się cyklem

[1] Шпилевский П. М. *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю*, с. 120-121.

powracających pór, powracającego cyklu zmian w przyrodzie, powtarzanego trybu podejmowanych przez człowieka działań. Nie będzie to rok w naszym rozumieniu, bo nie będzie jedną z jednostek na ciągłej linii czasu, poprzedzoną nieskończoną ilością takich samych jednostek w przeszłości, poprzedzającą takie same jednostki w przyszłości. Ta jednostka czasu, a i sama kategoria czasu, nie ma jeszcze abstrakcyjnego charakteru”[1]. Можна сцвярджаць, што стасунак да часу, яго ўспрыманне, лічэнне, дапасаванне да яго рытму ў сялянскім асяроддзі ў той час мела рысы, характэрныя для “folk society” (па акрэсленні Георга Зімеля). У значнай ступені час не быў індывідуальнай каштоўнасцю, размяркоўваўся і ацэньваўся з пункту погляду патрэбаў грамады, якой магла быць вялікая сялянская сям’я, супольнасць вёскі, або парафіі. Спосабы выкарыстання часу, яго бюджэт, выбар заняткаў ў вольныя ад працы гадзіны, якіх было няшмат, акрэсліваліся ў значнай ступені не індывідуальным выбарам асобы, але традыцыяй, нормамі і стэрэатыпамі паводзін, якія існавалі ў дадзенай вясковай супольнасці. Гэтыя нормы і стэрэатыпы вызначалі часовыя вехі не толькі года, ці дня, але ўсяго жыцця вяскоўца ад нараджэння да смерці і нават пасля яе. Згодна гэтым нормам і стэрэатыпам акрэслівалася, калі дзеці павінны былі пачынаць працаваць у гаспадарцы, калі юнакі і дзяўчаты павінны былі браць шлюб, колькі часу павінна была цягнуцца жалоба па памерламу сужонку і калі прыстойна ўступаць у іншы шлюб, цераз колькі дзён трэба хаваць памерлага і ў якія дні яго памінаць. Парушэнне гэтых часовых нормаў прыводзіла да канфлікту з вясковай грамадой, да зніжэння сацыяльнага статусу ці ўвогуле да астракізму. Так, да прыкладу, як адзначае Ірына Раманенка, калі дзяўчына не брала шлюб да 24–25 гадоў, яе называлі «перастарак», «старая»[2], пазначаючы тым самым парушэнне адной з усталяваных часовых межаў у жыцці вясковай жанчыны.

Традыцыйны падыход да ўспрыняцця і лічэння часу ў вясковым асяроддзі з канца XVIII ст. пачаў пакрыху змяняцца з адкрыццём школ для сялянскіх дзяцей. Дзякуючы намаганням біскупа Масальскага, а таксама часткі асветленых магнатаў у першыя гады рэформы асветы, якая

[1] Tarkowska E. *Czas w społeczeństwie. Problemy ,tradycje, kierunki badań.* Wrocław Warszawa Kraków Gdańsk Łódź, Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wyd. PAN, 1987, s. 33.

[2] Романенко И.В. *Трансформация статуса белорусской сельской женщины в XX - начале XXI в.* НАН Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, яз. и лит., Фил. "Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы", Минск, Беларуская навука, 2015, с. 43.

здзяйснялася пад кіраўніцтвам Камісіі народнай адукацыі, на тэрыторыі ВКЛ працавалі больш за 300 прыходскіх школ, але з-за супрацўлення абскурантаў ў 1780-я гг. іх колькасць скарацілася амаль на сотню[1]. У першыя дзесяцігоддзі XIX ст. дзейнічалі прыходскія школы, школы, заснаваныя асветленымі магнатамі і памешчыкамі. Але вырашыць пытанне сялянскай непісьменнасці яны не маглі; сялянскі сусвет па-ранейшаму быў заснаваны на традыцыйнай культуры і на традыцыйнай сістэме лічэння часу.

Год, як адзінка вымярэння часу, у гарадскім асяроддзі, ва ўспрыняцці прадстаўнікоў несялянскіх варстваў насельніцтва на беларускіх землях у першай палове XIX ст. меў не толькі ўласцівае месца на стужцы часу, але рознае значэнне ў залежнасці ад сферы выкарыстання.

Адным з адметных перыядаў лічэння быў школьны год. Ён успрымаўся як сталая, вядомая здавён адзінка часу, якая мела акрэсленую працягласць – з верасня па чэрвень. Ва ўспамінах сучаснікі дастаткова часта нават не згадваюць, калі менавіта пачынаецца ці заканчваецца вучоба, разумеючы гэта, як усім вядомы і даўно замацаваны ў грамадстве перыяд. Так, Адам Красіньскі, які вельмі падрабязна апісвае парадак вучобы ў вучылішчы, дзе ён вучыўся, пра канец года згадвае мімаходзь:” po ukończeniu roku szkolnego w lipcu 1827 wyjechałem do Lubieszowa”[2]. Эва Феліньска ва ўспамінах адзначае, што летнія канікулы ў слуцкім вучылішчы, дзе вучыліся яе браты, пачыналіся пасля экзамену, што адбываўся ў дзень св. Пятра (12 ліпеня), праўда па якім календары гэта свята лічылася, мемуарыстка не згадвае.[3] Вераснёўскі пачатак школьнага года практыкаваўся ва ўсіх тыпах навучальных установаў – ад універсітэта да прыходскай школы. Пачатак і канец навучальнага года мелі акрэсленыя традыцыйныя рытуалы, якія надоўга адкладаліся ў памяці студэнтаў і вучняў.

Апрача школьнага года розныя памеры і часовыя межы мог мець фінансавы ці справаздачны год. Год, як адзінка вымярэння часу, быў надзвычай папулярны для акрэслення працягласці нейкіх дзеянняў, паўнамоцтваў, дамоўленасцяў. У дадзеным выпадку гэты тэрмін меў у нейкім сэнсе абстрактнае значэнне, бо не ўлічвалася колькасць дзён – такі год разумеўся як адрэзак часу працягласцю ў 12 месяцаў, не залежна ад

[1] Szybiak I. *Szkolnictwo Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Księstwie Litewskim*. Wrocław, 19 73, s.81-88.
[2] Krasiński A. S. *Wspomnienia biskupa Adama Stanisława Krasińskiego*, Kraków, 1900, s. 21.
[3] Felińska E. *Pamiętniki*, T. 2, s.60.

таго, ці гэтыя месяцы налічвалі 365 ці 366 дзён. Не важныя былі таксама ні сезонныя змены, ні астранамічныя дадзеныя. Гэтая адзінка ўжывалася як у сферы рэгулявання сацыяльных ці эканамічных стасункаў, так і для патрэб міжасабовых адносінаў. Так, гадамі вымяраліся пакаранні за палітычныя ці крымінальныя злачынствы, што было звычайнай практыкай на працягу стагоддзяў, пры тым пачатковы пункт адліку такога года пачынаўся з дня, пазначанага прысудам, ці дня канфірмацыі. Да прыкладу, асуджаны па выніках следства над філарэтамі і філаматамі на год зняволення ў крэпасці Тамаш Зан пачаў адбываць гэты тэрмін з часу ўхвалення прысуду следчай камісіі Александрам І 14 жніўня 1824 г.[1] – менавіта з гэтай даты пачаўся ягоны лік гадамі.

Дата, ад якой пачынаўся адлік года, як адзінкі лічэння часу, залежала ад канкрэтных абставін, магла вызначацца прыблізна. Цікавым з гэтага пункту погляду выдаецца прыклад адной з прававых нормаў, заканадаўча зацверджаных Мікалаем І 28 снежня 1832 г. і ўнесенай у Статут лютаранскай царквы: дзяўчына, якую спакусілі і кінулі, магла падаць скаргу на спакусніка, але толькі на працягу года ад моманту спакушэння.[2] Якім чынам пакрыўджанай дзяўчыне належала зафіксаваць і ўдакументаваць пачатак адліку гэтага года, ва ўказе не тлумачылася.

Недакладнасць акрэслення даты, ад якой трэба налічаць год, у тым ліку, і ў афіцыйных актах, часам прыводзіла да непаразуменняў. Так, у 1831 г. Мікалаем І быў ухвалены ўказ аб пакаранні чыноўнікаў, якія дапусцілі неахайнасць у службовых абавязках. Паводле ўказа чыноўніка, як на працягу года атрымаў тры строгіх вымовы, або шэсць звычайных, належала аддаваць пад суд. Ва ўказе не агаворвалася, ад якога менавіта дня трэба лічыць гэтыя вымовы – ад першай атрыманай, ці ад пачатку каляндарнага года. Недакладнасць пункта адліку выклікала хваляванне ў чыноўнікаў Мінскага губернскага праўлення, якія звярнуліся ў Сенат за тлумачэннем. У выніку спатрэбіўся яшчэ адзін царскі ўказ ад 12 кастрычніка 1832 года, у якім тлумачылася, што ў дадзеным выпадку год належыць адлічваць ад 1 студзеня, таму ўсе вымовы, якія былі атрыманыя перад гэтай датай, не бяруцца ў разлік.[3]

[1] Bieliński J. *Proces filaretów w Wilnie. : dokumenta urzędowe z "Teki" rektora Twardowskiego*. Kraków, 1889, s. 152.
[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) Изд. второе, т. VII, Санкт-Петербург , 1833, №5870, с. 958.
[3] Там же, № 5670, с.705.

З далучэннем беларускіх земляў да Расійскай імперыі на іх быў распаўсюджаны парадак набыцця падвышэння сацыяльнага статусу праз выслугу гадоў на ваеннай, дзяржаўнай або прыдворнай службе, уведзены яшчэ "Табеллю аб рангах" Пятра I і неаднаразова з тых часоў дапоўнены і папраўлены. У Рэчы Паспалітай такая практыка – набыццё новых урадаў і званняў праз канкрэтную колькасць гадоў знаходжання на службе, не быў прыняты. Для мясцовай шляхты новыя чыны і званні, назвы якіх мелі ўжо сімвалічны характар, здаваліся дзіўнымі, як і сам парадак уздымання па службовай лесвіцы. Падобную сітуацыю ў сваіх мемуарах так апісвае Гаўрыла Дабрынін, які ў канцы XVIII ст. служыў у канцылярыі Беларускага намесніцтва: «Смешна было слухаць, - заўважае мемуарыст, - як многія з прызначаных, нязвыклыя да чыноў расійскіх, прыходзячы да намесніцтва (г.зн. у канцылярыю - С.К-С.), пыталіся нас, служачых: «што такое «титулярный советник», што такое «надворный советник»? Я быў, - адзін кажа, - падстолі, другі - мастаўнічы, ...каморнік ржэчаскі, ...мечнік старадубаўскі, ...рэент ашмянскі і г.д.»... «За што ў вас вылічваюць з жалавання, калі ўзнагароджваюць чынамі?» ...а старшыня верхняй расправы Курч прапанаваў на разгадванне кожнаму, хто хацеў яго слухаць: «Гаворацъ, што я ў ранге падпалкоўніка. Дзе ж мой полк?».[1] З гэтага часу год, як адзінка лічэння, стаў для пэўнай часткі грамадства мерай поспеху, прыступкай для сацыяльнага авансу, дабрабыту, забяспечанай старасці. Паняцце "выслуга гадоў" увайшло ў карыстанне і захавалася да сёння.

Год, як пэўны адрэзак часу, ужываўся таксама ў якасці выпрабавання. Так, для атрымання пасвячэння ў манахі неабходна было, у залежнасці ад канфесіі, ці статута ордэна, калі гэта датычыла каталікоў ці ўніятаў, акрэсленую колькасць гадоў быць пры кляштары ў якасці паслушніка, неафіта. Адам Красінські так апісвае гэты выпрабавальны тэрмін:" Nowicyat, jest to zakonne seminaryum, służące za próbę powołania, i razem przygotowanie się do przyjęcia ślubów zakonnych. Miał on swoją regułę drukowaną i bardzo ścisłą. Trwał lat dwa." [2]Далучэнне да Расійскай імперыі распаўсюдзіла на беларускія землі практыку, якая была прынята ў імперыі: дзяржава пачала рэгламентаваць ўнутрыцаркоўнае жыццё, усталёўваць правілы і нормы дзейнасці святарства і яго адносін з паствай. Гэта датычыла таксама і часу служэння ці набыцця сану. Згодна з рэгламентам для каталіцкакага святарства, падпісаным Паўлам I 3 лістапада 1798 г.,

[1] Добрынин Г. *Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина им самим написанная в Могилеве и в Витебске.1752-1823* , Спб., 1872, с.211.
[2] Krasiński A. S., *Wspomnienia*, s. 27.

былі, да прыкладу, вызначаны некаторыя нормы, што датычылі часу і не былі прадугледжаныя статутамі манаскіх ордэнаў ці іншымі дакументамі каталіцкай іерархіі: манаскі сан можна было надаваць навіцыятам толькі пасля сканчэння імі 22 гадоў, а месца суперыёра ці настаяцеля кляштара можна было займаць толькі тры гады.[1]

Выпрабаванне даўжынёй у год практыкавалася раз-пораз і для праверкі пачуццяў маладых, якія ці былі не ўпэўненыя у сваіх пачуццях, ці шлюб не вельмі ўхваляўся іх роднымі. Аб такой практыцы, у прыватнасці, згадвае Эва Феліньска.[2]

У мемуарах можна сустрэць згадку пра Юбілейны год. Традыцыя святкавання юбілейнага года ў каталіцкім касцёле пачынаецца з 1300 г. па ініцыятыве папы Баніфацыя VIII. Гэты год адзначаўся з рознай рэгулярнасцю, яго святкаванне анансавалася спецыяльнай папскай булай. Паводле традыцыі ў гэты год праводзіліся спецыяльныя набажэнствы, вернікі атрымлівалі магчымасць атрымаць адпусту грахоў у кафедральных касцёлах ці месцах паломніцтва, а таксама ў Рыме. У першай палове XIX ст. юбілейным быў прызначаны 1825 г. Адам Красіньскі ў сваіх успамінах юбілейным годам называе 1826 г., апісваючы выступленні місіянераў ў касцёлах Валыні.[3]

У друкаваных календарах абавязкова падкрэслівалася просты год, ці высакосны з пазначэннем колькасці дзён у дадзеным годзе. У дадзеным выпадку казусам можа быць 1800 г., які ў юльянскім календары быў высакосным, а ў грыгарыянскім – простым, таму пры выданні друкаванага календара трэба было даваць падвойнае азначэнне года.

У гэты час важнае месца ў сацыяльным статусе чалавека пачынае займаць год яго нараджэння, колькасць пражытых гадоў. Безумоўна, і ў папярэднія перыяды гэты паказчык адыгрываў важную ролю, асабліва ў справах маёмасных, ці справах крымінальнай адказнасці. Але ва ўмовах Расійскай імперыі, у грамадстве, дзе рэгламентаванню паступова падлягаюць усе сферы чалавечага жыцця, колькасць пражытых годоў становіцца адным з маркёраў, якія вызначаюць правы і абавязкі асобы. Эва Феліньска, у прыватнасці, адзначае, што падобнай узроставай вехай у жыцці шляхцянкі былі 13 гадоў – менавіта ад гэтага ўзросту заканчывалася дзяцінства і пачыналася юнацтва, змяняліся сукенкі, прычоскі і сам статус асобы ў сям'і. Яна ж згадвае, што яе брат ужо ў 20 гадоў удзельнічаў у

[1] *ПСЗРИ*, СПб, 1830, т. XXV, №18734, с.436.
[2] Felińska E. *Pamiętniki* T. 1, s.370.
[3] Krasiński A. S. *Wspomnienia,* s.69.

шляхецкіх выбарах і атрымаў пасаду ў шляхецкім самакіраванні, што для таго часу было рэдкасцю. [1] Узрост браўся пад увагу пры залічэнні ў навучальныя ўстановы ўсіх узроўняў, пры аддачы ў рэкруты ці добраахвотным залічэнні ў вайсковую службу, пры атрыманні пенсіі і інш. 31 кастрычніка 1832 г. быў выдадзены ўказ аб абавязковым пазначэнні ўзроста падсудных[2], што было звязана, найперш, з суднымі справамі паўстанцаў.

Выкарыстанне буйных адзінак летазлічэння ў паўсядзённым жыцці можа быць добрым ідэнтыфікатарам ступені развіцця працэсаў мадэрнізацыі грамадства. Традыцыйнае грамадства не патрабуе паўсядзённага выкарыстання такіх адзінак лічэння як стагоддзе, ці эра, паколькі гэтыя адзінкі лічэння часу звязаныя з рэфлексіяй над мінулым, акрэсліваюць месца падзей – мінулых і цяперашніх – на стужцы часу, якая цягнецца з мінулага ў будучыню. Для традыцыйнага грамадства час з’яўляецца неперарыўным колам, у якім цыклічна паўтараюцца з’явы і падзеі, а пачатак гэтых цыклаў мае міфалагічны пункт адліку. Летазлічэнне з’яўляецца дыскрэтным, выкарыстоўваючы лакальныя падзеі ў якасці цэзур для вызначэння няроўных адрэзкаў часу і фіксуючы час з дапамогай змены прыродных з’яў, якія маюць цыклічны характар. Уяўленне аб часе, як нейкай працягласці, як аб працэсе, які мае вектар, звязана з паняццем прагрэсу, з уяўленнем аб развіцці, змене, непаўторнасці. Такая парадыгма мыслення з’яўляецца ў часы Рэнесансу і сігналізуе аб пачатку разбурэння традыцыйнага грамадства.

У канцы XVIII- першай палове XIX ст. на землях Беларусі ўжыванне буйных адзінак летазлічэння ў паўсядзённым жыцці становіцца характэрным для прадстаўнікоў адукаваных варстваў грамадства. Сялянства па-ранейшаму не выкарыстоўвае іх, застаючыся яшчэ цалкам у межах традыцыйнай культуры з яе дыскрэтным і цыклічным разуменнем часу. Зварот да ўжывання такіх часовых адрэзкаў, як стагоддзе ці эпоха, наўпрост быў звязаны з цікаўнасцю да гістарычнага мінулага і адбываўся ў кантэксце расповядаў пра даўнія падзеі, гістарычныя помнікі ці выбітных гістарычных асобаў.

Найбольш запатрабаванай буйной адзінкай летазлічэння быў год, які меў розную працягласць у залежнасці ад сферы і акалічнасцяў ужывання. Вар’іраваўся таксама і пачатак адліку гэтага часовага адрэзка, не заўсёды супадаючы з пачаткам каляндарнага года. У адрозненні ад іншых

[1] Felińska E. *Pamiętniki* T. 2, s.89, 92.
[2] *ПСЗРИ*, изд 2, Т.7, СПб, 1832, №5708, с. 805.

буйных адзінак летазлічэння, якія выкарыстоўваліся ў літаратурных творах, публіцыстыцы, навуковых працах і крыніцах асабістага паходжання, год быў адной з галоўных адзінак летазлічэння ў афіцыйным справаводстве, заканадаўстве, юрыдычных актах і іншых дакументах, якія мелі распараджальны характар.

Бібліяграфія

Bieliński J. *Proces filaretów w Wilnie. : dokumenta urzędowe z "Teki" rektora Twardowskiego*. Kraków, 1889

Felińska E. *Pamiętniki z życia Ewy Felińskiej*, T. 1, seria 2: Wilno 1858

Kalendarz Adresowy dla Wydziału Uniwersytetu Imperatorskiego Wileńskiego na rok 1807 u osmiu gubernii Wydział Imperatorskiego Wilenskiego Uniwersytetu Składających. Wilno, Zawadski, 1806

Kalendarz Astronomiczno-Gospodarski Polski i Ruski na Rok Pański 1834. Który jest rokiem zwyczajnym maiącym dni 365. Warszawa, J. Gautier, 1833

Kalendarz Astronomiczno-Gospodarski, Polski i Ruski na Rok Pański 1828, Który Jest Rokiem Przestępnym, Mającym Dni 366, z opisem Dni Gałowych w Rosyji i Królewstwe Polskem, Swiąt Zydowskich, Poczt i innych wiadomości. Warszawa, J. Pukszta, 1827

Kalendarz Astronomiczno-Gospodarski, Polski i Ruski na Rok Pański 1828, Który Jest Rokiem Przestępnym, Mającym Dni 366 : zawierający w sobie bieg planet, odmiany powietrza, zaćmienia, technologiczne, rolnicze i wiele potrzebnych wiadomości, Lublin, Nakł. J. K. Pruski, 1828

Kalendarz Gospodarski na Rok Pański 1827 : zawierający w sobie dni 365, oraz święta rzymskie i ruskie, z oznaczeniem dni galowych; wschód i zachód słońca; odmiany xiężyca, i inne ciekawe i pożyteczne wiadomości gospodarskie i astronomiczne; na końcu przydane są święta i posty Starozakonnych. W Wilnie : w Druk. Zymela, [1826]

Kalendarz Gospodarski na rok pański przestępny 1840: zawierający w sobie dni 366 oraz Święta Rzymskie i Ruskie z oznaczeniem dni galowych; epochy znakomitsze i sentencyje; odmiany xiężyca; sposoby ratowania bydła i o owocach; wiadomości i doświadczenia gospodarskie i astronomiczne; sposoby kuchenne i lekarskie; anekdoty, wiersze i statystyczne wiadomości; przepowiadanie pogody z pająków; odchod poczt w Wilnie i Grodnie; pryncypalniejsze jarmarki oraz święta i posty Staro-Zakonnych, Wilnia: w Druk. Zymela Typografa i Manesa Romma; [1839]

Kalendarz Gospodarski na rok pański zwyczajny 1839: zawierający w sobie dni 365 oraz święta rzymskie i ruskie z oznaczeniem dni galowych:

epochy znakomitsze: odmiany xiężyca; wiadomości i doświadczenia gospodarskie i astronomiczne; ciekawe rozmaitośći i anekdoty: przepowiednie zmiany powietrza: tabeli: gospodarską i procentową; pryncypalnieysze jarmarki oraz święta i posty Staro-Zakonnych, W Wilnie: w Druk. Zymela Typografa i Manesa Romma, [1838]

Kalendarz Gospodarski na rok pański zwyczajny 1841: zawierający w sobie dni 365: epochy znakomitsze; odmiany xiężyca; tabelę wschodu i zachodu słońca; rzecz o gospodarstwie w Litwie; o chorobie jagniąt; wiadomości i doświadczenia gospodarskie i astronomiczne; sposoby kuchenne i lekarskie; anekdoty; wiersze i ciekawe rozmaitości; dokończenie o pająkach i osobliwości; odchod i przychod poczt w Wilnie i Grodnie; pryncypalnieysze jarmarki oraz święta i posty Staro-Zakonnych. W Wilnie: w Druk. Zymela Typografa i Manesa Romma; [1840].

Krasiński A. S. *Wspomnienia biskupa Adama Stanisława Krasińskiego*, Kraków, 1900

Pamiętniki polskie: Tom Piérwszy, Zeszyt Piérwszy, Paryż, 1844

Puzynina G. *W Wilnie i w dworach litewskich : pamiętnik z lat 1815-1843*, Wilno, druk Józefa Zawadzkiego, 1928

Stankar T. *Chronologia litewska i polska od najpierwszych początków państw tych do ostatnich czasów politycznego ich bytu, 1794 r. doprowadzona*. Wilno, Zawadski, 1854

Szybiak I. *Szkolnictwo Komisji Edukacji Narodowej w Wielkim Ksęstwie Litewskim*. Wrocław, 19 73

Tarkowska E. *Czas w społeczeństwie. Problemy ,tradycje, kierunki badań.* Wrocław Warszawa Kraków Gdańsk Łódź, Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wyd. PAN, 1987

Акты, документы и материалы по политической и бытовой истории 1812 г., т. 3, Петербург, 1912

Блок М. *Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр.* , Таллин, Ээсти раамат, 1983

Дневник Сестренцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. Ч.1, Петербург, 1913

Добрынин Г. *Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина им самим написанная в Могилеве и в Витебске.1752-1823* , Спб., 1872

Дунін-Марцінкевіч В. *Творы.* Мінск, Мастацкая літаратура, 1984

Записки игумена Ореста. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси. Т. 2, Вильно, 1867

Инвентарь Якунского староства Ошмянского повета.[в:] *Акты Виленской археографической комиссии (АВАК)*, т. 35, Санкт-Петербург, 1910

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусіўу Гродна, ф.1, воп. 4, спр. 656

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) Изд. второе, т. VII, Санкт-Петербург , 1833, №№ 5870, 5670, 5708

Полное Собрание законов Российской Империи, СПб, 1830, т. XXV, №№ 18734, 19681

Пшацлаўскі В. *Калейдаскоп успамінаў.* Т.1. Мінск, Лімарыус, 2012

Романенко И.В. *Трансформация статуса белорусской сельской женщины в XX - начале XXI в.* НАН Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, яз. и лит., Фил. "Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы", Минск, Беларуская навука, 2015

Российский государственный архив древних актов, ф12, д.358,

Сыракомля Ул. *Дарожны дзённік 1856 года*. *Выбраныя творы*: Цвірка Кастусь - укладанне, прадмова, каментары. Мінск, Беларускі Кнігазбор, 2010

Сяльверстава С.Я.*Гарадзенскі друкар Зымель Нахімовіч*.[у:] *Форум*, 1996 , № 4, с.38-40.

Федор Яковлевич. Миркович 1789-1866. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам, воспоминаниям близких людей и подлинным документам [сост.: Александр Миркович, Михаил Миркович]. С.-Петербург : Военная тип., 1889

Шпилевский П. М. *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю*, Минск, Полымя, 1993

Вячаслаў Швед[1]

Дзяржаўнае становішча ВКЛ перад канчатковай стратай незалежнасці (1794-1795 гг.)

Viachaslau Shved

State position of the GDL before the final loss of independence (1794-1795).

Рэзюме: У 1794-1795 гг. існавала Вялікае Княства Літоўскае і яго грамадзяне - лцвіны. Сталіцай быў горад Гродна, дзе было створана Галоўнае Літоўскае Праўленне (па

[1] Варшаўскі ўніверсітэт, доктар гістарычных навук, прафесар

аналогіі з расійскімі Правінцыйнымі палатамі), якое складалася з чатырох аддзелаў: дзяржаўнага, эканамічнага і двух судовых (крымінальнага і грамадзянскага) і дзейнічала ў былым палацы А. Тызенгаўза . Тэрыторыя Вялікага Княства Літоўскага складалася спачатку з 17, а затым з 19 паветаў, падзеленых на тры часткі (ваяводствы) - Гродзенскую, Віленскую і Ковенскую. Былі межы, афіцыйна устаноўленыя, з мытнікамі і памежнікамі. На чале Вялікага Княства Літоўскага стаяў генерал-губернатар Літвы Мікалай Рапнін, хоць у Гродне знаходзіўся тады вялікі князь Станіслаў Аўгуст Панятоўскі. Таксама быў праведзены дзяржаўны перапіс насельніцтва ВКЛ.
Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, страта незалежнасці, дзяржаўнае ўладкаванне.

Abstract:
In the years 1794-1795. there was the Grand Duchy of Lithuania and its citizens - Licwini. The capital was the city of Grodno, where the Supreme Lithuanian Government (similar to the Russian Provincial Chambers) was established, consisting of four departments: state, economic and two judicial (criminal and civil) and operated in the former palace of A. Tyzenhauz. The territory of the Grand Duchy of Lithuania first consisted of 17 and then from 19 poviats, divided into three parts (voivodships) - Grodzieńska, Wileńska and Kowieńska. There were officially established borders with customs and border guards. The General-Governor of Lithuania, Mikołaj Repnin, became the head of the Grand Duchy of Lithuania, although Grand Duke Stanisław August Poniatowski was in Grodno at that time. There was also held the state census of the GDL.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, loss of independence, state arrangement.

На пачатку неабходна зрабіць невялікі гістарыяграфічны агляд, каб патлумачыць, чаму аўтар звярнуўся да напісання артыкула на заяўленую тэму. Спачатку расійская класіка – творы С. Салаўёва “История падения Польши” (М., 1863) і М. Кастамарава “Последние годы Речи–Посполитой. Историческая монография” (СПб., 1870). У абодзвух большая ўвага звернута на вайсковыя справы; адносіны Прусіі, Аўстрыі, Расіі паміж сабой па польскім пытанні; дзеянні гродзенскага сейма 1793 г., паўстанне 1794 г. Праблемы, пастаўленыя ў нашым артыкуле, не разглядаліся.

У Беларусі пра падзелы Рэчы Паспалітай напісана шмат, ад падручнікаў да манаграфій, з паказам розных поглядаў і канцэпцый на адбыўшыйся факт страты дзяржаўнасці ліцвінска-беларускай дзяржавы. Гэта кнігі гісторыкаў Я. Анішчанкі; У. Арлова і Г. Сагановіча; П.І. Брыгадзіна, спецыяльны артыкул А. Філатавай[1], якія больш-меньш

[1] Арлоў У., Сагановіч Г. *Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862 - 1918): Падзеі. Даты.Ілюстрацыі*. Вільня: Наша Будучыня, 1999, с. 158-161 (аўтар тэксту У. А.); Брыгадзін П. І. *Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: вучэбны*

аб’ектыўна раскрылі тэму падзелаў. Да тэмы артыкула найбольш блізка падыйшоў з названых толькі Я. Анішчанка. Калі ў яго энцыклапедычных артыкулах (“Другі падзел Рэчы Паспалітай” і “Трэці падзел Рэчы Паспалітай”) і кнізе “Сторона неприкаянная: книга о утрате нашей вольности” увага засяроджана на механізме падзелаў і страце незалежнасці[1], дык у кнігах ніжэй названых ён наблізіўся да новага для сябе аспекта падзелаў. Так, у зборніку дакументаў “Восстание и война 1794 в литовской провинции” ён піша, што дакументы, якія знайшоў у РДАСА і РДВГА, напісаны па-руску і ВКЛ называецца “Литовской провинцией или провинцией ВКЛ, а жители обыватели – литвинами или литовцами”[2]. У 2003 г. у Анішчанка выйшла чарговая багатая факталогіей кніга – “Інкарпарацыя”, у якой была звернута ўвага на Літву пад намесніцтвам М. Рапніна: складзена Вярхоўнае літоўскае праўленне, заяўлена пра часовае дзеянне Статута ВКЛ, прынята прысяга жыхароў на вернасць Кацярыне II, праведзена першая падушная рэвізія, тэрыторыя ВКЛ падзелена на Віленскае і Слонімскае наместніцтвы[3].

Асобна хацеў бы адзначыць працу С. Куль-Сяльверставай “Палітыка. Культура. Асоба. Нарысы па гісторыі культуры Беларусі”, у якой ёсць раздзел “Ад каралеўскага горада да губернскага цэнтра на мяжы 18-19 ст.”. [4]Факусіруючы ўвагу на гісторыі Гродна, яна закранае значную частку фактаў па дзяржаўнасці ВКЛ 1794-95 гг.: Літоўскае вярхоўнае праўленне (С. Куль-Сяльверстава называе яго Галоўным праўленнем Літвы); прысяга на вернападданства Расійскай імперыі; знаходжанне польскага караля ў Гродне; мерапрыемствы па ўсталяванню мяжы з Прусіяй, развіццё пошты, мытнай службы, стварэнне губерній.

Польскія гісторыкі пісалі спецыяльныя кнігі, прысвечаныя падзелам Рэчы Паспалітай, але ў іх таксама большая ўвага надавалася самому

дапаможнік. Мінск, 2015, с. 88-89; Філатава А. *Тры падзелы Рэчы Паспалітай* [у:]*Крыжовы шлях*. Мн., 1993.

[1] Анішчанка Я. *Другі падзел Рэчы Паспалітай* [у:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.* Т. 3. Мн., 1996, с. 287, *Трэці падзел Рэчы Паспалітай* [у:] Тамсама, Т. 6. Мн., 2001, с. 534-535.

[2] *Восстание и война 1794 в литовской провинции*. М., 2000, с. 7; 16, 158.

[3] Анішчанка Я. *Інкарпарацыя. Літоўская правінцыя ў падзелах Рэчы Паспалітай*. Мінск, Хурсік, 2003.

[4] Куль-Сяльверстава С. *Ад каралеўскага горада да губернскага цэнтра: Гродна на мяжы 18-19* стст. [у:] *Палітыка. Культура. Асоба.Нарысы па гісторыі культуры Беларусі*, Гродна ЮрСаПрынт, 2012, с. 29-39

падзелу, войнам і паўстанню 1794 г., яго ўдзельнікам[1]. Ёсць толькі адзіная праца прысвечана праблемам нашага артыкула. Яе напісаў Л. Жытковіч і мы будзем спасылацца на яе[2].

Сам аўтар дадзенага артыкулу пісаў на тэму падзелаў Рэчы Паспалітай, гісторыі Гродна ў гэты час у кнізе “Горадня: аповяды з гісторыі горада (сярэдзіна 16 – канец 18 ст.)”, манаграфіі “Беларусь паміж Польшчай і Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё (1772-1863)” і інш.[3]. Як і папярэднія гісторыкі я *амаль* не закранаў праблему дадзенага артыкула і толькі цяпер, дзякуючы патрапіўшым у мае рукі дакументам, вырашыў напісаць пра мала вядомае, але актуальнае.

У прадстаўленым артыкуле я выкарыстоўваю тэрміны: “Вялікае княства Літоўскае” і “грамадзяне ВКЛ”, таму хачу адразу папярэдзіць чытачоў, што ўзяў іх з аналізаваных дакументаў даследуемага часу. Два дакумента з “Полного собрания законов Российской империи”: “О свободном обращении банковых ассигнаций в Великом Княжестве Литовском” ад 8.02.1795 (так, усе тры словы напісаны былі з вялікай літары); імянны Рапніну “О приведении в благоустройство церквей Римско-католического исповедания в Великом Княжестве Литовском” ад 6.09.1797. У прааналізаваных дакументах (аб’явах, маніфестах, указах), якія вышлі з канцылярыі Мікалая Рапніна за 1795 г. ад 23.03, 26.03, 30.03, 12.04., 10.06., 4.09, 14.10, а таксама за 1796 г. за 6.02. і 2.03. напісана “Великое Княжество Литовское”, а ў некаторых дакументах ёсць тэрмін “обыватели Великого Княжества Литовского”[4].

Другога лістапада 1794 г. у Гродна быў абвешчаны імянны ўказ, дадзены ліфляндскаму, эстляндскаму і літоўскаму генерал-губернатару князю Рапніну ад 30.10 (10.11).1794 г. Як гэта адбывалася піша ў сваёй кнізе М. Де-Пуле. У 9.00 пад выстрал гарматы на ратушнай плошчы сабралося расійскае войска, а ў доме генерал-маёра графа Палена – “все

---

[1] Cegelski T., Kadziela Z. *Rozbiory polskie. 1772-1793-1795 r.* Warszawa, 1990; Zielińska Z. *Ostatnie lata Pierwszej Rżeczypospolitej*. Warszawa, 1986.

[2] Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie w l 1794-7,* Wilno 1938.

[3] Швед В.В. *Горадня: аповяды з гісторыі горада (сярэдзіна 16 – канец 18 ст.)* В.В. Швед, А.П. Госцеў. Гродна, Пергамент, 1997; Госцеў А., Швед В. *Кронан. Летапіс горада над Нёманам (1116-1990).* Гродна, 1993; *У час паўстання 1794 г.* [у:] *Памяць. Гродна.* Мн., 1999, с. 138-140; *У складзе Расійскай імперыі*. Тамсама, с.143-145; Швед В.В. *Беларусь паміж Польшчай і Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё (1772-1863 гг.),* Гродна, 2001.

[4] *Полное собрание законов Российской империи* (далей ПСЗРИ). Собрание первое. Т. XXIII. 1789- 6 ноября 1796 г. СПб., 1830, с. 652, 763.

знатныя асобы", а незнатныя – у царкве. У 10.00 пасля наступнага стрэла гарматы усё чынавенства і знатныя асобы на чале з Паленам пайшлі ў дом генерал-губернатара (былы палац А. Тызенгаўза), а духавенства ў царкву. У палове 11 гадзіны генерал-губернатар разам с сабраўшыміся ў яго доме пайшоў у царкву пад трэці стрэл гарматы. Адсюль Рапнін выйшаў у езуіцкі кляштар, дзе чакалі яго каталіцкае духавенства, чыноўнікі, магістрат, купецтва, рамеснікі. Сустракаючыя генерал-губернатара пайшлі на імшу, а Рапнін вярнуўся ў царкву. Пасля абедні ён зноў прыйшоў у касцёл і там зачыталі маніфест пад 101 стрэл гармат. Затым епіскап правёў удзячны малебен за здароўе імператрыцы і зачытаў прысягу на вернападданства ёй і яе спадчыннікам, а ўсе паўтаралі за ім словы, а пазней падпісалі прысяжныя лісты. У 7 гадзін вечара знатнае духавенства і дваранства запрошана было на вячэру і бал у генерал- губернатара[1].

Што ж гаварылася пра дзяржаўнасць у Імянным указе, дадзеным Ліфляндскаму, Эстляндскаму і Літоўскаму генерал-губернатару Мікалаю Рапніну?

У пункце I сцвярджалася пра адміністрацыйнае ўладкаванне Вялікага княства Літоўскага: "Разделить Княжество Литовское на три части и назначить средоточие сих частей в Вильне, в Гродне и Ковне или Кейданах по удобности, приписав к Гродне, например, остатки Новоградского, Брест-Литовского и часть Троцкого воеводств, к Ковне все Жмудское Княжество и часть Трокского воеводства, а к Вильне Виленское воеводство, и потом учредить во всех сих трёх областях исполнительную власть под главным вашим руководством действовать имеющую, блюстителями коей будут корпусные войск Наших начальники, сообразно чему расположите войска им порученные в тех местах, где должны они соединять власть воинскую со властью исполнительною по части Правления, и предпишите им, чтоб введя свои корпусы в зимовые квартиры, приняли они в своё ведомство и защиту все, составляющие земские их части, поветы или округи и предпоруча каждую округу или повет в особливое попечение Бригадного или старшаго из тех полковых баталлионных командиров, коих командами та округа занята будет, истребовали бы от Дворянского, Городских и сельских обществ комиссаров, имея оных при генеральных квартирах, употребляли при расположении и выполнении всякого рода нарядов с земли, доколе

[1] Де-Пуле М. *Станислав-Август Понятовский и Літва в 1794 -1797 годах*. Издание 2-е. – СПб., 1871. с. 42-43; Милютин Д. М. *Гродна в 1794, 1795, 1796 годах.* Гродна, 1905, с. 6-8.

определятся от вас в города городничие, а в округи капитан-исправники, о которых ниже сего упомянуто будет…”[1].

У п. II абвяшчалася пра стварэнне ў Гродне Вярхоўнага Літоўскага Праўлення (далей ВЛП) з чатырох аддзяленняў (польскія даследчыкі называюць іх дэпартаментамі) пад старшынствам літоўскага генерал-губернатара М. Рапніна. У наступным III пункце апошняму даручалася прызначыць начальнікаў аддзелаў, экспедытараў і арганізаваць канцылярыю ВЛП. У п. IV тлумачылася сутнасць ВЛП – яно прыраўнівалася да губернскага праўлення, казённай і судовых палат. У двух наступных пунктах ∨ і VI апісваліся функцыі казённага і судовых аддзяленняў. В п. VII гаварылася: “Мы желаем, чтоб Верховное Правление облегчало жребий преступника благостию законоположений России от нас даных, истребя по всей Литве пытки и смертную казнь”[2]. У п. VIII апісваліся функцыі адзялення эканамічнага або дамаводства. Згодна п. IX складалася гарадская ўлада, а ў X тлумачылася, што зарплата чыноўнікам будзе выплочвацца з сум збіраемых падаткаў. У п. XI Рапніну загадвалася звярнуць увагу на выхаванне юнацтва ў Віленскай акадэміі і школах піяраў, на цэнзуру друкуемых кніг.

У п. XII быў змешчаны Маніфест “земскаго в Литве правления”. Над тэкстам яго М. Рапнін працаваў спачатку сам. У яго дакуменце было 9 пунктаў, а ў пецярбургскай рэдакцыі іх стала 12. У апошнюю ўвайшлі 3-7, 9 рапнінскія тэзісы ў рэдактарскай праўцы. У абвешчаным маніфесце гаварылася наступнае:

1. Пра міласць і прабачэнне.
2. Аб “дасканалай і нічым не абмежаванай вольнасці ў публічным адпраўленні веры”, аб зацверджанні праў валодання і бяспекі асобы.
3. Аб падзеле ВКЛ на тры часткі.
4. Тэкст прысягі на вернападданства. Прымаць яе толькі ад “наличных и усердных”.
5. Зварот да рыма-каталіцкага духавенства, каб яно падавала асабісты прыклад сваім вернікам.
6. Вольнасць гандлю, рамяства, промыслаў, заняцця сельскай гаспадаркай і будаўніцтвам.

[1] *ПСЗРИ*. Собрание первое. Т. XXIII, с. 573.
[2] *ПСЗРИ*. Собрание первое. Т. XXIII, с. 576.

7. Усе жыхары, незалежна ад пола, узроста і стана заклікаюцца да спакою пад “страхом законной строгости”.
8. Забараняецца атрымоўваць забароненую узбуджаючую літаратуру і перадаваць яе іншым. Патрабаванне даносіць пра яе расійскім уладам.
9. У расійскіх вайсках, размеркаваных у ВКЛ, захоўваць “строжайшую военную дисциплину”. За іх харчаванне разлічвацца з насельніцтвам “полною заплатою каждому”. Нагляд за гэтым ускласці ў кожным павеце на камісараў, якія будуць адказваць перад спецыяльнай камісіяй, створанай генерал-губернатарам.
10. Падаткі, збіраемыя ад землеўласнікаў, будуць збіраць не асобы, якія былі ў час паўстання, а новыя або тыя, хто займаўся гэтай справай да паўстання.
11. Аб узмацненні спакою па прыкладу беларускіх губерній (Мінскай, Ізяслаўскай, Браслаўскай).
12. Дадзены маніфест чытаць у манастырах і прыходах чатыры нядзелі, а таксама размясціць у належачых месцах, каб кожны мог азнаёміцца са зместам[1].

У п. XIII указа гаварылася пра вяртанне сяквестраваных паўстанцамі маёнткаў былым уладальнікам. Знойдзены хлеб, які на той момант належаў скарбу, загадвалася раздаць немаёмасным жыхарам і расійскаму войску.

Разглядзім падрабязней як выглядала арганізацыя Вялікага княства Літоўскага ў 1794-96 гг. паводле маніфеста і дакументаў, выходзячых у гэты час з-пад рукі Рапніна.

Вялікі князь літоўскі. Аб ім не гаварылася ў дакументах нічога. Асноўны ўспамін быў толькі пра караля польскага Станіслава Аўгуста Панятоўскага, які адначасова быў і вялікім князем літоўскім. Пасля заняцця А. Суворавым Варшавы ён павінен быў па прадпісанню Кацярыны II (узгодненым з прускім і аўстрыйскім дварамі) пераехаць у Гродна, дзе і жыў у Новым замку з 1 (12).01. 1795 па 15.02.1797 г. На ўтрыманне двара рускі ўрад выдаваў 7 705 чырвонцаў, і на “кішэнныя выдаткі” Станіслаў Аўгуст Панятоўскі атрымоўваў 3 295 чырвонцаў. Яшчэ па дарозе ў Гродна генерал-губернатар Літвы Рапнін даў сакрэтнае прадпісанне князю П.Д.

[1] Рубинштейн С.Ф. *Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет с 1652 по 1892 год.* Вильна, 1894. с. 159; Де-Пуле М. *Станислав-Август Понятовский и Літва..*, с. 39-41; *ПСЗРИ*. Т. XXIII. 1789-6 ноября 1796 г. СПб., 1830, с. 580-586.

Цыцыянаву як яго там утрымоўваць: абмежаваць у перапісцы і сачыць за карэспандэнцыяй; не дапускаць кантактаў з мясцовымі жыхарамі і гандлярамі; весці штодзённыя запісы каралеўскіх гасцей у палацы; сачыць за кантактамі світы караля з духоўнымі асобамі і ў корчмах; трымаць вайсковя каравулы заўсёды гатовымі да дзейнасці; па вуліцах наладзіць конныя раз'езды, якія будуць рабіць гэта кожны дзень у розных месцах і часе, каб злачынцы не маглі прыстасавацца да графіка вайскоўцаў.

У Гродна Станіслава Аўгуста Панятоўскага ўзялі пад апеку і кантроль знаёмы былога караля генерал-губернатар Літвы Рапнін, камісар (прыставў) граф генерал-маёр Ілья Безбародка, а таксама сакратар караля Фрысе. На ахову была вызначана рота і 30 канвойных драгунаў, з якіх 24 з афіцэрам былі змешчаны ў перадпакоях і павінны былі заўсёды ездзіць з каралём, а 6 заставацца пры двары. Вялікі князь літоўскі і кароль польскі не мог нікуды выехаць з Гродна – гэта было адзіным абмежаваннем, а жыццё яго двара адбывалася як у Варшаве: аўдыенцыі, прэзентацыі, цырыманіяльныя і прыватныя прыёмы, дворскія і прыяцельскія абеды і вячэры. Былы кароль напісаў у Гродне большую частку сваіх "Успамінаў", упарадкаваў сваю калекцыю нумізматыкі, медалёў і старажытных рэчаў. Доўга вывучаў нейкі старажытны камень, які быў знойдзены ў Ласосне над Нёманам. Калі дазваляла надвор'е, любіў пагуляць на замкавым дзядзінцы, а з 15.03.1795 стаў выязджаць за горад.

25.11.1795 г. Станіслаў Аўгуст Панятоўскі па загаду Кацярыны II падпісаў адрачэнне ад прастола. Гэта адбылося альбо ў Новым замку, альбо ў палацы Тызенгаўза, дзе жыў Рапнін (столік на якім падпісана адрачэнне магчыма знаходзіцца ў Літоўскім нацыянальным музеі). Яму паабяцалі аплаціць ягоныя даўгі і заапекавацца сёстрамі. 16.11.1796 кароль даведаўся пра смерць Кацярыны II. 6.11.1796. Новы імператар Павел I запрасіў караля ў Пецярбург, дзе ён і памёр[1].

Галоўную ролю ў кіраванні княствам Літоўскім даследуемага часу адыгрываў Рапнін Мікалай Васільевіч (1734 - 1801). Прывядзем невялікую біяграфічную даведку гэтай асобы. Літоўскі генерал-губернатар і глава

---

[1] Безбородко И.А. *Журнал пребывания его величества, короля польского, Станислава Августа в Гродне 1795-1796 годов, ведённый приставом при нём генерал-поручиком И.А. Безбородком.* М., 1870. 158 с.; Де Пуле. М. *Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794-1797 годах,* с. 12-27, 78-79, 85, 98-99, 180-181; Швед В.В. *Горадня: аповяды з гісторыі горада (сярэдзіна 16 – канец 18 ст.);* P.J. Bykowski. *Dwór królewski w Grodnie. Epizod biograficzny (1795-1797).* Warszawa, 1884. 152 s; Czarnowski R. J. *Grodno. Zapomniana stolica*. Warszawa, oficyna wydawnicza RYTM, 2015,. S. 49 - 62

Вярхоўнага літоўскага праўлення, князь быў сынам рускага генерала В.А. Рапніна і ўнукам генерал-фельдмаршала Анікіты Рапніна (любімца Пятра І), пляменнікам ўсемагутнага расійскага канцлера М. Паніна. Меў добрую адукацыю, ведаў дасканала французскую, італьянскую і нямецкую мовы. Быў дырэктарам сухапутнага даследчыцкага корпуса (1763), потым паўнамоцным міністрам у Польшчы, дзе дамогся (сумесна з К. Радзівіллам) дамовы аб свабодзе вераспавядання і грамадзянскіх праў для ўсіх дысідэнтаў (1767). Рапнін пастаянна баяўся прывіда рэвалюцыі, і спаць яму не давала дзейнасць тайных таварыстваў, хаця сам належаў да масонаў і ілюмінатаў, а таксама да філасоўска-рэлігійнай школы марціністаў. Удзельнічаў у руска-турэцкіх войнах (1770-1774, 1787-1791), быў Паўнамоцным пасланнікам у Турцыі, генерал-губернатарам у Смаленску і Оршы, пскоўскім генерал-губернатарам (1781). У 1794 быў пасланы на падаўленне паўстання ў Літве і Беларусі, атрымаў чын генерал-аншефа.

30.10. 1794 г. Рапнін быў прызначаны літоўскім генерал-губернатарам. Комплекс дакументаў (аб'вы, указы, маніфесты, універсалы), якія мы праглядзелі за 1795-97 гг., якія выйшлі з-пад рукі Рапніна, паказвае, што названы вышэй тытул сустракаецца ў дакументах з 1.01.1795 г. Вось, што чытаем у дакуменце ад 30.03/10.04.1795: "то по Высочайше возложенному на меня ЕЯ ИМПЕРАТАРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ Самодержицею Всероссійскою Нашею Всемилостивейшею Государынею начальству в Великом Княжестве Литовском..". У дакуменце з датай 18.04.1796 г. ужо з'яўляецца тытул Віленскі і Слонімскі генерал-губернатар, 10.11.1796 Рапнін у звароце да жыхароў Віленскай і Слонімскай губ. падпісываецца як літоўскі генерал-губернатар. Міхал Залескі, былы войскі ВКЛ, у сваім дзённіку піша, што пасля смерці Кацярыны ІІ, 17.09.1796 г., генерал-губернатар быў выкліканы ў Пецярбург[1].

Палітычным ідэалам Рапніна была Расія, створаная Кацярынай ІІ, "маральна – прасветленая і больш дабрабытная". І пад гэтую мерку ён падганяў край, якім стаў кіраваць. А яшчэ Рапніну дастаўся абавязак запяспечваць жыццё Станіслава Аўгуста Панятоўскага, калі ён жыў у Гродне пасля другога падзела Рэчы Паспалітай. Рапнін сцісла выконваў волю і загады Кацярыны ІІ адносна вялікага князя літоўскага і караля польскага, але стараўся іх злагодзіць і рабіць меньш цяжкімі. Польскі даследчык П. Быкоўскі піша: "…палітыканстваваў стары дыпламат, каб

[1] *Pamiętniki Michala Zaleskiego, wojskiego WKL, posla na sejm czteroletni*[w:] *Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryzu. Rok 1873-1878.* T. 2. Poznań, 1879, s. 137.

выйсці цэлым з гэтай двузначнай пазіцыі, сваю манархіню задаволіць і ў вачах Еўропы не выглядаць пераследавацелем падаючага парадка”. Фельдмаршал, камандзір літоўскай дывізіі і вайсковы губернатар Рыгі (8.12.1796). Пасля неўдалага пасольства ў Берліне і Вене (1798) быў звольнены са службы і пасяліўся ў Маскве[1] .

Паводле Гродзенскай канстытуцыі 1793 г. вышэйшая ўлада ў Рэчы Паспалітай належала Сейму, які меў толькі адну палату – Сенат, які складаўся з ваяводаў (10 каронных і 8 літоўскіх), каштэлянаў, міністраў (па 8 ад Кароны і Літвы), прымаса Кароны і Літвы, па 4 каронных і літоўскіх біскупаў, арцыбіскупа метрапаліта рускага Кароны і Літвы. Існавалі таксама сеймікі элекцыйныя (выбіралі паслоў на сейм, камісараў, земскіх суддзяў), дэпутацкія і гаспадарчыя[2]. А што гавораць дакументы трох наступных гадоў?

Не захопленая яшчэ афіцыйна ВКЛ была падзелена на тры часткі (ваяводства) з цэнтрамі ў Гродне, Вільні і Коўне. У кожнай была свая выканаўчая ўлада (адпаведна першымі адміністратарамі былі П. Цыцыянаў, Б. Кноррынг, С. Галіцын[3]), падпарадкаваная генерал-губернатару Рапніну – галаве ўрада (праўлення) ВКЛ. Ва ўніверсалах яго сустракаюцца словы “граніца” (мяжа), “пограні́чная стража” (“памежная ахова”). Напрыклад, у аб’яве ад 1/12.01.1795 г. гаворыцца аб дазволе вывазу за мяжу “сдешней земли продуктов”: ячменя, пшаніцы, ільнянога і канаплянага масла, сала, скураў, воску, быдла і д. п. З іншых жа тавараў трэба браць мытням і памежнай ахове мыта. У аб’яве ад 12/23.04 указвалася, што дазваляецца “ввозить в здешнюю область [ВКЛ - В.Ш.] и чужестранные табаки, с платежем за то положенных пошлин по тарифам”. Ва ўніверсале Рапніна ад 24.04/05.05.1795 г. гаворыцца пра стварэнне мытнай аховы з конных войск, якая павінна “охранять таможни и таможенныя заставы, делать разъезды по таможенной цепи для пресечения тайного провоза товаров и преподавать во всех случаях законное пособие и защиту”. У аб’яве І. Фрызеля ад 19.02.1796 г. гаварылася, што ад казённага аддзялення ВЛП “отдаётся в подряд построение разных по границе Литвы Таможенных строений... ”.

---

[1] Де-Пуле М. *Станислав-Август Понятовский и Літва..,* с. 25-27; P.J. Bykowski. Dwór królewski w Grodnie. Epizod biograficzny (1795-1797).; Брандыс М. *Исторические повести.* М., 1975, с. 43, 71.

[2] *Organizacja państwa polskiego według ustaw Sejmu Grodzieńskiego z roku 1793* / St. Choliński , Warszawa 1918, s. 15-19.

[3] Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie w l. 1794-7*, s. 89, 91, 92.

У Гродне было створана Вярхоўнае Літоўскае Праўленне, якое мела ўладу і правы губернскага праўлення і судовых палат (грамадзянскай і крымінальнай)[1]. Чальцамі Праўлення сталі старшыня Рапнін, губернатар (М. Панін), віцэ-губернатар (верагодна, гэтая пасада не адбылася) і начальнікі аддзяленняў (дэпартаментаў), дзеючыя адпаведна пастанове аб губернях. Старшыня прызначаў у гарады гараднічых і мог прысвайваць ім чын 8 класа, а ў акругі – капітан-спраўнікаў, сакратароў, казначэяў, канцылярскіх і іншых чыноўнікаў з правам прысваення ім чына да тытулярнага дарадцы. Паседжанні ВЛП спачатку адбываліся штодзённа, але 12/23.11.1795 Рапнін загадаў праводзіць іх толькі ў аўторкі і пятніцу, каб не абцяжарваць занятых начальнікаў дэпартаментаў[2].

ВЛП складалася з 4 аддзяленняў:

1. Казённае/Скарбавае адпавядала губернскай скарбовай палаце і заведвала даходамі, якія ў часы Рэчы Паспалітай паступалі з дзяржаўных і каралеўскіх (сталовых) зямель, а таксама з усёй іншай маёмасці, адышоўшай да дзяржавы або караля (памерлых арэндатараў маёнткаў, манастыроў, езуіцкіх кляштараў, землі паўстанцаў). Заведваў дэпартаментам палкоўнік Іван/Ян Фрысель (пасля ліквідацыі ВЛП стане дырэктарам пошт у Літве).
2. Эканамічнае /Дамаводства/ павінен быў прыняць у сваё кіраванне маёнткі, якія засталіся без гаспадароў ці секвестраваныя і канфіскаваныя ў паўстанцаў, узяць пад апеку мануфактуры і іншыя прадпрыемствы, эканоміі, землі – усё, што “для казны полезным найдётся”. Заведваў дэпартаментам прэм’ер-маёр Пётр Літке, а затым падпалкоўнік Пракоп Багмеўскі (ад’ютант Рапніна, у 1806-08 віленскі грамадзянскі губернатар). Працавалі чыноўнікі дэпартамента ў былым езуіцкім кляштары.

3–4. Крымінальнае і грамадзянскае/цывільнае/ адпавядалі губернскім судовым палатам. Першапачаткова абодва дэпартаменты павінны былі быць пасярэднікамі паміж Літоўскім трыбуналам і Сенатам у Пецярбургу, але трыбунал не быў адроджаны. Таму дэпартаменты сталі прымаць апеляцыі ад гродскіх, земскіх і гарадскіх судоў (ратушы, магістраты). Працавалі усе суды па расійскіх законах. Крымінальны дэпартамент узначаліў брыгадзір Іван Русанаў (былы

[1] У гэты час у Расійскай імперыі адбывалася губернская рэформа, і на землях Беларусі праходзіў па сутнасці эксперымент.
[2] Рубинштейн С.Ф. *Хронологический указатель..,* с. 160; Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie..*, s. 94.

члец Смаленскай следчай камісіі над паўстанцамі 1794 г.), а грамадзянскі – надворны дарадца Мікалай Волкаў (пасля ліквідацыі ВЛП стане віцэ-губернатарам Слонімскім, а затым Літоўскім)[1].

Сакратаром ВЛП быў Антоні Манькоўскі, былы веліжскі сакратар павятовага суда і перакладчык Смаленскай следчай камісіі. Скарбнікам ВЛП стаў маёр Ахтырскага палка Дворнікаў. Канцылярыя павінна была складацца з 48 чал., а агульная па ўсім дэпартаментам – 202. Вядомыя даследчыку Жытковічу прозвішчы чыноўнікаў скарбовага і эканамічнага дэпартаментаў падцвярджалі іх польскае паходжанне. На яго погляд адбылося такое па прычыне не ведання расіянамі польскай мовы. ВЛП кантактавала з грамадскасцю менавіта на ёй. Захаваныя пратаколы паседжанняў названых дэпартаментаў таксама падцвярджаюць гэтую выснову[2]. Даследчык Я. Анішчанка на аснове дакументаў РДАСА піша, што ў ВЛП толькі 18 чалавек ведала польскую і нямецкую мовы і з гэтай прычыны было загружана справамі[3]

У кожны дэпартамент ваяводства (3 часткі ВКЛ) выбралі на сейміках у студзені 1795 (ці ўсё ж прызначылі?) па 1 экспедытару, якія атрымалі чын 11 класа падобна губернскім радцам. У іх задачу ўваходзіла вырашаць справы ў дэпартаментах і падрыхтоўваць іх на паседжанні ВЛП, у якіх самі яны не ўдзельнічалі. У экспедытары ў асноўным патрапілі “давераныя, верныя, шчырыя” мясцовыя абываацелі, але апынуліся сярод іх і былыя супрацоўнікі Літоўскай скарбавай камісіі і Скарбавага аддзела Цэнтральнай дэпутацыі ВКЛ (напрыклад, Валенты Пжэсмыцкі, Ян Людвік Бецу, Зянон Махвіц)[4].

Ганаровае адкрыццё ВЛП адбылося ў чарговую гадавіну ўзыйсця Кацярыны II на расійскі прастол – 28.06/09.07.1795 г. Але паседжанні некаторых дэпартаментаў пачаліся раней: скарбовага – 9/20. 04, эканамічнага – 16/27.04. Агульныя паседжанні ВЛП, магчыма, пачаліся ў ліпені 1795, калі пачалі дзейнічаць і два судовыя дэпартаменты. Адбываліся яны ў былым палацы А. Тызенгаўза, цяпер стаўшым рэзідэнцыяй Рапніна, а ў будучым – гродзенскіх губернатараў. Скончыла сваю дзейнасць ВЛП у снежні 1795, калі з’явіўся на імя Рапніна указ

[1] Рубинштейн С.Ф. *Хронологический указатель..*, с. 159-161, 163; Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie..*, s. 93-96, 100.

[2] Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie..*, s. 98; Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей НГАБ) у Гродне, ф. 1219, с. 785, 786, 955, 956, 960, 961.

[3] Анішчанка Я. *Інкарпарацыя...,* с. 380.

[4] Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie..*, s. 95-96.

Кацярыны II ад 14/25.12.1795, дзе гаварылася аб далучэнні усёй часткі ВКЛ да Расійскай імперыі. Эканамічны дэпартамент ВПЛ працаваў як мінімум да 12/23.11.1796 г., пра што гаворыць пратакол паседжання[1].

Улада ВЛП распаўсюджвалася спачатку на 17 паветаў, а ў 1796 дабавіліся яшчэ 2 (Кобрынскі і Пружанскі) і ў Гродзенскі далучылі частку Падляшша з Беластокам, Харошчай і Васількавым. Паводле Гродзенскай канстытуцыі 1793 г. мясцовую ўладу прадстаўлялі парадкавыя камісіі, выбіраемыя на 4 гады, і маючыя наступныя функцыі: эканамічную і судовую ў паветах і гарадах[2]. Згодна 1 параграфа ўказа Кацярыны ад 30.10/11.11.1794 г. парадкавыя камісіі ліквідоўваліся і іх справы прымалі афіцэры расійскай арміі (ад паручнікаў да секунд- і прым'ер-маёраў). У паветах гэта былі капітан-спраўнікі, якім давалі ў дапамогу 2 служачых былой камісіі (канешне, не камісараў) і яны згодна Палажэння аб губернях 1775 г. займаліся грамадскай бяспекай, супрацьпажарнай аховай, вызначэннем кватэр для войска. Над капітанам-спраўнікам стаяў начальнік павета, які меў высшы афіцэрскі чын. Напрыклад, у Гродзенскім пав. начальнікам быў Павел Цыцыянаў, а капітан-спраўнікам – Мікалай Троцкі. У гарадах пералічаныя вышэй функцыі выконвалі гараднічыя. У Коўне, Гродне, Вільні была арганізавана паліцыя, якая складалася ў першых 2 гарадах з 5 акруговых дазорцаў і іх 5 памошнікаў, а ў Вільні – у два разы больш[3].

З невялікімі змяненнямі захавалася судовая сістэма ВКЛ. Прыгаворы выносіліся ад імя расійскай імператрыцы і ў судах павінна быць так, як было да Канстытуцыі 3 мая (па Статуту ВКЛ). У гарадах аднавілі дзейнасць войтаўска-лаўнічага суда і бурмістра, затым пачаў працаваць земскі суд, які часова выконваў і функцыі межавых судоў. Падкаморскі суд быў адноўлены рашэннем ВЛП ад 30.10.1795 г. Суддзі ва ўсіх судах павінны былі быць тыя, якіх выбралі перад паўстаннем 1794 г., або выбраныя новыя. Літоўскі трыбунал пачаў працу толькі ў 1797 г. і ператварыўся ва ўстанову падобную на тыя, якія былі ў кожнай расійскай губерні – вышэйшы земскі суд (суд II інстанцыі). Апеляцыі спачатку траплялі з судоў сюды, а затым

---

[1] Ibidem, s. 99-100; НГАБ у Гродне, ф. 1219, с. 790.
[2] *Organizacja państwa polskiego*.., с. 36-38.
[3] Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie*.., s. 100-102.

маглі ісці ў адпаведны дэпартамент ВЛП, а адтуль у III дэпартамент Сенату[1].

Важнай справай дзяржаўнага значэння было правядзенне перапісу на тэрыторыі ВКЛ, таму што “Из многих прошедших лет опытов, обыватели великого Княжества Литовского должны быть удостоверены, что учиненныя об них переписи, либо не соответствовали прямому предмету их употребления, или не были достаточны или же не содержали в себе потребной верности и точности”. Рапнін прызначыў 14 кастрычніка 1795 г. адзіным днём правядзення перапісу і ўніверсал апісваў яго працэдуру. Але толькі ў канцы ліпеня была скончана ўся праца і агульная справаздача выслана ў Сенат[2].

Можна цалкам пагадзіцца з Л. Жытковічам, што Вярхоўнае літоўскае праўленне было пераходнай установай на шляху ад самастойнага ВКЛ да залежнай часткі Расійскай імперыі, штучным утварэннем на шляху ўніфікацыі органаў кіравання. Думаю, што амаль 19 месячнае існаванне ВКЛ і яго ВЛП падрыхтавала плаўны пераход да губернскай структуры праўлення на захопленых пасля трэцяга падзела беларускіх землях. Гэтаму дапамаглі і польскія чыноўнікі ВЛП, якія ведалі мясцовую сітуацыю і спрыялі змягчэнню сацыяльных канфліктаў. Нездарма ж Павел I па прадстаўленні Рапніна даў Фрыселю, Багмеўскаму, Волкаву і Літке па 250 душ у гродзенскай эканоміі[3].

Падсумаванне. У 1794 -1795 гг. існавала Вялікае княства Літоўскае і яго грамадзяне – ліцвіны. Сталіцай дзяржавы быў горад Гродна, дзе было створана Вярхоўнае літоўскае праўленне (падобнае расійскім губернскім палатам), якое складалася з чатырох аддзелаў: казённага, эканамічнага і дзвух судовых (крымінальнага і грамадзянскага) і працавала ў былым палацы А. Тызенгаўза. Тэрыторыя ВКЛ складалася зпачатку з 17, а затым з 19 паветаў, якія ўваходзілі ў тры часткі (ваяводствы) – Гродзенскую, Віленскую і Ковенскую. Меліся межы, афіцыйна усталяваныя, з мытнямі і памежнай аховай. Кіраўніком ВКЛ быў з тытулам “літоўскі генерал-губернатар” Мікалай Рапнін, хаця ў гэты час у Гродне знаходзіўся вялікі князь літоўскі Станіслаў Аўгуст Панятоўскі. Адбыўся і дзяржаўны перапіс насельніцтва ВКЛ.

[1]Żytkowicz L. Rządy Repnina na Litwie.., s. 103-106, 112. III дэпартамент Сенату займаўся справамі тых губерняў, якія мелі асаблівасці ў сваім уладкаванні (Блинов. Губернатары. – СПб., 1905, с. 226).

[2] Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie..,* s. 169, 170.

[3] Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie*.., s. 114-115.

Бібліяграфія

Архіўныя крыніцы.

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне, ф. 1219.

Літаратура

Анішчанка Я. *Другі падзел Рэчы Паспалітай* [у:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.* Т. 3. Мн., 1996, с. 287.

Анішчанка Я. Інкарпарацыя. Літоўская правінцыя ў падзелах Рэчы Паспалітай. Мінск: Хурсік, 2003.

Анішчанка Я. *Трэці падзел Рэчы Паспалітай* [у:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі.* Т. 6. Мн., 2001, с. 534-535.

Арлоў У., Сагановіч Г. *Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862 - 1918): Падзеі. Даты.Ілюстрацыі*. Вільня: Наша Будучыня, 1999.

Брандыс М. *Исторические повести*. М., 1975.

Брыгадзін П. І. *Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: вучэбны дапаможнік.* Мінск, 2015

Госцеў А., Швед В. *Кронан. Летапіс горада над Нёманам (1116-1990).* – Гродна, 1993.

Де-Пуле М. *Станислав-Август Понятовский и Літва в 1794 -1797 годах.* Издание 2-е. СПб., 1871. с. 42-43.

Куль-Сяльверстава С. *Ад каралеўскага горада да губернскага цэнтра: Гродна на мяжы 18-19* стст. [у:] *Палітыка. Культура. Асоба.Нарысы па гісторыі культуры Беларусі*, Гродна ЮрСаПрынт, 2012, с. 29-39

Милютин Д. М. *Гродна в 1794, 1795, 1796 годах*. Гродна, 1905.

Рубинштейн С.Ф. *Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет с 1652 по 1892 год.* Вильна, 1894.

Філатава А. *Тры падзелы Рэчы Паспалітай* [у:]*Крыжовы шлях*. Мн., 1993.

Швед В.В. *Горадня: аповяды з гісторыі горада (сярэдзіна 16 – канец 18 ст.*) / В.В. Швед, А.П. Госцеў. Гродна, Пергамент, 1997.

Швед В.В. *Беларусь паміж Польшчай і Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё (1772-1863 гг.),* Гродна, 2001.

Швед В.В. *У час паўстання 1794 г.* [у:] *Памяць. Гродна.* Мн., 1999, с. 138-140.

Швед В.В. *У складзе Расійскай імперыі*. [у:] *Памяць. Гродна.* Мн., 1999, , с.143-145

Bykowski P.J. *Dwór królewski w Grodnie. Epizod biograficzny (1795-1797).* Warszawa, 1884.

Czarnowski R. J. Grodno. *Zapomniana stolica.* Warszawa: oficyna wydawnicza RYTM, 2015.

Organizacja państwa polskiego według ustaw Sejmu Grodzieńskiego z roku 1793 / St. Choliński , Warszawa 1918.

Żytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie w l. 1794-7*, Wilno 1938.

Апублікаваныя крыніцы

Безбородко И.А. *Журнал пребывания его величества, короля польского, Станислава Августа в Гродне 1795-1796 годов, ведённый приставом при нём генерал-поручиком И.А. Безбородком*. М., 1870.

Восстание и война 1794 в литовской провинции. М., 2000

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIII. 1789- 6 ноября 1796 г. – СПб., 1830.

Pamiętniki Michala Zaleskiego, wojskiego WKL, posla na sejm czteroletni[w:] *Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryzu.* Rok 1873-1878. T. 2. – Poznań, 1879.

А.Л. Киштымов[1]

Язва плагиата: диагноз, болезнь и лекарства[2]

A.Kishtymau

Ulcer of plagiarism: diagnosis, disease, medicines

Ключевые слова: белорусская историческая наука, автор, плагиат.
Key words: Belarusian historical science, author, plagiarism

Резюме: В статье дается анализ методов и способов нарушения авторского права, приводятся конкретные случаи плагиата, имевшие место в белорусской исторической науке последних десятилетий.

[1] НАН Беларуси, кандидат исторических наук
[2] Статья написана на основе доклада на Международной научной конференции “Автор и авторское право”, Беларуская Акадэмія, 8 декабря 2021 г.

Abstract: The article analyzes the methods and ways of copyright infringement, provides specific cases of plagiarism that have taken place in the Belarusian historical science of recent decades.

Вспоминается диалог почти 35-летней давности с Владимиром Николаевичем Михнюком. Дело в том, что в газете «Знамя юности» был перепечатан мой текст из сборника «Диалог с молодежью: (100 вопросов - 100 ответов)» (Минск, 1986). Под другой фамилией. Я спрашиваю у доктора исторических наук: «Зачем это понадобилось другому доктору?» Его ответ был примерно такой: «Гордись, воруют только то, что представляет какую-нибудь ценность. А, если у младшего научного сотрудника украл доктор – гордись вдвойне.»

Я все-таки в газету сходил, поговорил с редактором, а им в это время был Александр Класковский, и через некоторое время там напечатали пояснение, мол, спасибо внимательному читателю, полное совпадение текстов, но это техническая ошибка, в наборе куда-то кавычки исчезли. Но, как там чужая «авторская» фамилия оказалась – объяснения не было.

Времена были перестроечные и постперестроечные: новые темы, новые факты, новые имена. Кто-то действительно самостоятельно пахал историческую целину. Но вот урожай на ней стали собирать все, кому не лень. На поле битвы за национальную белорусскую историографию нестройной толпой потянулись мародеры. И я уже не удивлялся, когда под чужими фамилиями обнаруживал найденные и опубликованные мной сюжеты из биографий, например, опальных президентов белорусской академии, таких, как Всеволод Игнатовский или Антон Жебрак.[1]

Затем наступила эра интернета. Наверное, не ошибусь, если скажу, что его появление в медиа-пространстве дало мощный толчок развитию плагиата, да и вообще эрзац-науки под видом исторических исследований (весьма часто авторы именуют их «историческими расследованиями»). Нисколько не умаляя значения новых информационных технологий, отметим их теневую сторону.

Интернет создает иллюзию вседозволенности. Пишу, что хочу. И, безнаказанности: называю себя сам, и называю, как хочу - ловите, если сможете. Про вольности интернета в белорусском виртуальном

[1] Кіштымаў А. *Пра гісторыю, генетыку і журналісцкую этыку* … [у:] *Літаратура і мастацтва*, 1994, 17 червеня.

историческом пространстве мне уже приходилось, и выступать, и писать.[1] С тех пор ситуация не изменилась, а проделала эволюцию от экспромта до устойчивого явления.

Не будет преувеличением утверждение, что выросло целое поколение историков, для которых знакомство с историографией, а часто и с архивными материалами, ограничивается просторами интернета.

Понимаю, что интернет и история, в нашем случае – интернет и белорусская история, это – отдельная тема, поэтому оставим ее пока в стороне. А может, вернемся к ней на специальной конференции. Продолжим разговор о плагиате.

Искушение плагиатом. Бывает и так, что чужое настолько кажется своим, что автор, прощу прощения – плагиатор, только спустя некоторое время понимает: «Ой, ведь вот это – не моё». Назовем это лёгким случаем плагиата. Чаще всего так заимствуется не чужой текст, а чужой сюжет. Либо факт или историческая персона, впервые введенные в научный оборот коллегой.

Нередко этот лёгкий случай плагиата утяжеляется замечанием типа: «Нами впервые было установлено…», и так далее. Понятно, что всем нам хочется открыть что-то новое, на этом, собственно говоря, и базируется научное познание. Но открытие, сделанное для себя, пусть даже и впервые, далеко не всегда означает, что вы первооткрыватель и обладаете здесь приоритетом.

Так что, ступая на незнакомый вам исторический берег, внимательно посмотрите – может на нем уже побывал другой путешественник. Элементарный пример из этой области: Прежде чем заявлять о найденном вами архивном документе, поглядите на лист использования. Совсем не исключено, что там обнаружится фамилия другого белорусского исследователя.

Впрочем, крадут не просто темы, сюжеты или факты. Была у меня, например, довольно объемная, статья «Экономический потенциал Полесья в начале XX века»[2]. Главное в ней – о решающей роли железных дорог в формировании этого потенциала. Хорошая, наверное, статья. Не прошло и

---

[1] Киштымов А.Л. *Свои и чужие: белорусская историческая интернет-версия* [в:]*Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації. Матеріали міжнародної наукової конференції*. Київ, 15-16 грудня 2005 року. Київ, 2008, с. 103-113.
[2] Киштымов А.Л. *Экономический потенциал Полесья в начале XX века»* [в:] *Загароддзе-3: Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі «Палессе ў XX стагоддзі», 1-4 чэрвеня 2000 г.*, Беласток. – Мінск, Тэхналогія, 2001, с. 114-120.

четырех лет, как ее железнодорожный сюжет целиком озвучили на международной научной конференции и напечатали в Гомеле. Только фамилия там уже не моя[1].

Крадут и целые статьи. Немного текстовой «косметики», несколько новых ссылок, и очередной вклад в науку готов. В Беларуси их, правда, публиковать рискуют не всегда. А вот за рубежом, особенно на бескрайних российских просторах - запросто.

Сравним: 1997 г., моё «Памятники гидростроительства Беларуси как объект музеефикации»[2]; 2008 г., чужое «Аўгустоўскі, Агінскі і Днепра-Бугскі каналы як гідратэхнічныя і гістарычныя помнікі Беларусі»[3]. 1997 г., моё «Благотворительная деятельность графини И.И. Паскевич-Эриванской, светлейшей княгини Варшавской»[4]; 2010 г., чужое «Княгиня Ирина Ивановна Паскевич – меценат, просветительница, христианка»[5]. 2004 г., моё «Белорусские усадьбы на страницах «Кратких справочных сведений о некоторых русских хозяйствах»[6]; 2013 г., чужое «Передовые помещичьи хозяйства Беларуси в свете «Кратких сведений» начала XX в.».[7]

---

[1] Жихарев С.Б. *Полесские железные дороги и их влияние на социокультурный ландшафт региона в конце XIX-начале XX вв.* [в:] *Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі* (Гомель, 20-21 мая 2004 г.): У 2-х ч.ч. Ч 1./ Гал. рэдактар А.А.Станкевіч. - Гомель: УА «ГДУ імя Ф.Скарыны», 2004, с.96-99.

[2] Киштымов А.Л. *Памятники гидростроительства Беларуси как объект музеефикации*. [в:] *Заслаўскія чытанні*. 1995. Заслаўе, 1997, с. 13-15.

[3] Кахновіч В.А. *Аўгустоўскі, Агінскі і Днепра-Бугскі каналы як гідратэхнічныя і гістарычныя помнікі Беларусі* [w:] *Kanał Augustowski i współczesna ekoturystyka. (Августовский канал и современный экотуризм): praca zb*. / Akad. Humanist. im. Aleksandra Gieysztora w Pułtusku; red. nauk. W. Lenart i A. Zelenkov. – Pułtusk – Mińsk – Grodno, 2008, s. 211–224.

[4] Киштымов А.Л. *Благотворительная деятельность графини И.И. Паскевич-Эриванской, светлейшей княгини Варшавской.* [в:] *Н.П. Румянцев на белорусской земле.* Минск, 1997? с. 61-67.

[5] Кохнович В.А. *Княгиня Ирина Ивановна Паскевич – меценат, просветительница, христианка* [в:] *Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч.* / отв. ред., сост. А. М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010, Ч. II, с. 60-65.

[6] Киштымов А.Л. *Белорусские усадьбы на страницах «Кратких справочных сведений о некоторых русских хозяйствах»* [в:] Сядзібы і паркі Гродзеншчыны. Вып. II. , Гродна, 2004,с. 59-68.

[7] Кохнович В.А. *Передовые помещичьи хозяйства Беларуси в свете «Кратких – сведений» начала XX в*. [в:] *Веснік Беларускага дзярж. ун–та.* Серыя 3, 2013,№ 3, с. 15–19.

Со временем у меня сложился даже своеобразный рейтинг – как и когда я чаще всего был жертвой плагиата. По персоналиям, о которых я писал, – это Антон Стульгинский, директор Добрушской писчебумажной фабрики; Болеслав Яловецкий – инженер-железнодорожник и предпринимательская династия Скирмунтов. По событиям – особой популярностью плагиатчиков пользуются сюжеты про первый пароход, первый телефон, первый банк. Упомянуть, что прочитали об этом у меня, стыдливо забывают. Естественно, этим списком перечень не исчерпан, крали и по-мелкому, и по-крупному.

Есть и случай воровства, которым я больше всего горжусь. Не подумайте ничего плохого, горжусь не как воришка, а как жертва. Довольно популярной в Беларуси медиа-персоной является Ярослав Романчук. Так вот. Основал он «Научно-исследовательский центр Мизеса» с соответствующим сайтом. 2006 год. И объявил конкурс на лучшую работу о рыночных отношениях в Беларуси. Даже какие-то там премии пообещал. Послал я на этот конкурс статью «Капитализм и Беларусь? Это мы уже проходили!». А, в ответ – тишина. Был ли конкурс, не было ли конкурса – не знаю. Но я в нем явно победил, хотя и очень странным образом: организатор конкурса просто «приватизировал» мой текст и поместил его у себя на сайте, и под своей фамилией. Вот такой рейдерский захват чужого актива, образец современного капитализма по-белорусски. И эти люди хотят порулить экономикой Беларуси?!

Обнаружил я это дело случайно, несколько лет назад. Рассказал, как о курьёзе, некоторым своим знакомым. Эффект, правда, частичный, был. Фамилия Романчука, как автора, исчезла. Но и обозначения моего авторства не появилось. И это – про текст, где в списке литературы – 20 работ, все без исключения – мои[1].

Прошу прощения, что привожу примеры из собственной практики. Просто уверен, что коллеги аналогичное испытали и на себе, и список таких примеров можно увеличить до бесконечности.

Родная сестра плагиата – компиляция. Они неразлучны. Обнаруживаешь плагиат – с полной уверенностью можно говорить о компилятивном характере работы. Понимаешь, что перед тобой «сборная историческая конструкция» - ищи неизбежный в такой ситуации плагиат.

Но, плагиат и компиляция – это только две стороны исторического «Бермудского треугольника». Его третьей стороной и основанием является

[1] https://liberty-belarus.info/o-kapitalizme/kapitalizm-dlya-lyuboznatelnykh/item/652-kapitalizm-i-belarus-eto-my-uzhe-prokhodili

фальсификация истории. При этом плагиат и компиляция является главным инструментарием фальсификации. Собственно говоря, они открывают те шлюзы, после которых в исторических интерпретациях все позволено.

По степени вовлеченности в плагиатно-компилятивные дела в Беларуси, есть две знаковые персоны: Анатолий Тарас и Эммануил Иоффе. По титулам они - полная противоположность. Первый – самодеятельный историк, без опыта пребывания в официальных исторических учреждениях (за исключением студенческой скамьи истфака БГУ). Второй – профессор, доктор исторических наук, ветеран исторического вузовского образования, типичный представитель официального белорусского исторического бомонда. Но, есть у них и нечто общее – безумное количество публикаций на самые разнообразные исторические темы и весьма беззастенчивое заимствование, в самых разнообразных формах, чужих работ на анонимной основе.

Особая категория – краеведы. Здесь понятие не то, чтобы исторической этики, но и даже элементарной вежливости, часто отсутствует вообще. Но они и самые безобидные. Максимальная планка – публикация в местной районной или областной газете. Соответственно – это и их максимальная аудитория. Однако, интернет и здесь открыл им поистине безграничные информационные возможности.

Подводя предварительный итог, отметим следующее. Болезнь – есть, лекарства пока нет. Более того, часто начинает звучать такой тезис: «Ну, что вы, «чистые» историки, ко всем цепляетесь? Кто вас читает? Какие у вас тиражи? А это – не плагиаторы. Это - люди, которые нам все объяснили, открыли глаза на историю Беларуси. И вы им просто завидуете».

Звучит и такое: «Они пишут историю для народа, а вы заняты своим историческим междусобойчиком.»

Раз уж я начал, буквально с заголовка, пользоваться медицинской терминологией, то это означает примерно следующее: «Ну, что вы цепляетесь? Кого собираетесь лечить? Дайте нам спокойно умереть. Нам – и так хорошо.»

Вам – хорошо. Но вот исторической науке – не очень.

Нельзя сказать, что весь этот негатив не замечен, и что его обсуждение и осуждение не выходит за рамки приватных разговоров профессиональных историков.

Заметный резонанс в своё время вызвала статья Г. Сагановича «Мода на плагіят?»[1]. «Як будзе адстойваць сваю рэпутацыю беларуская гуманітарыстыка - пакажа час», - заключает автор. Однако, и спустя десятилетие, ответа так и нет.

Было и еще несколько знаковых публикаций, из которых отмечу размещенную в 2014 г. в интернете статью Виктора Дубеня «Как белорусской науке нанесли удар в спину»[2].

Сегодня я настроен весьма пессимистически. Пока в белорусском историческом сообществе не сложится понимание корпоративной солидарности, язва плагиата неизлечима. Слишком многое видится через призму взаимных симпатий и антипатий. Из последних белорусских историй такого рода – история о двух монографиях про Станислава Богуш-Сестранцевича.

У плагиата есть настоящее. У борьбы с ним должно быть будущее. Что можно и нужно делать?

Помнить, что искушение плагиатом начинается с вузовской, а то еще и со школьной, скамьи (фальшивые курсовые, дипломы, конкурсы школьных работ, которые превращаются в конкурсы учителей-историков).

Использовать институт рецензирования, который призван быть барьером на пути эрзац-истории, но часто бывает лишь дырявой сетью для ловли мелкой рыбешки.

Повышение качества экспертной работы на всех уровнях, вплоть до ВАКа. Но как аттестовать самих экспертов?

И не будем забывать, что эта проблема – не только наша.

Да, у нас нет такой мощной организации, как российское Вольное сетевое сообщество «Диссернет». В наших сегодняшних условиях я даже не могу себе представить существование аналогичного сообщества в Беларуси. Но методика разработана, она доступна и ждет своего часа для применения на белорусской ученой ниве.

Да, в Украине еще 10 лет назад под заголовком «SOS. Украинский плагиат» (авторы С.Л. Синицына, Е.С. Семенкин) буквально по пунктам было предложена методика борьбы с ним:

«Чтобы спасти реальность, не дать науке умереть, вполне логичны и возможны следующие действия на основе тщательной, действительно профессиональной экспертизы научно-исследовательских работ:

---

[1] Сагановіч Г. _Мода на плагіят?_ [у:] *Беларускі Гістарычны Агляд* (Том 16 Сшытак 1 (30) Чэрвень 2009), с. 239-256.

[2] https://gazetaby.media/post/kak-belorusskoj-nauke-nanesli-udar-v-spinu/73267/

Публично называть имена плагиаторов и тех, кто поддержал тексты с плагиатом. Публиковать их имена в официальных изданиях, существующих при всех государственных и межгосударственных институтах и организациях, так или иначе занимающихся проблемами интеллектуальной собственности в сфере науки.

Лишать плагиаторов не только всех научных степеней, званий, но и права заниматься научной и преподавательской видами деятельностями.

На сайтах библиотек, на страницах журналов, разместивших плагиаты, публиковать объявление с объяснением произошедшего и указанием виновных лиц («авторов», редакторов, рецензентов, консультантов) и библиографической ссылкой на подлинную работу (подлинные работы), дополненной ссылкой на соответствующий ей интернет-сайт. Приносить извинения читателям за допущенные ошибки.

В очередных печатных номерах научных журналов, допустивших публикацию плагиатов, публиковать аналогичное объявление с теми же ссылками и с теми же извинениями читателям.

Проводить гласное публичное расследование, не получили ли авторы плагиата дополнительных выгод от этих публикаций, а именно: не защитил ли кто-нибудь из них диссертации с использованием плагиатов статей или монографий, выяснять, не получал ли кто-нибудь из них грантов, премий, должностей или других выгод, обосновывая свою квалификацию в том числе и наличием этих работ.

Обсуждать факт плагиата на советах вузов с разъяснениями, особенно для молодых ученых, этических и правовых норм в науке и ответственности за их нарушение.

Только подобного рода меры со стороны официальных институтов, а также жесткая и последовательная позиция научного сообщества в отношении плагиатора (публичный бойкот и отчуждение от профессионального дискурса) способны прервать патогенный поток символического обмена симулякрами и избежать смерти науки»[1].

Но сама украинская историческая наука пока далека от реализации этих правил. Что подтверждает развернутая сейчас дискуссия по поводу фальсификаций и плагиата в исследованиях по Голодомору.

В этом контексте заслуживает внимания малоизвестный у нас документ под названием «Стандарты профессионального поведения» («Statement on Standards of Pro-fessional Conduct (updated 2017)»)[2], принятый

---

[1] https://trv-science.ru/2011/03/sos-ukrainskij-plagiat/

[2] В русском переводе см.: http://gefter.ru/archive/9373

Американской исторической ассоциацией в 1987 году, переработанный в 2005 г., с поправками 2017 г.

Процитирую ту его часть, где говорится о плагиате:

«Существует множество видов плагиата. Самый бесспорный случай - использование фрагмента чужих текстов без кавычек и ссылок. Сложнее заметить присвоение концептов или использование данных, которые можно обнаружить в недавних публикациях, или наличие ссылок на заимствованную работу в начале текста и дальнейшее ее использование без ссылок. Заимствование непроверенных ссылок на первоисточники из вторичных работ без ссылок на них также должно считаться неприемлемым.

Все эти действия суть проявление незаслуженного неуважения по отношению к достижениям других ученых.

В любой ситуации лучший способ избежать обвинения в плагиате — всегда открыто, исчерпывающе и великодушно признавать чужие научные достижения.

По окончанию университета каждый историк может полагаться в основном на собственную бдительность и самокритику. В течение всей жизни ни один ученый не перестает предъявлять к своим работам требование оригинальности и задаваться вопросом о том, насколько они заслуживают доверия со стороны остальных».

И, с этим трудно не согласиться. Самоконтроль – самое действенное и доступное средство, которое позволяет сохраниться настоящей науке в мире современной науки. А законодательная база должна соответствовать задачам борьбы с историческими мародерами.

«Чтобы спасти реальность, не дать науке умереть, вполне логичны и возможны следующие действия на основе тщательной, действительно профессиональной экспертизы научно-исследовательских работ:

Публично называть имена плагиаторов и тех, кто поддержал тексты с плагиатом. Публиковать их имена в официальных изданиях, существующих при всех государственных и межгосударственных институтах и организациях, так или иначе занимающихся проблемами интеллектуальной собственности в сфере науки.

Лишать плагиаторов не только всех научных степеней, званий, но и права заниматься научной и преподавательской видами деятельностями.

На сайтах библиотек, на страницах журналов, разместивших плагиаты, публиковать объявление с объяснением произошедшего и указанием виновных лиц («авторов», редакторов, рецензентов,

консультантов) и библиографической ссылкой на подлинную работу (подлинные работы), дополненной ссылкой на соответствующий ей интернет-сайт. Приносить извинения читателям за допущенные ошибки.

В очередных печатных номерах научных журналов, допустивших публикацию плагиатов, публиковать аналогичное объявление с теми же ссылками и с теми же извинениями читателям.

Проводить гласное публичное расследование, не получили ли авторы плагиата дополнительных выгод от этих публикаций, а именно: не защитил ли кто-нибудь из них диссертации с использованием плагиатов статей или монографий, выяснять, не получал ли кто-нибудь из них грантов, премий, должностей или других выгод, обосновывая свою квалификацию в том числе и наличием этих работ.

Обсуждать факт плагиата на советах вузов с разъяснениями, особенно для молодых ученых, этических и правовых норм в науке и ответственности за их нарушение.

Только подобного рода меры со стороны официальных институтов, а также жесткая и последовательная позиция научного сообщества в отношении плагиатора (публичный бойкот и отчуждение от профессионального дискурса) способны прервать патогенный поток символического обмена симулякрами и избежать смерти науки»[1].

Библиография

Жихарев С.Б. *Полесские железные дороги и их влияние на социокультурный ландшафт региона в конце XIX-начале XX вв.* [в:] *Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі* (Гомель, 20-21 мая 2004 г.): У 2-х ч.ч. Ч 1./ Гал. рэдактар А.А.Станкевіч. - Гомель: УА «ГДУ імя Ф.Скарыны», 2004, с.96-99.

Кахновіч В.А. *Аўгустоўскі, Агінскі і Днепра-Бугскі каналы як гідратэхнічныя і гістарычныя помнікі Беларусі* [w:] *Kanał Augustowski i współczesna ekoturystyka. (Августовский канал и современный экотуризм): praca zb.* / Akad. Humanist. im. Aleksandra Gieysztora w Pułtusku; red. nauk. W. Lenart i A. Zelenkov. – Pułtusk – Mińsk – Grodno, 2008, s. 211–224.

Киштымов А.Л. *Белорусские усадьбы на страницах «Кратких справочных сведений о некоторых русских хозяйствах»* [в:] *Сядзібы і паркі Гродзеншчыны*. Вып. II. , Гродна, 2004,с. 59-68.

[1] https://trv-science.ru/2011/03/sos-ukrainskij-plagiat/

Киштымов А.Л. *Благотворительная деятельность графини И.И. Паскевич-Эриванской, светлейшей княгини Варшавской.* [в:] *Н.П. Румянцев на белорусской земле.* Минск, 1997? с. 61-67.

Киштымов А.Л. *Памятники гидростроительства Беларуси как объект музеефикации*. [в:] *Заслаўскія чытанні*. 1995. Заслаўе, 1997, с. 13-15.

Киштымов А.Л. *Свои и чужие: белорусская историческая интернет-версия* [в:]*Образ іншого в сусідніх історіях: міфи, стереотипи, наукові інтерпретації. Матеріали міжнародної наукової конференції*. Київ, 15-16 грудня 2005 року. Київ, 2008, с. 103-113.

Киштымов А.Л. *Экономический потенциал Полесья в начале XX века»* [в:] *Загароддзе-3: Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі «Палессе ў XX стагоддзі», 1-4 чэрвеня 2000 г.*, Беласток. – Мінск, Тэхналогія, 2001, с. 114-120.

Кіштымаў А. *Пра гісторыю, генетыку і журналісцкую этыку …* [у:] *Літаратура і мастацтва*, 1994, 17 червеня.

Кохнович В.А. *Княгиня Ирина Ивановна Паскевич – меценат, просветительница, христианка* [в:] *Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч.* / отв. ред., сост. А. М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010, Ч. II, с. 60-65.

Кохнович В.А. *Передовые помещичьи хозяйства Беларуси в свете «Кратких – сведений» начала XX в*. [в:] *Веснік Беларускага дзярж. ун–та.* Серыя 3, 2013,№ 3, с. 15–19.

Сагановіч Г. *Мода на плагіят?* [у:] *Беларускі Гістарычны Агляд* (Том 16 Сшытак 1 (30) Чэрвень 2009), с. 239-256.

http://gefter.ru/archive/9373

https://gazetaby.media/post/kak-belorusskoj-nauke-nanesli-udar-v-spinu/73267/

https://liberty-belarus.info/o-kapitalizme/kapitalizm-dlya-lyuboznatelnykh/item/652-kapitalizm-i-belarus-eto-my-uzhe-prokhodili

https://trv-science.ru/2011/03/sos-ukrainskij-plagiat/

МОВАЗНАЎСТВА

Ольга Сарыгёз[1]

Турецкая фразеология: проблемы терминологического аппарата, классификации и описания новых единиц

Olga Sarigoz

Turkish Phraseology: problems of terminological apparatus, classification and description of new units

Ключевые слова: фразеология, турецкий язык, паремиология, клише, термины
Резюме: Данная статья посвящена исследованию проблем турецкой фразеологии в свете современной лингвистики. Особое внимание будет уделено терминологическому аппарату, анализу словарей, определению причин неразвитости этой научной области, описанию нового класса устойчивых выражений-клише. Наконец, он завершается как выводами, так и недостатками проблемы в целом.

Key words: phraseology, Turkish, paremiology, cliché, terminology
Abstract: This article deals with the investigation of the problems of Turkish phraseology in the light of modern linguistics. Particular attention will be given to the terminological apparatus, makes analyses of the dictionaries, determination of the reasons for the underdevelopment of this scientific field, descriptions of a new class of set expressions-cliches. Finally, it concludes with both findings and shortcomings of the issue at all.

Первый вопрос, с которым сталкивается сегодня исследователь, желающий познакомиться с фразеологической системой турецкого языка, это отсутствие словарей и фундаментальных работ в этой области.

Несмотря на то, что еще в далеком 1952 г. Л. Н. Долганов (1952)[2] обратил внимание на неразработанность турецкой идиоматики как раздела лингвистики, последующие годы вопросы классификации фразеологического материала, его структурного описания, разработки понятийно-терминологическим аппарата оставались в тени работ по общему языкознанию, грамматике. Работы последних лет затрагивают лишь аспекты сравнительного изучения фразеологизмов различных языков (английского и турецкого, татарского и турецкого).

---

[1] Беларуская Акадэмія

[2] Л.Н. Долганов *Пути развития идиоматики в современном турецком языке.* Автореферат диссертации д-ра филол.наук. М. 1952.

А. Н. Кононов в «Грамматике современного турецкого языка»[1] затрагивает проблему устойчивого словосочетания на материале турецкого языка. В работах Э. В. Мамулии были подняты вопросы фразеологической синонимии, полисемантичности, вариантности, вопросы структуры и синтаксиса рассматриваются в работах Н. Н. Баскакова и С. Н. Муратова. Сравнительное исследование структурно-семантических особенностей глагольных фразеологизмов проведено в работах Д. М. Мардановой (1997), А. Ш. Хамматовой (1999), Л. Г. Мифтахутдиновой (2003), Г. М. Сафиной (1998), Н. Д. Пименовой (2002).

Еще в 1967 г. С. Н. Муратов поднимал вопрос фразеологического состава языка, говоря о том, что «только отдельные группы устойчивых словосочетаний составляют фразеологический состав языка. В тюркских языках всякая фразеологическая единица – это устойчивое словосочетание, но не всякое устойчивое словосочетание есть фразеологическая единица»[2]. Автор подчеркивает основную семантическую особенность фразеологических единств: «большинство из них (исключение составляют терминологизированные фразеологические единства) не обладают конкретным лексическим значением. Они выступают как заменители слов. Значение их может быть выражено, объяснено, конкретизировано другими словами или целыми выражениями. У фразеологических единств нетерминологического типа всегда имеется смысловой или стилистический синоним». Данным вопросам уделен лишь небольшой раздел в его пособии.

Следуя традициям того времени, исследователь применяет классификацию В. В. Виноградова к фразеологической системе тюркских языков и определяет три класса: идиомы лексико-фразеологического типа; идиомы собственно фразеологического типа и устойчивые фразеологические речевые формулы (фразеологические штампы). К сожалению, последнему классу автором отведена вспомогательная роль: эти выражения «являются выражениями междометного характера», которые, по словам автора, «выражают отношение говорящего к предмету», а также это – «формулы различных пожеланий». Удивительно отнесение автором выражения Хуш кильдегез! (Добро пожаловать!) к междометным, к

---

[1] А.Н. Кононов *Грамматика современного турецкого литературного языка*. М. Л., 1956, с. 373.

[2] С. Н. Муратов *Устойчивые словосочетания в тюркских языках.* М., Издательство восточной литературы, 1961, с.115.

которым он относит также и «различные формулы благих пожеланий, проклятий и т. п.».

Работа М. В. Порхомовского «Турецкие пословицы в языке и речи» является несомненным достижением в области российской паремиологии. Исследователь представил историографию работ, написанных по теме пословиц, начиная с произведений средневековой литературы до работ исследователей наших дней. Автор проводит морфологический и синтаксический анализ пословиц, семантико-статистический анализ лексики, исследует вопрос применимости лингвистических методов и приемов к пословицам как к тексту, приводит примеры использования и стилистических приемов применения пословиц в турецкой прессе. Для пословиц автор использует подход Г. Л. Пермякова, относившего пословицы и поговорки как особые устойчивые словосочетания к клише. М. В. Порхомовский пишет, что кроме этого, к клише относятся и «… разного рода фразеологические обороты, составные термины, служебные словосочетания, всевозможные газетные штампы»[1]. Однако автором не был проведен сравнительный анализ паремий для выявления наличия другого класса – поговорок, класса, который полностью игнорируется турецкими лингвистами. Большая часть книги посвящена морфологическому анализу, семантический же анализ затронул лишь составные элементы пословиц, без рассмотрения функционально-семантических особенностей пословиц как отдельных единиц.

Можно сказать, что турецкая лингвистика в области фразеологии имеет довольно древнюю историю. Интерес к изучению образных иносказательных изречений проявился у тюрков почти тысячу лет назад. Самым первым сборником пословиц считается словарь «Диван Лугат ат-Турк» (Divânu Lügati't-Türk? 1072-1074 гг.). Далее следует сборник, составленный М. Шемседдином (Mevlana Şemseddin? 1478/1480 гг.). Хотя «Сборник пословиц в стихах» Хифзи, поэта XVIII века, и не снискал высокой оценки В.А. Гордлевского, но, тем не менее, и это произведение относят к одним из первых сборников турецких пословиц. В начале османского периода в словарях отводилось очень мало места фразеологизмам. Написанное в 1480 г. неизвестным автором и дополненное в 1936 г. В.Ч. Избудаком (Veled Çelebi İzbudak) произведение «Atalar Sözü» («Слова предков»), которое может считаться первым словарем устойчивых

[1] М.В. Порхомовский. *Турецкие пословицы в языке и речи*. М., Школа «Языки русской культуры», 2014. с. 111.

выражений, содержит не только пословицы, но и некоторые фразеологизмы. Полтора столетия спустя, в 1612 г., выходит грамматика И. Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» («Основные правила тюркского языка») – первая научная грамматика тюркских языков. Данная работа внесла несомненный вклад в развитие паремиологии: исследователем было собрано 220 единиц с переводом.

В 1863 г. увидела свет работа Ибрагима Шинаси (Ibrahim Şinaşi) «Durub-i Emsali Osmaniye», среди приводимых в ней 2500 выражений 300 – фразеологизмы. Десятью годами позже, а именно в 1873 г., Ахмет Митхат (Ahmet Mithat) издал сборник рассказов на основе 18 пословиц/фразеологизмов, взятых из сборника Шинаси. Книга вышла под названием «Durub-i Emsâl-i Osmaniye Hikemyatının Ahkamını Tasvir». В 1885 году на основе книги Шинаси выходит дополненный до 4004 единиц сборник, над которым работал Эбюззия Тевфик. Автор предпринял попытку разграничить пословицы и фразеологизмы, называя последние как tabir и ıstılah. Сборник 1895 г. Текезаде М. Саита «Durub-i Emsâl-i Türkiyye veya Atalar Sözü» не содержит указаний на различия между пословицами и фразеологизмами. В 1939 году выходит сборник С. Г. Кырымлы «Atalar Sözü», затем следует сборник М. Н. Озона «Türkçe Tâbirler Sözlüğü» (1943), сборник фразеологизмов М. А. Агакая (1949), сборник пословиц и поговорок Ф. Ф. Тюльбентчи (1963 г., с повторным переизданием в 1977 г.), сборники пословиц И. Х. Сойкута (1974), А. Ойя (1972) сборник фразеологизмов А. Безирджи (1990), М. Т. Аджароглу (1992). Особенно стоит выделить 6-ти томный толковый словарь фразеологизмов С. Гюндюзальпа, в котором автор попытался через короткие истории передать семантическое значение того или иного фразеологизма.

Вторая половина прошлого века была ознаменована большим числом работ в области фольклористики: Р. Н. Боратав, М. Ш. Улкюташир, Эфлатун Джем Гюней, Эрман Алтун , А. Озтюркмен. Именно исследователи этой области смогли зафиксировать пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, песни (мани и тюркю), ими проводились исследования в области регионального фольклора, основу которым заложил еще О. А. Аксой своей работой – сборником региональных пословиц и фразеологизмов и отдельной работы по региону Аданы.

Существует мнение, что турецкая фразеология (deyimbilim) как отдельная дисциплина оформилась лишь в последние десятилетия и связана с работами Т. Доганая, А. Пюскюллюоглу, С. Эмира, Д. Аксана, О. А. Аксоя, Л. С. Узун и др. Однако, на сегодняшний день нет ни одной

отдельной научной работы, направленной на исследование всей системы фразеологии турецкого языка.

Турецкий язык прошел несколько периодов развития: от эпохи «староосманского языка» (Eski Osmanlıca) — XIII–XV вв., через эпоху «среднеосманского языка» (Orta Osmanlıca) — XV–XIX вв., к эпохе «новоосманского языка» (Yeni Osmanlıca) — XIX–XX вв. В течение всех периодов он находился в тесном взаимодействии с арабским и персидским языками. Пополняясь за счет большого количества лексических заимствований из европейских языков, в начале прошлого века он вступил в эпоху, которую позже назовут «языковой революцией» — «dil devrimi».

Осуществленная М.К. Ататюрком языковая революция, называемая европейскими авторами «языковой реформой», не может быть рассмотрена вне политического контекста. Глобальные трансформации затронули все сферы жизни турецкого народа: несомненные экономические достижения, нововведения в области культуры и образования меркнут на фоне раскола общества, возникшего в результате националистической политики, проводимой государством. Произошел не только переход на новый для турецкого народа алфавит, но и отказ от арабского языка, языка Корана, в любых его формах и проявлениях. Отделение религии от государства на деле оказалось «разжиганием войны» со всем, что связано с арабским языком.

«Турецкое лингвистическое общество» (Turk Dil Kurumu — TDK, TDK; русск. – ТЛО), созданное в 1932 г. по инициативе Ататюрка, стало главным научным и организационным центром языковой реформы, «одной из целей которого, было “очищение” лексики турецкого языка от неисконно турецких слов и внедрение (на место заимствованных, иноязычных заимствований) новых, “аутентичных”»[1].

Дж. Льюис, подробно анализируя в своей книге деятельность ТЛО, с его чередой успехов и провалов, которых, как полагает автор, было гораздо больше, говорит о лингвистической реформе Ататюрка не иначе как о «катастрофическом успехе». «Очищение турецкого языка от иностранных заимствований — явление в целом прогрессивное, порой выливалось, особенно под нажимом крайних националистов, в непримиримый пуризм»[2].

[1] P. Safa *La révolution linguistique et le problème des termes scientifiques en Turquie* // Civilisations Vol. 2. No. 1 (1952). P. 41–45.

[2] G. Lewis. *The Turkish language reform*. A Catastrophic Success Published in the United States by Oxford University Press Inc., New York. p.190

Деятельность ТЛО на различных этапах подвергалась критике, многие находки прижились (bilgisayar – досл. считающий знание: компьютер), многие и не снискали народной любви и вошли в историю как нелепые и смешные (**çok oturgaçlı götürgeç** – многоместная носилка – автобус, данный пример был создан самим народом как высмеивание попыток ТЛО[1]; тем не менее, вариант **çekyat** «тяни-ложись» закрепился в речи – это раскладной диван). Нельзя не сказать о том, что работа по отбору лексики, созданию новой терминологии, в которой так остро нуждалось молодое государство, проводилась весьма обдуманно: на повестку дня выносились различные подходы по внедрению неологизмов, способы их создания, обсуждались проблемы внедрения их в обиходную речь. Однако ученые разделились на «лингвистические лагеря»: одни выбирали сугубо греческие термины и латынь — так произошло в области медицины, другие видели решение проблемы в создании неологизмов»[2].

Турецкие лингвисты и по сей день увлечены пуристскими войнами. Четыре противоборствующих лагеря, существовавшие в 1952 г., как об этом пишет П. Сафа[3], не исчезли с течением времени, а лишь трансформировались в наши дни в три основные группы. Битва за очистку языка от арабизмов и «англицизмо-галлицизмов» переместилась в СМИ и наиболее ожесточенно ведется на просторах социальных сетей, в некоторых их них автор участвовал непосредственно.

Некоторые авторы создают собственный терминологический аппарат в области лингвистики – придуманные ими слова могут быть переведены только через европейскую терминологию. Таким образом они пытаются компенсировать нехватку терминологии в турецком языке. Весьма интересный подход мы встречаем у авторов Бабурхана и Мелике Узум: «говорящий на турецком языке наслаждается независимым переключением “кодов” и, выбирая слова в зависимости от уровня образования собеседника, его политических и религиозных взглядов, употребляет слова, относящиеся к высокому стилю, общаясь с людьми первой группы — глубоко верующими. Со второй группой, борцами за прогрессивность, так называемыми националистами, он будет говорить на “исконно турецком”. У него также будет свой словарный запас для тех, кто является

---

[1] https://www.malumatfurus.org/tdk-uydurma-kelimeler/

[2] Safa P., La révolution linguistique et le problème des termes scientifiques en Turquie / Civilisations Vol. 2, No. 1 (1952), Published by: Institut de Sociologie de l'Université de Bruxelles. pp. 41-45

[3] Там же

приверженцем западной культуры (третья группа). Авторы демонстрируют это разделение на примере слова “особенный”: в версии первой языковой группы это слово будет звучать как **müstesna**, вторые скажут **özel**, третьи же выберут слово **spesifik**[1].

«Неологизмы, однако, не вытесняют старую лексику, которая служит резервом для синонимов, иногда таких синонимов может несколько. Такое обилие однозначной лексики приводит к тому, что не всякий турок может овладеть ее запасами, не говоря уж об иностранцах, изучающих турецкий язык»[2]. Сказанное в интервью Х.Явшар слово **repo** (отдых) было не понято большинством опрошенных нами лиц, носителями турецкого языка: артистка употребила французское заимствование вместо турецкого **dinlenme**. При этом стоит отметить, что тут автора выручает знание французского языка, в российских словарях такое слово не зафиксировано. Разрыв между языком элит и простых людей огромен.

В области терминологической лингвистики мы находим до четырех, а порой и до пяти вариантов одного термина. По три лексемы имеются для обозначения подсолнуха, аэродрома, землетрясения. А слово “радуга” представлено семью (!) синонимами, из которых четыре — народные выражения, один — неологизм, один — арабское заимствование и один — персидское. При этом следует отметить, что в разговорной речи несколько синонимов могут использоваться одновременно одном предложении, которое было услышано автором в одной из передач, где простые люди передавали поздравления через телеведущих: Oğlumun **mutlu, kutlu** ve **bahtiyar** olmasını istiyorum! — Я хочу, чтобы мой сын был **счастлив**! — все три слова переводятся как «счастливый». (Можно также добавить, что существует и четвертый аналог данного слова — *mesut*). Данный факт, несомненно, говорит о лексическом богатстве турецкого языка. В области терминологической лингвистики мы находим до четырех, а порой и до пяти вариантов одного термина (далее будут приведены примеры).

После 1923 г., года образования Республики Турция, до 1935-го года для обозначения термина «выражение» использовалось слово таабир (ta'bir), после этого ТЛО было рекомендовано использовать термин deyim (выражение). Однако, еще долгое время данные термины сосуществовали параллельно: М. Х. Байры, М. Ш. Улкюташир и М. Н. Озон все же предпочитали использовать термин таабир (ta'bir).

---

[1] Uzum B., Uzum M. The Historical and Linguistic Analysis of Turkish Politicians’ Speech # Springer Science+Business Media, LLC 2010.

[2] Д.Е. Еремеев. На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках. М., 1980. С.148.

В статье Ш. Х. Акалына проводится общий обзор современного терминологического аппарата и подчеркивается сложная ситуация, которую создает большое количество существующих терминов. Автор проанализировал все встречающиеся у турецких лингвистов термины, относящиеся к лексикологии и лексикографии[1]:

– **лексикология**: kelime bilimi – З. Коркмаз; kelimebilim – словарь «Meydan-Larousse»; sözcükbilim – Б. Вардар, вариант, предложенный им в ранних работах, от которого автор отказывается в своей поздней работе и употребляет термин sözlükbilim, который предлагается на сайте ТЛО.

– **лексикография**: sözlük bilgisi – Б. Вардар ; sözcükçülük – Ш. Х. Акалын.

Реже авторы упоминают термины **leksikoloji** и **leksikografi** соответственно.

Авторами терминологического словаря «Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики» В. Г. Гузевым и О. Дениз-Йылмаз для термина «лексикология» предложены 2 варианта **eksembilim** и **leksikoloji**[2].

Рассмотрим термин, предложенный в последней работе Б. Вардара[3]. Термину «лексикология» автор приводит турецкое соответствие **sözlükbilim**, лексикографии – **sözlükbilgisi**, арго – **argo**. Автор исходит из предложенного им для слова lexique определения sözlük. От лексемы sözlük он производит термины sözlükbilim (лексикология) и sözlükbilgisi (лексикография), тем самым он лишает турецкий язык собственно слова «словарь». Б. Вардар понимает под термином sözlük в узком смысле словарь конкретного языка, в широком – весь лексический запас, лексику. Терминов, соответствующих понятиям «пословица», «поговорка», «фразеологизм», «фразеология», автор не предлагает. Понятие **deyim** ((устойчивое) предлоожение) раскрыто не очень ясно: автор предполагает, что его французским аналогом является **locution**, английским – **formula**, которые, на наш взгляд, являются более широкими. По причине отсутствия других терминов в словаре нельзя понять, какой же термин автор соотносит со значением **deyim**:

> **Bir tür sözlüksel birim oluşturan anlambirim toplaşması; genellikle öz anlamından az çok ayrı bir anlam içeren kalıplaşmış söz.**

---

[1] Ş.H.Akalın. Türkçenin Teknik Terim zenginliği. Türk Dili Dergisi, TDK yayını, sayı 624, Aralık 2003

[2] Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики: учебное пособие на турецком языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

[3] Vardar B., Açıklamalı dilbilim terimleri sözlüğü. Multilingual, 2002. C.70.

> Вид лексической единицы, представляющей собой семантическое единство; устойчивое выражение, имеющее зачастую иное семантическое значение, в большей или меньшей степени отличное от значений слов его составляющих. (перевод автора)

Терминологически **deyimbilim** (фразеология) либо ее варианты deyim bilimi, frazeoloji не вошли в перечень словаря Турецкого Лингвистического Общества, которое на сегодняшний день является мерилом и источником официального знания. Фразеологии посвящаются лишь небольшие разделы в рамках пособий по культуре речи, истории и языка, либо она бегло упоминается в приложениях к фразеологическим словарям.

Едины ли турецкие лингвисты в своих определениях понятия «фразеологизм»? Как нам удалось установить, основной акцент ими делается на выразительность, которой должно обладать словосочетание: «фразеологизмы – это устойчивые выражения, которые состоят из нескольких изменяющихся и неизменяющихся составляющих, используемые для придания выразительности речи и в переносном значении»; «фразеологизмы – это словосочетания, использующиеся с целью придания выразительности речи и имеющие помимо прямого и переносные значения»; «фразеологизмы – это словосочетания, придающие речи выразительность и имеющие, кроме прямого, и переносные значения»; «это устойчивое выражение, которое в большинстве случаев состоит из нескольких слов, имеет переносный смысл и придает речи выразительности». Определение фразеологизмов Ф. Бозкурта, согласно которому, «это выражения, имеющие переносный смысл и используемые для придания речи выразительности»[1] вторит определению Э. Оздемира: «Это один из способов выразительности, применяемый для эффективного описания определенного понятия или мысли минимальными языковыми средствами»[2]. Н. Коч описывает ФЕ как «… устойчивые выражения, которые в основном используются в переносном значении»[3].

Определение М. Хенгирмена объединяет два предыдущих: «…это устойчивые выражения, имеющие переносный смысл, придающие речи выразительности и повсеместно используемые в обществе как общеупотребительные слова»[4]. Словарь турецкого языка Турецкого Лингвистического Общества, изданный в 1988 г., дает следующую

---

[1] F.Bozkurt. Türkiye Türkçesi, CemYay., İstanbul. 1995. s.170
[2] E.Özdemir. Açıklamalı-Örnekli Deyimler Sözlüğü Bilgi Yayınevi, Ankara 2000. s.5
[3] N.Koç. Yeni Dilbilgisi, İnkılâp Yay, İstanbul, 1996. s. 28
[4] M.Hengirmen. Türkçe Dilbilgisi, Engin Yay. Ankara. 1995. s.13

формулировку: «…это устойчивые выражения, имеющие переносный смысл и использующиеся для придания речи выразительности»[1].

По определению Й. Чотуксёкена фразеологизмом называется «устойчивое выражение, состоящее минимум из двух слов, используемые для усиления устного или письменного высказывания»[2].

Д. Аксан в своем труде[3] проводит экскурс в историю формирования европейской лексикологии (sözcükbilim) и лишь вскользь упоминает термин «лексикография» (sözlükbilim) и говорит о серьезных пробелах в области подготовки словарей. В работе содержатся термины «фразеология» (frazeoloji) (изучает словосочетания типа deyim и kalıp sözler) и «паремиология» (paramioloji) (занимается изучением пословиц).

В другой работе «Türkçenin sözvarlığı»[4] автор рассматривает İlişki sözleri (kalıp sözler), к которым он относит выражения, традиционно используемые в определенных ситуациях, и kalıplaşmış sözler, под которыми автор понимает крылатые выражения и афоризмы , а затем kalıp sözler или ilişki sözler , которые, по мнению автора, «употребляются в определенных ситуациях и не имеют аналогов в других языках». Более подробно их функциональную специфику он описывает в своей работе «Türkçenin güçü»: «в любом обществе есть слова, которые употребляются в определенных ситуациях, ... различные клише. Например, при встрече с человеком, при приветствии, в благодарность за оказанную помощь или доброе дело, обращаясь с просьбой, слова, которые мы говорим, когда узнаем о болезни человека и т. п». Однако, следует обратить внимание на примеры фразеологизмов, приводимые автором в этой работе.

Подобные выражения стали предметом нашего исследования. Автор полагает, что в эти единицы обладают совершенно особыми характеристиками, которые не позволяют их отнести ни к классу пословиц, ни классу фразеологизмов. Рассмотрению данного вопроса посвящена статья автора[5].

---

[1] Türk Dil Kurumu. Türkçe Sözlük, Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara. 1988.

[2] Y.Çotuksöken. Deyimlerimiz, İstanbul: Özgül Yayınları Eğitim ve Öğretimde Kaynak Kitaplar Dizisi: 2. İkinci Baskı, 1992. s.5.

[3] D.Aksan Dilbilim ve Türkçe yazıları. Multilingual, 2004. s.227.

[4] D. *Aksan.* Türkçenin sözvarlığı. Bilgi yayınevi. 2015

[5] О.В. Сарыгёз. Клише турецкого языка как самостоятельный класс. Филологические науки. Вопросы теории и практики, (4-2 (82)), 2018г., сс.382-388.

İstemem, yan cebime koy. – досл. «Не хочу, но положи мне в боковой карман.» (По аналог. с русск.) «И хочется, и колется» (о желании, исполнение которого сулит какой-либо ущерб);

Kasaba et borcu mu var? – Он что, мяснику должен? (говорят про человека, который сильно располнел);

Sıçan düşse başı yarılır. – Мышь повесилась (о месте, где ничего нет, очень бедно);

Cami yıkılmış, ama mihrabı yerinde. - О даме в возрасте, но все еще довольно красивой,

Ölme eşeğim, ölme (yaza yonca bitecek») – *досл.* Не умирай, мой ослик, не умирай (говорят, чтобы подбодрить: мол, скоро все будет хорошо, настанут лучшие времена, но на самом деле – скорее всего, будет только хуже, и оба это знают);

Burnu yere düşse almaz – Если нос упадет на землю, он его не поднимет (о гордом и надменном человеке).

Мы установили, что некоторые авторы присвоили ему совершенно разные названия.

Мы встречаем термин **kalıplaşmış sözler** в сборнике пословиц и фразеологизмов О. А. Аксоя (1965). Данный справочник служит основой для всех работ в области фразеологии турецкого языка уже более 50 лет. По мнению автора, как и пословицы, фразеологизмы являются устойчивыми выражениями (kalıplaşmış sözler), они – особая застывшая форма повествования (özel bir anlatım kalıbı); «пословицы» – устойчивые слова, принявшие форму клише. (Atasözleri kalıplaşmış (klişe durumuna gelmiş) sözlerdir.)[1] В сборнике О. А. Аксоя мы встречаем и другие терминологические понятия: süslü sözler (метафора, метафорические обороты), которые автор отделяет от фразеологизмов. Перевод данного термина мы можем понять лишь исходя из приведенных далее примеров: acı bir gülüş (горькая усмешка), ömrünün baharında (весной его жизни), kömür gözlü (черные, как угольки, глаза). О. А. Аксой относит к так называемым kalıplaşmış başka sözler (другие устойчивые выражения) молитвы, проклятия, ругательства, загадки, считалки, скороговорки, а к классу фразеологизмов – целые предложения, совершенно различные по своим функционально-семантическим признакам:

[1] Ö.A. Aksoy. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. İnkılap basım evi. İki cilt. 2013; 1cilt. p. 15.

Ekmeğine kuru, ayranına duru mu dedik? – Неужели мы назвали твой хлеб сухим, а айран жидким (прозрачным)?» в значении *Неужели мы чем-то тебя обидели?*;

İşin mi yok? – Тебе, что, нечем заняться?

Eline sağlık! – Желаем здоровья твоим рукам! (обычно, говорится хозяйке в благодарность за вкусно приготовленную пищу, либо человеку, успешно сделавшему свою работу),

фразы-приветствия **Hoş geldiniz!** – Добро пожаловать!; **Hoş bulduk (safa bulduk)!** – Рад вас видеть в добром здравии!;

Vur dedik öldür demedik ya! – (досл.) Мы сказали «ударь», но не «убей» (человек перестарался в осуществлении поставленной задачи).

Следует отметить и работу М. Э. Сарачбаши – двухтомный словарь по праву может называться самым большим сборником фразеологизмов[1]. В начале работы не содержится никаких вводных или ознакомительных статей, в которых бы автор смог представить свое понимание явления фразеологизмов. И лишь путем анализа представленных в сборнике выражений можно сделать собственный вывод об объеме данного языкового явления. Таким образом, к классу фразеологизмов автор относит:

1. Выражения арго: beyaz dünya – (белый мир) героин.
2. Сложные глаголы (прилагательное плюс вспомогательный глагол): hazır etmek – подготовить (прилаг. «готовый»+ глагол «делать»); hata işlemek – совершить ошибку (ошибка+совершить) – простые словосочетания, не имеющие переносного значения; ev kadını – домохозяйка (дом+женщина), ev işi – домашняя работа. Оба последних выражения лишены образности, образованы по принципу одноаффиксного изафета путем сочетаемости; можно лишь говорить об адъективации существительных в русском языке дом – домашний, домашняя хозяйка.
3. Выражения молитвы-пожелания, проклятия: Allah ömürler versin! – Да пошлет вам Господь долгих лет жизни!, Allah canını alsın! - Пусть Господь заберет твою душу (чтобы ты умер)!
4. Собственно фразеологизмы: ağzının tadını bilmek – разбираться в хорошей/вкусной еде, быть гурманом.
5. Поговорки: Kambersiz düğün olmaz – Какая же свадьба без Камбера (в значении: он во все бочки – затычка).

[1] M.E. Saraçbaşı. Örnekleriyle büyük deyimler sözlüğü’ Yapı kredi yayınları 2010. 1328 p.

6. Авторские обороты, которые не зафиксированы в других сборниках и не обладают метафоричностью, уникальностью, универсальностью: Aldı ele girdi yola, Aldı yürüdü.

Рассмотрим еще одну классификацию турецкого профессора Ш. Эльчина (Ş. Elçin). Его классификация представляет собой 11 групп: среди сугубо глагольных групповых образований обращают внимание поговорочные формы:

vur patlasın çal oynasın (досл.: ударь – пусть вспыхнет, играй – пусть танцует) –жить, наслаждаясь и развлекаясь;

kel başa şimşir tarak – что лысому шамшитовая расческа (о бессмысленности чего-л.).

словосочетания, которые представляют собой ритуализированные формулы-пожелания: например: darısı başına – И тебе (желаю) того же!;

и рифмованные поговорки: azıcık aşım, kaygısız başım – (досл.: у меня мало еды, зато голова без бед) – довольствоваться малым.

Турецкие лингвисты относят к фразеологизмам даже целые предложения:

Cümle biçiminde olanlar. Basit veya her hangi bir birleşik cümle yapısında olanlar.

Те, которые представлены целыми предложениями. Имеют форму простых либо связанных предложений. (пер.автора)

Aklına turp sıkayım! — *досл.* Выдавлю я редьку на твой ум». Говорится человеку, который, по нашему мнению, заблуждается, и его идея глупая;

Maymun yoğurdu yemiş artığını ayının yüzüne sürmüş. — Обезьяна съела йогурт, что не съела — намазала на морду медведю. Речь идет о человеке, который свою вину за проступок перекладывает на плечи невинного, более доверчивого.

Сложно согласиться с таким суждением, так как фразеологизмы чаще всего лишены этической окраски или смысла, не представляют собой суждения.

Теме клише в значении *kalıp sözler* (у некоторых авторов — *kalıplaşmış sözler*) посвящены магистерские работы С. Булута[1], Н. Генджая, Ч. Эрол и книги Х. Гёкдайи и Л.Тюлек[2].

---

[1] S.Bulut. Anadolu ağızlarında kalıp sözler ve kullanım özellikleri / Static words in Anatolian dialects and how use them: doktora tezi, 2012. 282 p.

[2] L.Tülek. Klişeler kitabı. Sel Yayıncılık, 2008.

Ч. Эрол в своем диссертационном исследовании под термином *kalıp sözler* понимает устойчивые выражения, которые произносятся в определенные моменты жизни человека: за столом, при встречах, прощании, знакомстве, при рождении и смерти кого-либо, при каких-либо начинаниях и т. д.; кроме того, отдельную группу составляют формы выражения благодарности, благословления, различного рода пожелания, клятвы, обещания и проклятия[1].

Интересна работа Х. Гёкдайи “Kalıp sözler”[2]. Автором применяется термин *kalıp sözler* и проводится его английский эквивалент **formulaic expression** Клише рассматривается уже как отдельный класс наряду с фразеологизмами и пословицами. Сборник, который, несомненно является революционным, и, казалось бы, должен стать важной вехой в классификации турецких клише, к сожалению, не доработан до конца. Автор не смогла провести четкое разграничение между афоризмами и собственно клише. Сомнительно нахождение среди клише таких выражений, как **Olmak ya da olmamak!** (Быть или не быть — вот в чем вопрос!), **Bu millet seninle gurur duyuyor!** (Этот народ гордится тобой!), фраза, которую декламируют на политических митингах. Данные формы противоречат данному автором определению: эти крылатые выражения не характеризуются ритуальностью, их использование не обусловлено традициями, они не известны широкому кругу населения и имеют авторство. Кроме того, следует отметить, что перечень клише является неполным.

Большая часть работ, касающаяся изучения пословиц и фразеологизмов, направлена на установление различий между ними: автора проводят анализ *deyim — atasözü* в следующем направлении: «Устойчивые выражения, которые больше всего можно перепутать с пословицами, — это фразеологизмы. Причина этого заложена в схожести их характеристик. Обе конструкции являются словами предков, которые отражают их этическое мировоззрение и жизненную философию»[3].

К сожалению, формирование понятийно-терминологического аппарата фразеологии не является первостепенной задачей для турецких лингвистов.

---

[1] Ç.Erol. Türkiye Türkçesindeki kalıp sözler üzerine bir inceleme Yüksek lisans tezi. İstanbul, 2007.

[2] H.Gökdayı. Türkçede kalıp sözler. Kriter Yayınları. İstanbul, 2012.

[3] *D.*Aksan. *Her yönüyle dil. Ana Çizgileriyle Dilbilimi, Ankara TDK 1995. p.13*

Автор полагает, что, как раздел научной лингвистики, турецкая фразеология еще далека от зарождения. К этой мысли приводит тот факт, что даже в словаре TDK отсутствует термин *deyimbilim* (фразеология) либо его варианты *deyim bilimi* и др. (Дата обращения 11.04.2022)

В вопросе формирования терминологии Турция значительно отстает от западных стран. Нельзя не обратить внимания на идеологизированный характер многих работ последнего времени: борьба за чистоту, национальный статус и богатство турецкого языка является ведущей темой конференций и круглых столов. В то же время об изучении идиоматики можно судить по 3–4 магистерским работам, которые посвящены устойчивым выражениям.

Балыгина Е.Д. полагает, что, несмотря на достаточно большое количество турецких фразеологических словарей, включение в них того или иного сочетания происходит на основе интуиции носителей языка[1].

Авторы объединяют в один класс выражения, которым европейская лексикология еще в прошлом веке присвоила отдельные наименования, отделив каждое из них в отдельный класс. До сих пор в турецкой лексикологии не выделен класс поговорок, выражения, которые можно было классифицировать как поговорки, объединены в один класс с пословицами.

Терминологический вокабуляр французской фразеологии мог бы послужить источником для еще не сформированной турецкой терминологии: *formule courante; formule de conversation; locution figée; expression figée; expression toute faite; stéréotype; cliché, figement, connatation, dicton, cliches, motto* и т. д., что позволило бы турецкой лексикологии «говорить» на общем с европейскими лингвистами терминологическом языке. Особого заслуживает внимания заслуживает работа В. Д. Гюная[2] в связи с созданным автором терминологическим аппаратом, включающим предложенные самим автором неологизмы. Он приводит их французские эквиваленты и дает детальное пояснение. На сегодняшний день его исследование является единственной в Турции работой, полностью посвященной лексикологии как разделу лингвистики. Автор придерживается мнения, что ученые должны общаться на одном, унифицированном языке терминов, без этого невозможен научный подход к проведению лексикологических исследований. Лексикология, а также

---

[1] Е.Д. Балыгина *Глагольная фразеология в турецком языке: глаголы движения.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
[2] G.V. Doğan. *“Sözcükbilime Giriş” (Multilingual Yayınları).* Istanbul, 2007

фразеология должны иметь свой терминологический аппарат, понятный и доступный специалистам всего мира.

Европейская лингвистическая школа опережает турецкую на несколько десятилетий: с начала 1980-х гг. в Европе проводятся международные конференции EUROPHRAS, посвященные как вопросам исследования в области фразеологии отдельных языков, так и контрастивным межъязыковым исследованиям. С 1992 г. ведется работа по созданию многоязычной энциклопедии фразеологизмов. В европейской фразеологии возникают новые течения и направления: контрастивная фразеология. Новые разработки приводят к появлению новых понятийно-терминологических явлений: фразеодидактика[1], фразеологическая компетенция[2], крылатология, фразеорефлекс и т. д.

Сегодня нельзя представить ни одно научное исследование в области лексикологии без данных, которые можно получить благодаря корпусной лингвистике.

На сегодняшний день для турецкой лексикологии существует необходимость решения следующие вопросов:

1) формирования понятийно-терминологического аппарата турецкой фразеологии и проведения классификации фразеологического фонда турецкого языка;

2) вычленения основных структурных единиц;

3) присвоения названий таким сходным образованиям, как поговорки, крылатые выражения, штампы, клише мотто, аппелятивы и т. д., которые не имели таковых по сегодняшний день;

4) определения четких критериев для разграничения классов и подклассов, их описание;

5) разработка двуязычных и толковых словарей и др.

Автор данной статьи смог сделать следующие выводы:

1. Анализ вышеперечисленной литературы приводит к выводу о том, что фразеология, как область исследования, так и не была сформирована как в белорусской, российской, западной, так и турецкой тюркологии. Можно лишь говорить о росте интереса к данной теме в турецкой лингвистике, который воплотился в нескольких работах.

---

[1] M.Sułkowska. *De la phraséologie à la phraséodidactique Études théoriques et pratiques.* Wydawnictwo Uniwersytetu Slanskiego Katowice 2013, p.9

[2] Ibidem

2. Анализ и отбор устойчивых выражений в турецком языке затруднен, прежде всего, отсутствием серьезных диахронических и синхронических исследований, неразработанностью терминологического аппарата. Лексикографические работы в области турецкого языка, в частности, по турецкой фразеологии очень ограничены. Одной из практических задач фразеологии, помимо разработки принципов выделения фразеологических единиц, методов их изучения, классификации и фразеографии, является унификация и фиксирование полученных результатов в словарях.
3. Анализ имеющихся фразеологических словарей, как основных источников и перечней всех видов выражений, показал необходимость систематизирования материала, исходя из новой, актуальной классификации, которая бы способствовала четкому отбору и ранжированию выражений по определенным категориям. На современном этапе развития лингвистики первостепенное значение имеет наличие сформированного понятийно-терминологического аппарата. На современном этапе как отечественная, так и турецкая тюркология, не имеют общего терминологического вокабуляра, что не позволяет им не только «говорить» на общем терминологическом языке с европейскими лингвистами, но и развиваться дальше.
4. Отсутствие работ в области диахронической фразеологии, фразеологической стилистики, диалектной фразеологии не позволяет сделать более глубоких выводов в плане установления первоисточника выражения, которое послужило основой для того или иного выражения. Существующих толковых словарей недостаточно для установления значения довольно большого числа выражений. Относительно клише требуются толковые словари, которые не просто объяснят семантическое значение, но и опишут особенности тех или иных употреблений, приведут пример использования их в тексте (цитата, диалог) для лучшей передачи значения и функционального использования, для каждого выражения будет приведена вся морфологически-синтаксическая парадигма форм.

В настоящее время нами не были установлены работы по изучению закономерностей в ограничениях сочетаемости слов и семантических значений, по процессам фразеологизации свободных сочетаний слов. В частности, категория фразеологических сращений нуждается в тщательном исследовании и в диахроническом, и в синхронном аспектах, чтобы раскрыть механизм «устаревания» таких единиц в плане выражения и в плане содержания, с целью дальнейшего понимания происходящих процессов и тенденций в языке, в котором наблюдается отказ от изафетных

конструкций (Türk kadın(ı), например). Обзор работ по фразеологии показывает, что фразеологические единицы изучаются только синхронно и не исследуются в аспекте парадигматической финитности, в аспекте морфолого-грамматических ограничений с точки зрения их системного взаимодействия и соотношения с соответствующими звеньями лексико-семантической системы: неноситель не знает о тех производных формах, которые ему можно образовать от той или иной первоосновы, которую он увидит в словаре.

5. В стороне остаются семантические, лексико-грамматические свойства клише, которым отчасти посвящены работы турецких исследователей Х. Гекдайи и С. Булута, не сформулирована четкая семантическая и синтаксическая типология данных образований. Не собраны материалы наблюдений над конкретными примерами образования и функционирования клише, клише не отграничены от поговорок, штампов, фразеологизмов, крылатых слов, междометных сращений.

6. Тюркологическая фразеология в России представлена небольшим числом диссертационных работ по сравнительной фразеологии тюркских языков. На сегодняшний не издано ни одного отдельного двуязычного фразеологического словаря.

7. Тюркология в Беларуси, к сожалению, еще только зарождающееся направление, несмотря на более чем двадцатилетний опыт преподавания турецкого языка в ведущих университетах страны.

История развития и становления, сфера и предмет, основные направления научного знания, совершенство концептуальных парадигм — все это отражается в терминологии, которую иными словами называют «зеркалом» науки.

Для любого раздела научного знания наличие сформированного понятийно-терминологического аппарата имеет первостепенное значение. Его отсутствие либо недостаточная разработанность не только не дают права говорить о существовании того или иного научного направления, но и препятствуют его формированию и развитию.

Библиография:

Литература:

Балыгина Е.Д. *Глагольная фразеология в турецком языке: глаголы движения.* Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2007.

Гвишиани Н.Б. *Контрастивные исследования современных языков и корпусная лингвистика* [в:] *Филологические науки*. 2004. No 1. с. 59–72.

Гордлевский В.А. *Избранные сочинения.* Т. I. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 552 с.

Долганов Л.Н. *Пути развития идиоматики в современном турецком языке.* Автореф. дисс. д-ра филол. наук. М., 1952.

Еремеев Д.Е. *На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках.* М., 1980. 236 с.

Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики: учебное пособие на турецком языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 134 с.

Порхомовский М. В. *Турецкие пословицы в языке и речи*. М., Школа «Языки русской культуры», 2014. 178 с.

Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвострановедческий аспекты.* М., Школа и языки русской культуры, 1998. 288 с.

Akalın Ş. H. Türkçenin Teknik Terim zenginliği. Türk Dili Dergisi, TDK yayını, sayı 624, Aralık 2003 pp. 767-778

Aksan D. Her yönüyle dil. Ana Çizgileriyle Dilbilimi. Ankara: TDK, 1995. 244 p.

Aksan D. Türkçenin sözvarlığı. Bilgi yayınevi. 2015. 256 p.

Aksan D. Dilbilim ve Türkçe yazıları. Multilingual, 2004. 426 p.

Aksoy Ö.A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. İnkılâp Kitabevi, İki cilt, 1989.

Aksoy Ö. A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. İnkılap basım evi. İki cilt, 2013.

Aytürk İ. Turkish Linguists against the West: The Origins of Linguistic Nationalism in Atatürk's Turkey // Middle Eastern Studies. 40:6, 1–25 (2004).

Bozkurt F.. Türkiye Türkçesi, Cem Yayın evi, İstanbul. 1995. 418 p.

Bulut S. Anadolu ağızlarında kalıp sözler ve kullanım özellikleri / Static words in Anatolian dialects and how use them: doktora tezi, 2012. 282 p.

Çotuksöken Y. Deyimlerimiz, İstanbul: Özgül Yayınları Eğitim ve Öğretimde Kaynak Kitaplar Dizisi: 2. İkinci Baskı, 1992

Erol Ç. Türkiye Türkçesindeki kalıp sözler üzerine bir inceleme Yüksek lisans tezi. İstanbul, 2007.

Gökdayı H. Türkçede kalıp sözler. Kriter Yayınları. İstanbul, 2012. 316 p.

Gökçora İ. H. Bilim Dili Olarak Türkçe // URL: http://www.universite-toplum.org/text.php3?id=188

Günay V. D. “Sözcükbilime Giriş” (Multilingual Yayınları). Istanbul, 2007. 311 p.

Hengirmen M., Türkçe Dilbilgisi, Engin Yay. Ankara. 1995.

Karabacak E. A study of the use of economic terms in Turkish newspapers

Koç N. Yeni Dilbilgisi, İnkılâp Yay, İstanbul, 1996. 410 p.

Korkmaz Z. Gramer terimleri sözlüğü. Ankara: Atatürk kültür, dil ve tarih yüksek kurumu TDK yayınları, 1992.

Lewis G. The Turkish language reform. A Catastrophic Success. New York: Oxford University Press Inc., 1999.Lexicology and Corpus Linguistics. M.A.K. Halliday, W. Teubert, C. Yallop, A.Cermakova. Continuum. London, 2004.

Özdemir E. Açıklamalı-Örnekli Deyimler Sözlüğü Bilgi Yayınevi, Ankara 2000.

Özezen M. Yu. Türkçe deyimler üzerine birkaç söz // URL:http://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20DILI/2.php

Özön M. N. Türkçe Tâbirler Sözlüğü, İstanbul: Remzi Kitabevi, 1945.

Safa P., La révolution linguistique et le problème des termes scientifiques en Turquie / Civilisations Vol. 2, No. 1 (1952), Published by: Institut de Sociologie de l'Université de Bruxelles. pp. 41-45

Saraçbaşı M.E. Örnekleriyle büyük deyimler sözlüğü’ Yapı kredi yayınları 2010. 1328 p.

Sułkowska Monika. De la phraséologie à la phraséodidactique Études théoriques et pratiques. Wydawnictwo Uniwersytetu Slanskiego Katowice 2013, 326 p.

Şentürk N. Atasözleri — Deyimler — Özdeyişler. Uygun Matbaacılık, 1999. 294 p.

Türk Dil Kurumu. Türkçe Sözlük, Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara. 1988. 1679 p.

Tülek L. Klişeler kitabı. Sel Yayıncılık, 2008. 136 s.

Vardar B. Açıklamalı dilbilim terimleri sözlüğü. Multilingual, 2002. 31.:

Vardar Berke. İşlevsel Dilbilimde Temel İlkeler ve Yeni Yönelişler // URL http://www.journals.istanbul.edu.tr/iudilbilim/article/view/1023018223/032.

Şentürk Nazmi. Atasözleri, deyimler ve özdeyişler. Mutlu yayncılık. İstanbul, 1999.

Uzum B., Uzum M. The Historical and Linguistic Analysis of Turkish Politicians’ Speech # Springer Science+Business Media, LLC 2010.

Yazan B. Adhering to the languge roots: Ottomann Turkish campaigns on Facebook. Language policy. Date: 23 Jan 2015 // URL: http:// link.springer.com/article/10.1007%2Fs10993-015-9355-1

Yükseler H. Turkish language reform: An early exemple of language planning // URL:
http://twpl.library.utoronto.ca/ index.php/twpl/article/ viewFile/6429/3417
https://www.malumatfurus.org/tdk-uydurma-kelimeler/

ПСІХАЛОГІЯ. ПЕДАГОГІКА. АДУКАЦЫЯ

Марина Можейко[1]

Профессия как предмет выбора: становление и роль феномена образования в европейской культуре

Marina Mojeiko

Profession as a Subject of Choice: Formation & Role of a Phenomenon of education in European Culture

Ключевые слова: передача исторического опыта, обучение, образование, воспитание, ценности, постметафизическое мышление, этика кодекса, этика творчества.

Key words: transfer of historical experience, training, education, upbringing, values, post-metaphysical thinking, ethics of code, ethics of creativity.

Резюме: Образование рассматривается в статье через призму истории европейской культуры. С одной стороны, оно воплощает в себе основополагающие основы европейского стиля мышления и ценности традиционной культуры, с другой, в свою очередь, является фактором, который во многом определяет тенденции европейского развития. В целом, западный тип образования – это своего рода «визитная карточка» европейской традиции.

Abstract: Education is considered in the article through the prism of the history of European culture. On the one hand, it embodies the underlying foundation of the European style of thinking and values of traditional culture, on the other, in turn, it is the factor which largely determines the trends European development. At the whole, the western type of education it is a sort of hallmark of the European tradition.

Выбор профессии – этот речевой оборот воспринимается сегодня как естественный, в то время как возможность этого выбора – значимое достижение культуры человечества, равно как и возможность получения профессии посредством института образования.

Образование в его современном виде даже считается своего рода визитной карточкой европейской культуры и, собственно, любой культуры западного типа. Само формирование техногенной цивилизации во многом обусловлено возникновением в античной культуре феномена образования, так как становление цивилизации нового образца связано в европейской

[1] Белорусский государственный университет культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, Минск, Республика Беларусь.

истории с существенными изменениями способов передачи культурного наследия от поколения к поколению.

Для ранних стадий развития мифологического сознания характерен именной тип наследования социального опыта, предполагающий жесткое сопряжение знаний о социальных ролях того или иного типа (а также соответствующих им правах и обязанностях индивида в общине) с именем, которое дается субъекту при рождении (детское имя, соответствующее сценариям поведения ребенка) и – позднее – при обряде инициации (имя взрослого, наделяющее субъекта статусом полноправного члена общины)[1]. В традициях, культивирующих данный способ передачи исторического опыта, не возникает необходимости в обучении как особом виде деятельности: вся необходимая информация о свойственном такому обществу социальных ролях имплицитно заложена в наборе используемых имен, который характерен для той или иной социальной общности и зависит от специфики присущей ей деятельности.

Формирование семейно-профессиональной модификации этого механизма фактически ничего не меняет: он по-прежнему имеет своим адресатом конкретного субъекта – носителя имени, данный субъект лишь становится коллективным: имя апплицируется не на индивида, но на семью (династии врачевателей, именующие себя, *асклепидами*, т. е. *сыновьями Асклепия*, или кузнецов, *гефестидов*, в Греции Крито-микенского периода)[2]. Данный вариант культуры также не нуждается в институте обучения: освоение профессиональных технологий и соответствующих им социальных ролей осуществлялось имплицитно – благодаря непосредственному включению ребенка в систему семейно-производственных отношений.

На смену традиционному механизму передачи исторического опыта от поколения к поколению приходит образовательный способ трансляции социальной информации, предполагающий дистанцирование транслируемой технологии деятельности или программы поведения, с одной стороны, и социально детерминированных, ситуативных аспектов – с другой.

[1] Ю.М. Лотман, Б.А.*Успенский, Миф – имя – культура*, [в:] Ю.М. Лотман. Семиосфера. Издательская группа «Искусство – *СПБ»,* Санкт-Петербург 2000, с. 525-543.

[2] М.К. Петров, *Язык, знак, культура*. Editorial-URRS, Москва 2004, 328 с.; М.К. Петров, *Пираты Эгейского моря и личность*, [в:] М. К. Петров. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. РОССПЭН, Москва, 1995, с. 177-237.

Это связано с тем, что в отличие от традиционных сельскохозяйственных систем Древнего Востока, древнегреческий тип хозяйствования основывался на существенной дифференциации ремесленной деятельности. Это связано с тем, что в условиях засушливого климата Пелопоннеса с его сложным рельефом сельскозяйственные наделы (клеры, располагающиеся вокруг полиса) были совсем немногочисленными[1]. И если веер возможных социальных ролей субъекта традиционного восточного общества ограничивался чрезвычайно узким набором вариантов (крестьянин, подданный, сын, отец, муж), то для античной культуры характерна существенная его версификация. Грек, как правило, не мог прокормить семью сельскохозяйственным трудом и вынужден быть испробовать несколько профессий. Рассказывая об отце, Гесиод в «Трудах и днях» упоминает, как тот «В поисках добрых доходов <…> / Длинной дорогой морской, эолийскую Киму покинув», уплывает с товаром «Не от избытка, богатства иль счастья оттуда бежал он,/ Но от жестокой нужды»[2]. И чтобы реализовать это, он должен был последовательно стать и ремесленником, и корабелом, и мореходом, и торговцем, etc. Аналогично, в общественном плане гражданин полиса мог в течение своей жизни быть избран и стратегом, и архонтом и т.п. Например, законодатель Солон, принадлежавший к аристократическому роду Кодридов, до избрания архонтом занимался морской торговлей[3]. Как та, так и другая ситуация предполагают необходимость освоения соответствующих профессиональных и социальных технологий, что и порождает необходимость возникновения обучения как целенаправленной деятельности и образования как специального института. Классическим примером выступают школы софистов, обучающие риторике тех, у кого возникала необходимость реализации себя на поприще полисной политической жизни. В эпоху Солона был даже принят закон, согласно которому взрослый сын не был обязан содержать престарелого отца, если последний в свое время не отдал его в обучение ремеслу[4].

---

[1] A. Moreno, *The Attic Neighbour: The Cleruchy in the Athenian Empire, [in] Interpreting the Athenian Empire. Duckworth*, London 2009, p. 211-221.

[2] Гесиод, *Труды и дни*, [в:] Гесиод. *Полн. собр. текстов*. Лабиринт, Москва 2001, с. 70-71.

[3] Плутарх, *Солон,* [в:] Плутарх. *Избранные жизнеописания* в 2-х т-х. Т. 1, Правда, Москва 1987, с. 158.

[4] Ibidem, с. 178.

Таким образом, образование как социальный институт изначально сформировалось не только на основе традиционной культуры и ее ценностей, но и с целью сохранения и трансляции последних – как в технологическом, так и в ценностном планах. Трансляция технологий, прикладных умений выступает одной из важнейших ценностей исходного варианта образования как феномена европейской культуры, и это существенно скажется на развитии образования в контексте традиции Запада.

Образование обретает в культуре западного образца атрибутивный статус: без этого социального института культура не только не может существовать, но даже не может себя и помыслить. Даже в тех сферах, где их имманентные характеристики, казалось бы, не предполагают возможности обучения, последнее конституируется и играет не просто существенную, но доминирующую роль.

Наиболее наглядные примеры такого рода демонстрирует христианская европейская традиция. Казалось бы, христианство как религия остро теистическая, обладающая развитой мистической традицией, центрированной на феномене откровения, должна была бы осторожно относиться к идее обучения, поставленного на рациональную основу (равно как и поставленного – с возникновением средневековых университетов – на поток). Если воспользоваться выразительной терминологией Тертуллиана (*Quid ergo Athenis et Hierosolimis? – Что общего у Афин и Иерусалима?*)[1], активно использованной впоследствии Л.И. Шестовым[2], то семантическую локализацию европейской культуры можно определить как *между Афинами и Иерусалимом*. Аналогично и Вольтер называл платонизм отцом христианства, а иудаистскую религию – его матерью[3]. Эта двоякая отнесенность конституирует христианскую традицию Европы как аксиологически амбивалентную: *Иерусалим* задает требования сокровенности, потаенности, глубины иносказания (проявляющиеся в апофатической теологии), *Афины* – системности знания, рациональности оснований, логической прозрачности (что находит свою реализацию в катафатической теологии, пытающейся построить рационально артикулированное учение о Боге).

[1] Тертуллиан Квинт Септимий Флорент, *О прескрипции [против] еретиков (De Praescriptione Haereticorum*), [в:] Тертуллиан. *Избранные сочинения.* Издательская группа «Прогресс – Культура», Москва 1994, с. 106-129.

[2] Л.И. Шестов, *Афины и Иерусалим*. Рипол Классик, Москва 2017, 414 с.

[3] Ф.М.А. Вольтер, *Философские сочинения*. Наука, Москва 1988, 751 с.

Соответственно, богословская традиция Европы, с одной стороны, характеризуется ярко выраженной теистической ориентацией, предполагающей остро личностно артикулированную персонификацию Бога. Этому соответствует, например, интерпретация феномена Откровения как явления истины страждущему ее – по воле Божьей. Бог понимается как субъект, отношение к которому (отношения с Которым) переживаются как сугубо личные и при этом – внерациональные, открывающие возможность перехода непроходимой грани между дольним и горним мирами (перехода, который, в свою очередь, не подвластен рассудку и не может быть рационально осмыслен).

В этом контексте фундаментальным для мистической традиции является признание невербализуемости мистического опыта. Неинтерсубъективность мистического опыта и протекание акта Откровения делает невозможным приобщение к мистической практике посредством освоения традиции, обучение выступает в мистических традициях как личное курирование новичка носителем мистического опыта – наставника, обладающего духовной силой: гуру в индуизме, *пир* в суфизме, *цадик* в хасидизме и т.п.

Между тем христианская Европа демонстрирует отчетливое доминирование традиции рационально-формализованной схоластики над традицией мистической. Наследуя традицию античного рационализма, христианская культура Запада порождает в своем контексте теологию как рационально организованную теоретическую дисциплину. В теоретическом плане эта тенденция наиболее полно проявилась в развитии схоластики, в организационном – в создании теологических факультетов в средневековых европейских университетах (начиная с открытия теологического факультета в Парижском университете в I-й половине XIII в.) – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Так, Фома Аквинский, рассуждая о предмете теологии, полагает, что в качестве такового выступает Бог в аспекте своей божественности: сущности, но не проявлений – deus sub ratione deitatis[1]. Аналогично Doctor Subtilis – Тонкий Доктор – Иоанн Дунс Скот обосновывает заключение о том, что теология есть самая сложная из образовательных дисциплин, на основании такого критерия, как сложность ее объекта: чем сложнее объект той или иной дисциплины, тем более сложной должна считаться, с точки зрения Иоанна Дунса Скота, и сама дисциплина, – в силу этого

[1] Фома Аквинский**,** *Сумма теологии* в 7 ч-х, Ч. 1(1): Вопросы 1-43. Ника-Центр, Эльга, Киев – Элькор-МК, Москва 2002, с. 79-88.

дисциплиной наиболее сложной, разумеется, должна быть признана теология, поскольку ее предмет – Бог – является наисложнейшим[1].

Однако в контексте теизма рассмотрение персонифицированного Бога в качестве предмета по меньшей мере кощунственно. Более того, в рамках теистической парадигмы богопознание в принципе не может артикулироваться как субъект-объектный процесс: созерцание как когнитивная процедура оказывается взглядом в очи Господни, а потому, по Библии, познание Бога может быть лишь трепетными «исканием лика Божьего» (Пс, 23, 6).

Принципиальная непредметность Бога эксплицитно зафиксирована (со ссылкой на библейский текст – Пс, 13, 1) уже в «Прослогионе» Ансельма Кентерберийского: «одно дело, когда вещь есть в разуме, а другое – если разум мыслит ее как то, что есть», ибо «может быть, сущности такой нет, коль скоро сказал безумец в сердце своем “Нет Бога”?»[2]. Пафос протестантской диалектической теологии (К.Барт, Р.Нибур и др.) также питается радикальной критикой предметного знания о Боге, etc.

Сколь ни называй теологию doctrina sacra[3] (а эта традиция, восходящая к Фоме Аквинскому, стала атрибутивной для христианского богословия[4]), тем не менее дисциплинарно организованное спекулятивное учение об откровении и вере, в сущности, не имеет соприкосновения с самим сокровенным актом откровения и с живой верой. Подход к сакральной тайне как к интеллектуальной головоломке (равно как и превращение интимного акта Откровения в предмет публичного учебного диспута) есть, с точки зрения теизма, профанация великой мистерии богопознания.

С культурологической точки зрения аксиологическая амбивалентность христианской теологии как дисциплинарно организованного концептуального учения о неконцептуализируемом акте откровения есть, может быть, наиболее интимно значимое, а потому самое

[1] Блаженный Иоанн Дунс Скот, *Избранное*. Издательство Францисканцев, Москва 2001, 583 с.

[2] Ансельм Кентерберийский, *Прослогион*, [в:] *Памятники средневековой латинской литературы X–XI вв.* Наука, Москва 1972, с. 250-251.

[3] Фома Аквинский, *Сумма теологии* в 7 ч-х, Ч.1 (1): Вопросы 1-43. Ника-Центр, Эльга, Киев – Элькор-МК, Москва 2002, с. 3-19.

[4] G. Mansini, *Fundamental Theology*. The Catholic University of America Press, Washington, D. C. 2018, 304 p. (Sacra Doctrina Series); R.F. Martin, *Sacra Doctrina and the Authority of its Sacra Scriptura: According to St. Thomas Aquinas*, [in:] *Pro Ecclesia*, 2001, No 10 (1), p. 84-102.

экспрессивное выражение амбивалентности социокультурных корней христианской культуры в целом. Последняя дихотомично артикулируется в бинарных оппозициях эллинистического Запада и византийского Востока, рационального знания и иррациональной веры, античной философии и библейской мифологии, наконец – Ветхого и Нового Заветов.

Иными словами, абсолютность ценности образования как такового для европейской культуры приводит к тому, что законы формально-логического рационального мышления аппплицируются на религиозный опыт как принципиально внеконцептуальный. Отношение к теологии как к системе рационального знания имплицитно предполагает возможность знания ложного. Цена же – грех – непомерно велика, ибо впадение в ошибку чревато впадением в ересь, а неверность теории – неверием. Неслучайно большинство гонимых еретиков в средневековой Европе составляют мнящие себя добрыми христианами теологи-рационалисты.

Превращение теологии в учебную дисциплину еще более усугубило эту ситуацию, поскольку неверный ответ на экзамене оказывался чреватым впадением в ересь (не говоря уже о сугубо социальных проблемах: проблема поступления и критерия отбора абитуриентов; проблема симонии, то есть взяточничества и т.п. – все эти нарушения социально-правовых норм обретает новое изменение, оборачиваясь смертными грехами). В более широкой проекции всемерное развитие христианской учености приводит в Западной Европе к ситуации, которую Франциск Ассизский предельно негативно оценивал как недопустимую, ибо негоже, когда для спасения души необходимо знание латыни, ибо «Господь дарует речь немому и речь простодушного наполняет мудростью»[1].

Узел этих проблем осмысливается христианской культурой именно в том аксиологическом ракурсе, который основан на презумпции неприкосновенности традиционных (в данном случае – христианских) ценностей. Причем в мягком своем проявлении данная тенденция приводит к ограничению разрушающего воздействия тотального формализованного рационализма на сокровенное содержание веры: в средневековых университетах официально запрещаются диспуты между теологами и философами. В наиболее радикальном своем выражении – к формированию

[1] *Цветочки Святого Франциска Ассизского*, [в:] *Цветочки Святого Франциска Ассизского. Рассмотрения Таинства Святых Стигматов. Хроника Святого Франциска. Житие брата Джинепро*. Издательская группа «Святой Франциск Ассизский», Санкт-Петербург 2011, с. 39.

в культуре альтернативного аксиологического вектора, выражающего себя в отторжении книжной учености, раннефранцисканскому культивированию отказа от грамоты и т.п.

Однако традиция уже укоренилась в культуре: главным в образовании становится обучение, формируется дедуктивный тип выведения частного знания из общих постулатов. Феномен обучения стабильно выступает одним из базисных феноменов культуры европейского типа. Наряду с развитием в эпоху Просвещения такого жанра, как *роман воспитания*, делающего акцент на личностном развитии героя, в общем контексте развития европейской педагогики важнейшим ее вектором остается передача знаний, к чему позднее добавятся умения и навыки, что вполне укладывается в традицию европейского рационализма и практицизма.

Мы помним, что слово *образование* этимологически восходит к слову *образ* и предполагает проявления в человеке образа Творца, но при этом мы говорим сегодня *образование и воспитание*, не задумываясь над тем, что тем самым невольно отождествляем образование с обучением, иначе имплицитно включали бы воспитательные процессы в контекст образования и не было бы нужды оговаривать его отдельно.

Разумеется, данные формулировки жестковаты, поскольку в европейской педагогике можно найти альтернативные идеи, и немало (в содержательном диапазоне от педагогики *спонтанной активности* М. Монтессори до *гуманной педагогики* Ш.А. Амонашвили), тем не менее семантические и ценностные сдвиги в сторону обучения имеют место быть... Английский язык, как и русский, дифференцирует *education* как образование и *training* как обучение, но современные словари уже не делают разницы: *education* трактуется уже и как образование, и как обучение.

Что же касается воспитания как такового, то реально говорить о нравственном образовании, которое поставлено на рационально-логическую дедуктивную основу: в этом плане и христианский *Декалог*, и *Моральный кодекс строителя коммунизма* по механизму своего должного применения предполагают одинаково дедуктивные процедуры *выведения* правильного в той или иной конкретной ситуации поступка из общего правила.

В этом контексте проблемы морали обретают новое измерение.

Традиционная этика, определяющая себя как теория морали и видящая свою цель в обосновании модели достойной жизни, на протяжении всей своей истории практически выступала как обоснование той или иной

конкретной моральной системы, фундированной конкретной интерпретацией таких понятий, как добро, зло, долг, честь, совесть, справедливость, смысл жизни и т.д. Нормативный характер этики эксплицитно постулируется кантовской рефлексией над теорией морали, – фактически этика всегда конституируется в качестве учения о должном, обретая характер практической философии.

Что же касается современной культуры постнеклассического типа, то ее исходное пафосное самоопределение основывалось на том, что в семантико-аксиологическом пространстве постмодерна этика – в традиционном ее понимании – вообще не может быть конституирована как таковая.

Тому имеется несколько причин.

1. Гомогенность ценностного пространства культуры постмодерна.

Парадигмальные сдвиги, характеризующие современный стиль мышления, приводят к тому, что культура постмодерна начинает рефлексивно осмысливать себя как программно релятивную. Прежние культурные традиции ретроспективно оцениваются как центрированные вокруг так называемых «метанарраций», то есть парадигмальных интерпретационных матриц, претендующих на универсальность и осуществляющих своего рода «легитимацию» знания, социальных институтов, стиля мышления и т.п. (так, еретические учения не могут быть легитимированы в контексте «христианской метанаррации» западноевропейского средневековья, обскурантистские – в контексте «метанаррации Просвещения», диссидентские – в контексте «советской метанаррации» и т.д.).

Современная культура понимается постмодернизмом как культура «заката метанарраций», то есть радикального отказа от «метанарративов», претендующих на статус не только матриц семантико-интерпретационных и аксиологических процедур, но и нормирующих рамок всех типов поведения. В этом отношении само понятие ценностного приоритета может быть, по мысли Ф. Джеймисона, отнесено к отвергаемым в современной теории, ибо в последней нет места делению на истинное и ложное, приемлемое и неприемлемое[1]. В этом отношении культура предполагает возможность взаимодействия различных (не исключая альтернативных)

[1] Ф. Джеймисон, *Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*. Красико-принт, Минск 1996, с. 118-137.

традиций. Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, в постмодернистском культурном контексте «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями, профессиями, институциями и историческими традициями, теряют свою силу»[1]. По определению Ф. Гваттари, «все годится, все приемлемо»[2]. Вследствие этого среди актуализирующихся в постмодернистском социуме поведенческих стратегий ни одна, по оценке Р. Рорти, «не обладает привилегиями перед другими» (ни в смысле лучшего отражения человеческой природы, ни в плане наиболее глубокого выражения гуманистических установок, – они просто плюральны и вариативны[3].

Этика же не просто аксиологична по самой своей сути, но и программно нормативна, в силу чего не может быть конституирована в традиционном своем качестве в условиях мозаичной организации культурного целого. Д. Мак-Кенс постулирует в этом контексте возможность этики лишь в смысле *открытой* или *множественной*, если понимать под множественностью не простой количественный плюрализм, но принципиальный отказ от возможности конституирования канона[4].

2. Отказ от идеи бинарных оппозиций в культуре постмодерна.

Все уровни системной организации этики как теоретической дисциплины основаны на принципе бинаризма: парные категории (должное – сущее, добродетель – порок и т.д.), альтернативные моральные принципы (аскетизм/гедонизм, эгоизм/коллективизм, альтруизм/утилитаризм и т.д.), противоположные оценки и т.п. – вплоть до необходимой для конституирования этики возможности бинарной оппозиции добра и зла, – между тем парадигмальные трансформации современного стиля мышления обусловлены идеей многозначности эволюционных векторов (своего рода веер возможностей развития) и в силу этого характеризуется программным отказом от самой идеи бинарных оппозиций. Именно отсюда и проистекает

[1] Ж.-Ф. Лиотар, *Постмодернистское состояние: доклад о знании*, [в:] *Философия эпохи постмодерна.* Красико-принт, Минск 1996, с. 144-145.

[2] [Ф. Гваттари], *Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе: Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттин*гер, [в:] *Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция perversus*. ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург 1998, с. 23.

[3] R. Rorty, *Contingency, Irony & Solidarity*. Cambridge University Press, Cambridge 1989, p. 38.

[4] Д. Мак-Кенс, *Этика в постсовременной перспективе*, [в:] *Философские науки*, 1996, № 1-4.

сложившаяся в ментальном пространстве постмодерна ситуация, в которой, по оценке Ж. Деррида, в принципе немыслим дуализм (даже в самой фундаментальной форме – дихотомии добра и зла)[1].

3. Идиографический отказ от жесткого дедуктивизма.

Современной культуре присуща презумпция идиографизма, то есть установкой на рассмотрение каждого единичного феномена в качестве *события*, адекватная интерпретации я которого предполагает его рассмотрение в качестве неповторимо уникального, что в итоге означает финальный отказ от любых попыток формулировки универсальных закономерностей и аксиологических шкал.

В подобной системе отсчета этика, традиционно предполагающая подведение частного поступка под общее правило (кодекс) и его оценку исходя из общезначимой нормы, также не может конституировать свое содержание в прежнем статусе.

Если традиционная этика интерпретирует регуляцию человеческого поведения как должную быть организованной по сугубо дедуктивному принципу, то современная постнеклассическая культура ориентируется на радикально альтернативные стратегии, предлагая модели самоорганизации человеческой субъективности как автохтонного процесса – вне навязываемых ей извне регламентаций и ограничений со стороны тех или иных моральных кодексов.

В этом контексте постнеклассический тип философствования демонстрирует интенцию к расширительной интерпретации понятия творчества, экстраполируя его на процессы объективации того потенциала самоорганизации, которым обладают социальные и социально-психологические среды. Центральным понятием таких концепций является понятие «хюбрис» (франц. l'hubris – от греч. ubris – необузданность, невоздержанность, бесчинство). Данный термин (при отсутствии соответствующего слова в обыденных языковых практиках) используется в современной западной философии для обозначения предпороговых форм стихийных процессов, задающих неустойчивые параметры функционирования определенной системы и открывающих возможности *самотворчества* ею новых форм своего бытия.

Центральным моментом трактовки современного понимания творчества, таким образом, является отказ от анализа внешней

[1] Ж. Деррида, *Диссеминация (La Dissemination).* У-Фактория, Екатеринбург 2007, с. 146.

детерминации процессов преодоления хюбрис-состояния и рассмотрение их в качестве динамики самоорганизации социальных сред.

Так, рассматривая специфику человеческого действия как такового, Х. Аренд отмечает хюбрис в качестве его атрибутивной характеристики: любое действие (каковым бы ни было его содержание), всегда имеет внутреннюю тенденцию преодолевать внешние ограничения и пресекать извне заданные границы. Невозможность подчинения этого хюбрис-состояния любой внешней нормативной детерминации неизбежно сопряжена с неотъемлемой от него непредсказуемостью, в силу чего Х. Аренд радикально отказывает в адекватности любому невероятностному прогнозу социальной динамики – не в силу ограниченных способностей человеческого разума (в противном случае, компьютер мог бы однозначно предсказывать будущее), но в силу принципиальной невозможности однозначного прогноза в этой сфере[1].

В качестве одного из наиболее рельефных примеров, демонстрирующих постнеклассическую попытку переориентации от этики кодекса к этике творчества может служить модель, предоженная М. Фуко.

М. Фуко рассматривает хюбрис в масштабе индивидуального существования, и полагает, что применительно к данной размерности хюбрис является онтологически заданным и потому атрибутивным («необузданность здесь предстает как нечто фундаментальное»[2]).

При этом М. Фуко оценивает тезис о том, что мораль предполагает дедуктивное выведение правильного модуса поведения из универсально обязательного канона, который целиком заключается в запретах, в качестве ошибочного. В противовес традиционно сложившимся парадигмам (классическим образцом которых выступает для М. Фуко психоанализ), управление хюбрис трактуется им не с точки зрения исторически дифференцированных ограничений извне (со стороны соответствующих социальных институтов и моральных кодексов), но через призму идеи самоорганизации.

М. Фуко строит свою модель основе анализа античной культуры (в отличие от жестко регламентированной средневековой) и трактует управление хюбрис как возможное на основе создания индивидуально-ситуативных правил поведения – М. Фуко обозначает их как *практики*

[1] Х. Арендт, *Ситуация человека*: Разделы 24-26 главы V, [в:] *Вопросы философии*, 1998, № 11, с. 131-141.

[2] М. Фуко, *Забота об истине: Беседа с Франсуа Эвальдом,* [в:] М. Фуко. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Касталь, Москва 1996, с. 309.

существования или *техники себя*), позволяющие индивиду придать своей жизни определенные культурно значимые формы (*эстетики существования*) и конституировать себя в качестве социально адаптированного и гармоничного субъекта.

В свете этого вопросы преодоление необузданности применительно к античной культуре рассматриваются М. Фуко «в их отношении к определенному искусству жить»[1], и в практической своей плоскости обуздание l'hubris предполагает «некоторый стиль морали, который есть овладение собой»[2].

Фактически М. Фуко ставит проблему нравственного творчества как выработки формы, которую следует придать своему поведению и своей жизни, – «в рамках этой этики необходимо создавать себе правила поведения, благодаря которым можно обеспечить <…> владение собой»[3].

Подобные *техники себя*, по оценке М. Фуко, являются принципиально творческими и не имеют ничего общего с дедуктивным подчинением ценностно-нормативному канону как эксплицитной системе предписаний и, в первую очередь, запретов. Более того, сам *принцип стилизации* не является универсально необходимым, жестко ригористичным и требуемым от всех, но «имеет смысл и актуальность лишь для тех, кто хочет придать своему существованию возможно более прекрасную и завершенную форму»[4].

Тем самым процессуальность нравственной жизни трактуется М. Фуко в качестве «некоторого практикования себя, целью которого является конституирование самого себя в качестве творца своей собственной жизни»[5].

С точки зрения М. Фуко, применительно к постнеклассической культуре дедуктивно выстроенный канон, чья реализация осуществляется посредством механизма запрета альтернативных ему сценариев поведения, вообще не является и не может являться формообразующим по отношению к современной морали, – речь может идти лишь о своего рода *стилизации поведения*.

Таким образом, рассмотрение социальных процессов с точки зрения их креативного потенциала самоорганизации приводит в современной

---

[1] Ibidem, с. 309.
[2] Ibidem, с. 316.
[3] Ibidem, с. 316.
[4] Ibidem, с. 305.
[5] Ibidem, с. 314.

постнеклассической философии к формулировке идеи непродуктивности механических (силовых) форм контроля и регламентации процессов, протекающих в социальных и социально-психологических средах.

В обрисованной системе отсчета традиционная этика, неизменно предполагающая подведение частной ситуации под универсальное правило, дедуктивное выведение сценария конкретного поступка из общего кодекса, а его оценку – из общезначимой нормы, не может сохранить прежний социокультурный статус.

Соответственно, современная философия артикулирует моральное поведение не в качестве соответствующего заданной извне норме, но в качестве продукта особой – имманентной и строго индивидуальной) творческой работы. Фактически речь может идти своего рода переходе от этики кодекса, предполагающей подведение частного случая в его уникальной неповторимости под общее и потому не соответствующее ему правило, к этике творчества, ориентированной на выработку в каждом конкретном случае особого сценария морального поведения. Это предполагает новое понимание нравственного сознания и морального действия, трактуемого как результат имманентного творческого усилия человеческого сознания.

Констатируя востребованность в современной культуре новых форм нравственного сознания (этики творчества взаимен традиционной этики кодекса), постмодернизм фактически выполняет исконную функцию философии, а именно – функцию рефлексивного осмысления культурой своих фундаментальных оснований и тенденций развития. И едва ли найдутся желающие оппонировать позиции М Фуко применительно к той части его концепции, которая посвящена анализу статуса традиционной этики (этики нормы как этики запрета) в современной культуре. М. Фуко бесспорно прав, констатируя невозможность формирования духовности современного человека на основе усвоения лишь традиционных ценностей и идеалов и утверждая необходимость формирования этики самосозидания как этики нового типа, опирающейся не на дедуктивизм, но на постижение сущности каждого ситуативно уникального прецедента морального выбора.

Вместе с тем практические предложения, содержащиеся в этой концепции, более чем уязвимы для критики.

Прежде всего, радикальный отказ от презумпции ригористичной обязательности исполнения постулируемых моралью нравственных максим лишает их регулятивного потенциала и превращает в гипотетические

вербальные структуры, чья модальность переходит из регистра действительности/действенности в регистр возможности/невозможности.

Кроме того, предложенная М. Фуко модель не может работать как практическая нравственная система, поскольку любая этика самосозидания, которая строится как этика творчества в противоположность этике кодекса, может иметь место в том и только в том случае, если опирается на четко осознанные аксиологические приоритеты, если сознание индивида, практикующего ситуативно-идиографически выстраиваемые эстетики существования, фундировано вполне определенными ценностными системами.

В противном случае, вне четко выстроенных аксиологических приоритетов, практики творчества себя становятся игрой без цели, превращаясь в бесконечный процесс примеривания на себя всех возможных моделей поведения, без оглядки на их приемлемость как для окружающих, так и самого индивида. Процесс самовыстраивания превращается в процессуальность самоварьирования как нерезультирующуюся самоценность.

Это связано с тем, что этика как таковая по своей природе атрибутивно метафизична, ибо, как любая метафизика, предполагает ориентацию на поиск глубинных сверхчувственных оснований бытия (в данном случае – бытия морали). Тем более это касается этики творчества, не связанной с жесткой нормой и делающей акцент на мотивировке нравственного выбора, предполагающей свободу индивида в определении той ценности, во имя торжества которой он будет выстраивать свой нравственный поступок. Собственно, этика творчества возможна в том и только в том случае, если конституируется как этика ценности. Иными словами, подобное нравственное самовыстраивание, творческий потенциал которого бесспорен и очевиден, возможно лишь в контексте наличия ценностей, метафизически (сверхчувственно) артикулированных для индивида и потому безусловных для него.

В силу этого попытки постмодернизма сформулировать основоположения новой морали в концептуальном пространстве постметафизического мышления остаются лишь оригинальным теоретическим экспериментом, мало что могущим дать для практической морали. И связано это не только и не столько с их эпатажной экстравагантностью, сколько с тем неумолимым обстоятельством, что вне глубинного – на уровне фундаментальных культурных ценностей – дистанцирования добра и зла нравственное сознание в принципе

невозможно. И если культура постмодерна пытается формировать свою мораль на основе постметафизического мышления, программно релятивизирующего рамки нравственного выбора и постулирующего любой его вариант как один из равновозможных и равноприемлемых, то она с неизбежностью приходит к осознанию тщетности этой попытки.

Базовый для постмодернизма теоретический постулат *не более так, чем иначе*, изначально рассматривавшийся сугубо в плане стилистического плюрализма нравственного самотворчества (как своего рода маркер антидогматической установки сознания творящего себя субъекта), в массовом – и зачастую огрубляюще дилетантском – его прочтении воспринимается как снятие запретов с любых форм социального поступка. На практике обрисованная позиция оборачивается не чем иным, как нигилизмом и вседозволенностью: значимым оказывается не сам поступок, но изощренность его разнообразных интерпретаций, которой владеет или не владеет совершивший его субъект. За множественностью разнообразных и подчас взаимоисключающих трактовок сама суть поступка остается практически не подлежащей какой бы то ни было оценке, коль скоро этих оценок может быть – в различных системах отсчета – неограниченно много.

Однако подобный нравственный плюрализм, характеризовавший культуру постмодерна в течение нескольких десятилетий, в настоящее время подвергается радикальному переосмыслению, причем переосмыслению, имеющему очевидную ценностную артикуляцию. Рубежным моментом подобного поворота в культуре выступил феномен, который получил в современной культуре наименование *феномена 11 сентября* и под которым понимается наличная угроза существования современной цивилизации со стороны самой этой цивилизации. – Под давлением реалий внекультурного порядка современная культура с неизбежностью пришла к осознанию того обстоятельства, что вне метафизически определенного дистанцирования добра и зла невозможным оказывается само существование человека как homo culturis. Так, Н.А. Бердяев, постулируя свою философию как монистическую, тем не менее говорит о необходимости дуализма не онтологического, но аксиологического характера – построении метафизики, которая «не будет рациональной системой»[1].

В соответствии с этой тенденцией постмодернизм в описанном (классическом) его варианте сменяется в настоящее время пост-

[1] Н.А. Бердяев, *Самопознание: Опыт философской биографии*. Мысль, Москва 1991, с. 103-104.

постмодернизмом, программно постулируя необходимость формирования своего рода культурного неоклассицизма, предполагающего своего рода реанимацию и реставрацию утраченных значений базовых мировоззренческих оснований культуры. В этих условиях провозглашенная постмодернизмом парадигма постметафизического мышления практически оказывается исчерпанной; все более очевидно проявляет себя тенденцией своего рода ренессанса метафизики, то есть возврата философии к общечеловеческим ценностям классической культуры[1].

Вместе с тем сформированная в современной культуре установка на понимание нравственного сознания как творческого (ориентированного не на дедуктивное исполнение кодекса, но на совершенствование личности в процессе нравственного творчества себя) отнюдь не изжила себя.

Иными словами, в контексте пост-постмодернистской культуры могут быть зафиксированы две взаимосвязанных тенденции: с одной стороны, постметафизическое мышления и вырастающая из него эпатажная мода на мораль всевозможности (вседозволенности) на сегодняшний день могут быть оценены как пройденный этап; с другой – возврат современного нравственного сознания к традиционной ригористической этике кодекса едва ли возможен.

В этих условиях в фокусе внимания современной культуры оказываются те сложившиеся в классической традиции философские и религиозные этические концепции, которые, будучи основанными на классической метафизике, тем не менее базируются на презумпции индивидуального внутреннего творчества, направленного на духовное самосовершенствование. Последнее может быть достигнуто лишь посредством внутренней работы нравственного субъекта с мотивом своего поступка, что, в свою очередь, возможно лишь при условии интериоризации индивидом определенных культурных ценностей, детерминирующих, в конечном итоге, его нравственный выбор. Отсюда вытекает особая акцентировка в современной культуре процесса воспитания как формирования индивида, способного к такой внутренней работе над собой, к напряженной и неустанной деятельности по самосовершенствованию.

Таким образом, на смену этике нормы как этике вынужденного (дедуктивного) выполнения общего предписания может придти лишь такая этика творчества, которая понимается как этика ценности, то есть

[1] М.А. Можейко, *After-postmodernism*, [в:] *Постмодернизм: Энциклопедия,* Интерпрессервис – Книжный дом, Минск 2001, с. 8-9.

свободной объективации в поступке сознательно избранного индивидом аксиологического идеала. Именно поэтому на смену связке ***этика кодекса – обучение*** приходит новое единство: ***этика творчества – воспитание***.

* * *

Таким образом, получаение образования как инструмент выбора профессии становится визитной карточкой не только культуры западного образца, но – с течением времени – и всей культуры современного техногенного общества в целом. Это обеспечивает высокую теоретическую и инструментально-технологическую подготовку современного специалиста и может считаться оптимальным способом подготовки к профессиональной деятельности. И поскольку образование предполагает неразрывное единство обучения и воспитания, постолько избыточный акцент на первом в ущерб второму может приводить к трансформациям нравственного сознания и аксиосферы культуры в целом с далеко идущим последствиям.

Библиография:

Литература:

Mansini G., *Fundamental Theology*. The Catholic University of America Press, Washington, D.C., 2018, 304 p. (Sacra Doctrina Series)**.**

Martin R.F., *Sacra Doctrina and the Authority of its Sacra Scriptura: According to St. Thomas Aquinas*, [in] *Pro Ecclesia*, 2001, No 10 (1), p. 84-102.

Moreno A., *The Attic Neighbour: The Cleruchy in the Athenian Empire*, [in:] *Interpreting the Athenian Empire*. Duckworth, London, 2009, p. 211-221.

Rorty R., *Contingency, Irony & Solidarity*. Cambridge University Press, Cambridge, 1989, 201 p.

Ансельм Кентерберийский*, Прослогион,* [в:] *Памятники средневековой латинской литературы X–XI вв*., Наука, Москва, 1972, с. 248-256.

Арендт Х., *Ситуация человека*: Разделы 24-26 главы V, [в:] *Вопросы философии,* 1998, № 11, с. 131-141.

Бердяев Н.А., *Самопознание: Опыт философской биографии*. Мысль, Москва, 1991, 447 с.

Блаженный Иоанн Дунс Скот, *Избранное.* Издательство Францисканцев, Москва, 2001, 583 с.

Вольтер Франсуа Мари Аруэ, *Философские сочинения*. Наука, Москва, 1988, 751 с.

[Гваттари Ф.], *Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе: Феликс Гваттари в беседе с Брахой Лихтенберг Эттингер*, [в:] *Кабинет: картины мира. Психогенез/Техногенез: коллекция perversus.* ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург, 1998, с. 21-28.

Гесиод, *Труды и дни,* [в:] Гесиод. *Полн. собр. текстов*, Лабиринт, Москва, 2001, с. 51-75.

Деррида Ж., *Диссеминация* (La *Dissemination*), У-Фактория, Екатеринбург, 2007, 608 с.

Джеймисон Ф., *Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*. Красико-принт, Минск, 1996, с. 118-137.

Лиотар Ж.-Ф., *Постмодернистское состояние: доклад о знании*, [в:] *Философия эпохи постмодерна*. Красико-принт, Минск, 1996, с. 140-158.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А., *Миф – имя – культура,* [в:] Ю.М. Лотман. *Семиосфера. Искусство –* **СПБ,** Санкт-Петербург, 2000, с. 525–543.

Мак-Кенс Д., *Этика в постсовременной перспективе*, [в:] *Философские науки,* 1996, № 1-4.

Можейко М.А., *After-postmodernism*, [в:] *Постмодернизм: Энциклопедия.* Интерпрессервис – Книжный дом, Минск, 2001, с. 8-9.

Петров М.К., *Пираты Эгейского моря и личность*, [в:] М. К. Петров. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. РОССПЭН, Москва, 1995, с. 177-237.

Петров, М.К., *Язык, знак, культура,* Editorial-URRS, Москва, 2004, 328 с.

Плутарх, *Солон,* [в:] Плутарх, Избранные жизнеописания в 2 т-х, Т. 1. Правда, Москва, 1987, с. 157-190.

Тертуллиан Квинт Септимий Флорент, *О прескрипции [против] еретиков (De Praescriptione Haereticorum)*, [в:] Тертуллиан, *Избранные сочинения.* Прогресс – Культура, Москва, 1994, с. 106-129.

Фома Аквинский**,** *Сумма теологии* в 7 ч-х, Ч. 1-1: Вопросы 1-43. Ника-Центр, Эльга, Киев – Элькор-МК, Москва, 2002, 560 с.

Фуко М., *Забота об истине: Беседа с Франсуа Эвальдом*, [в:] М. Фуко, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Касталь, Москва, 1996, с. 307-326.

Цветочки Святого Франциска Ассизского, [в:] *Цветочки Святого Франциска Ассизского. Рассмотрения Таинства Святых Стигматов. Хроника Святого Франциска. Житие брата Джинепро*. Издательская группа «Святой Франциск Ассизский», Санкт-Петербург, 2011, с. 6-110 с.

Шестов Л.И., *Афины и Иерусалим*. Рипол Классик, Москва, 2017, 414 с.

Lidia Łysiuk

Ukryte teorie wychowania przedszkolaków realizowane przez współczesnych rodziców i dziadków

Lidia Lysiuk

Implicit theories of preschool upbringing among modern Polish parents and grandparents

Słowa kluczowe: ukryta teoria, wychowanie, wiek przedszkolny, rodzice, dziadkowie
Key words: implicit theory, upbringing, preschool childhood, parents, grandparents

Streszczenie: Celem artykułu jest przedstawienie danych z badań empirycznych teorii wychowania przedszkolnego. W rozmowie wzięło udział 121 osób lub 30 rodzin (rodziców i dziadków). Dane pokazały, że cele sformułowane przez rodziców i dziadków tylko częściowo odpowiadają celom rozwojowym związanym z wiekiem. Zidentyfikowano dwa rodzaje celów: cele znane i cele pożądane, między którymi występują znaczące różnice. Cele są napędzane przez wartości, wśród których wartości adaptacji spotykają się częściej, a mniej są wartościami ostatecznymi. Większość uczestników wskazuje na stosowanie metod werbalnych w celu osiągnięcia celów wychowania; mniej niż połowa z nich wskazuje na osobisty przykład i wspólne działania. Rodzice częściej niż dziadkowie wskazują cele związane z rozwojem niezależności, pewności siebie. Ale ogólnie temat ukrytych teorii rodziców i dziadków okazuje się dość podobny

Abstract: The aim of this article is to represent the data of the empirical research of the preschool upbringing implicit theory. 121 persons or 30 families (parents and grandparents) participated in the conversation. The data showed that the goals formulated by parents and grandparents correspond to the age-related developmental goals only partially. Two types of goals were identified: known goals and desired goals, between which there are significant differences. Goals are driven by values, among which the values of adaptation meet more often; less are the ultimate values. Most of the participants point to the use of verbal methods to achieve the goals of upbringing; less than half of the them indicate a personal example and joint actions. Parents more often than grandparents indicate goals related to the development of independence, self-confidence. But in general, the topic of the implicit theories of parents and grandparents turns out to be quite similar.

Wychowanie jest istotną i integralną częścią życia społeczeństwa, przestrzenią, gdzie całokształt kultury i doświadczeń człowieka zostaje przekazywany młodszemu pokoleniu. Młode pokolenie przez wychowanie wchodzi w kulturę, natomiast starsze pokolenie w tym procesie ma szansę osiągnąć dojrzałość osobową i duchową oraz realizować swoje powołanie. w ramach których rozwijają się wszyscy uczestnicy i tworzy się ciągłość bytu ludzkiego. Jednak inicjatorem procesu wychowania oraz twórcą kultury wychowania jest dorosły i właśnie od niego, od jego spostrzegania istoty wychowania zależą właściwości tych relacji.

Wychowanie jako system społeczny jest dość skomplikowanym procesem, który jest przedmiotem badań wielu dyscyplin naukowych – filozofii, socjologii, pedagogiki, psychologii i in. Definiowanie wychowania w kontekście psychologii potrzebuje jego umiejscowienia w systemie pojęć psychologicznych. Najczęściej wychowanie określa się jako działalność[1]. Działalność nie jest adaptacją do istniejących sytuacji lecz jest wywołana świadomie wyznaczonym celem czy obrazem tego, do czego człowiek dąży, co chce osiągnąć. Warto zaakcentować, że świadomość celu oprócz jego formułowania oznacza także, że cel staje się częścią obrazu Ja podmiotu („mój cel”), co wprowadza cel w strukturę osobowości i nadaje działaniu sens[2].

Bazując na definicji dzialalności można stwierdzić, że najistotniejszymi elementami działalności wychowawczej są powiązane pomiędzy sobą cele, spostrzeganie i zrozumienie przedmiotu (rozwój i jego czynniki, właściwości wiekowe i indywidualne cechy wychowanka), świadomość swoich wlaściwości

[1] А.Н. Леонтьев. *Деятельность, сознание, личность*. Москва, Политиздат, 1975. M. Przetacznik-Gierowska, Z. Włodarski. *Psychologia wychowawcza*. T.2, Wydawnictwo PWN, 2014. G.P. Szedrowickij. *Izbrannyje trudy*. Moskwa, Szkoła Kulturnoj Politiki, 1995.

[2] L. Lysiuk. *Razwitije celepolagania u detej 2-4 let*. Brest. Brestskij Uniwersitet im. A.S. Puszkina. 1997.

jako wychowawcy oraz czynności, za pomocą których mogą zostać zrealizowane cele.

Działalność wychowawcza odzwierciedla się lub zostaje zaprezentowana w umyśle człowieka w postaci wiedzy o tym, co i w jaki sposób trzeba rozwijać. System wiedzy na temat wychowania stał się przedmiotem badań psychologicznych w latach 70-80 i wynikało to z idei, że schematy poznawcze w znacznej mierze uwarunkują zachowanie wychowawcy[1].

Przegląd badań pokazał, że przedmiotem zainteresowań psychologów może stać różna treść wiedzy rodzicielskiej: wartości, idee rodziców o rozwoju i jego czynnikach, cechy dziecka idealnego, zdolności (czytanie, matematyka), twórczość, różne sfery życia – gotowość szkolna, gotowość do przedszkola, aktywność fizyczna. Jednocześnie w ślad za Śnieżyńskim można stwierdzić, że „odczuwa się zdecydowany niedobór badań oraz opracowań na temat potocznych teorii wychowania”[2] (s.31).

Dane o przekonaniach rodziców na temat celów wychowania można znaleźć w artykułach Kuczyńskiego (1984), Dix (1992), P. Hastings and J. Grusec (1998), T. Tulviste (2007) i in.. Najnowsze dane o celach wychowania dzieci w wieku przedszkolnym zostały przedstawione w monografii M. Śnieżyńskiego. Wszyscy autorzy określają cele jako właściwości osobowościowe i behawioralne, które rodzice chcą rozwijać u swoich dzieci.

Kuczynski[3] definiował cele rodzicielskie jako to, co rodzic chce osiągnąć w konkretnej interakcji rodzic-dziecko. W zależności od tego, co może wzbudzić niepokój rodzica, Kuczyński wyodrębnił cele krótkoterminowe, dotyczące natychmiastowej zmiany zachowania dziecka, oraz cele długoterminowe, które odnoszą się do rozwoju stałych cech charakteru, norm społecznych, umiejętności i in.

---

[1] J. J. Goodnow. *Parents' ideas, actions, and feelings: Models and methods from developmental and social psychology*.[in:] *Child Development*, 59(2), 1988, pp. 286–320.
J. J. Goodnow.*Cultural Perspectives and Parents’ Views of Parenting and Development: Research Directions*. [in:] *Parenting beliefs, behaviors, and parent-child relations : a cross-cultural perspective*. Ed. by Kenneth H. Rubin & Ock Boon Chung. 2006, pp. 35-60.
C. K.Hawk, G. W. Holden. *Meta-Parenting: An Initial Investigation into a New Parental Social Cognition Construct.* [in:] *Parenting: science and practice*. 6 (4), 2006, pp. 321–342.

[2] M. Śnieżyński. *Wiedza rodziców o wychowaniu swoich dzieci*. Wydawnictwo Naukowe Akademii Ignatianum w Krakowie, Kraków, 2019.

[3] L. Kuczynski .*Socialization goals and mother-child interaction: Strategies for long-term and short-term compliance.* [in:] *Developmental Psychology*, 20, 1984, pp. 1061-1073.

Dix[1] skategoryzował cele rodziców w dwie grupy: cele skoncentrowane na rodzicach (parent-centered goals) oraz cele skoncentrowane na dziecku (child-centered goals). Pierwsza grupa obejmuje cele związane z polepszeniem życia dorosłych (osiągnięcie posłuszeństwa, zgodności i in.). Druga grupa składa się z dwóch rodzajów celów: cele związane z zaspokojeniem potrzeb dziecka oraz cele socjalizacyjne (samodzielność, normy moralne, empatia, kompetencje komunikacyjne, umiejetności i in.).

Hastings & Grusec[2] dodali do tej klasyfikacji jeszcze jedną grupę celów wychowawczych skoncentrowanych na relacjach (dążenie do rozwoju miłości, zaufania, bliskości i in.) oraz połączyli te trzy grupy celów z celami krótko- i długotrwałymi. W wyniku tego powstała klasyfikacja obejmująca sześć celów, które stały się przedmiotem wielu badań empirycznych.

Mając na uwadze, że działalność nie jest izolowanym rodzajem aktywności człowieka, lecz ściśle połączona z jego wartościami, które nie tylko warunkują powstanie celów ale i nadają sens całej działalności, należy zwrócić uwagę na raporty dotyczące danych z badań o wartościach rodzicielskich. W ramach podejścia międzykulturowego cele wychowania zostały rozpatrywane w odniesieniu do pewnych wartości dominujących w różnych społecznościach: niezależność vs współzależność, indywidualizm vs kolektywizm. Klasyfikacja wartości według S. Schwartza posłużyła jako podstawa uporządkowania celów wychowania w badaniach T. Tulviste[3]: na przykład wartość osiągnięcia koreluje z celem rozwój zdolności, zdobycie prestiżu w przyszłości, hedonizm ze szczęściem dziecka, życzliwość ujawnia się w celach wychowania moralności, tradycja kojarzy z posłuszeństwem, zdyscyplinowaniem i in.

W dotychczasowych badaniach nie udało się odnaleźć odpowiedzi na pytanie, czy cele rodzicielskie odzwierciedlają zadania i właściwości rozwoju dzieci w pewnych okresach życia. W związku z tym warto wyjaśnić, czy cele dorosłych wychowujących dzieci w wieku przedszkolnym harmonizują ze współczesną wiedzą o ich rozwoju, gdyż niezgodność celów i właściwości wiekowych mogą doprowadzić do niekorzystnych przemian w rozwoju dziecka.

[1] T. H. Dix. *Parenting on behalf of the child: Empathic goals in the regulation of responsive parenting*I.[in:].E. Sigel , A.V. McGillicuddy-DeLisi , & J.J. Goodnow (Eds.), *Parental belief systems: Psychological consequences for children*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1992, pp. 319-346.
[2] P.D. Hastings, J.E. Grusec. *Parenting goals as organizers of responses to parent–child disagreement.* [in:] *Developmental Psychology*, 34, 1998, pp. 465–479.
[3] T. Tulviste, M. Ahtonen. *Child-Rearing Values of Estonian and Finnish Mothers and Fathers*.[in:] Journal of Cross-Cultural Psychology, 38, 2007, pp. 137-155.

Poza charakterystykami dotyczącymi treści celów wychowania należy uwzględnić, że cel jako element struktury psychiki wchodzi w obraz Ja człowieka, na co już zwrócono uwagę powyżej.Wiadomo, że obraz Ja ma różne wymiary: Ja realne, Ja idealne, Ja powinnościowe, Ja pożądane, Ja społeczne, Ja osobowościowe i in. W zależności od tego, w jaką część obrazu Ja wchodzi cel, zmienia się jego psychologiczna modalność. Cele mogą mieć charakter obowiązkowy i być częścią obrazu Ja powinnościowego (jestem zobowiązany przygotować dziecko do szkoły, należy rozwijać umiejętności komunikatywne) oraz Ja pożądanego społecznie . Ponadto są cele, które są ścisle związane z Ja idealnym lub Ja pożądanym, one mają osobistą cenność, atrakcyjne, przyciągające, do których dąży wychowawca. Można przewidywać, że jeśli te dwie grupy celów mają różną naturą psychologiczną, to będą miały rozbieżności w treści.

Danych, dotyczących wiedzy rodzicielskiej o sposobach wychowania dzieci, okazało się dość mało[1]. Można wskazać na powyżej cytowane badania M. Śnieżyńskiego, w których polscy rodzice odpowiadali na otwarte pytania odnośnie istniejących metod wychowania oraz metod, które rodzice najczęściej stosują wobec dziecka.

Cele i sposoby wychowania w znacznej mierze są uwarunkowane wiekiem dziecka, co powoduje konieczność elastycznego podejścia do nich. We wskazanych badaniach, poświęconych wyjaśnieniu różnych aspektów wiedzy rodzicielskiej, uczestniczą najczęściej rodzice przedszkolaków, ale dane nie zostały przeanalizowane pod kątem właściwości wiekowych dzieci. Oprócz tego nie mamy żadnych danych na temat ukrytych teorii wychowania dziadków, którzy dość aktywnie uczestniczą w opiece nad wnukami.

Przeprowadzona analiza dotychczasowych badań pozwala na formułowanie głównego problemu badawczego: Jaka jest potoczna wiedza wychowawców dzieci w wieku przedszkolnym na temat działalności wychowawczej i sposobów jej wykorzystywania ?

Z tak sformułowanego problemu głównego wyodrębniono problemy szczegółowe:

1. Czy cele wychowawców korelują z zadaniami rozwojowymi wieku przedszkolnego?
2. Jakie wartości warunkują cele wychowawcze?
3. Jakie sposoby realizacji celów wychowawczych (oddziaływania wychowawcze) dominują w ukrytych teoriach wychowania?

[1] R. Mills, K. Rubin. *Parental beliefs about problematic social behaviors in early childhood* .[in:] *Child Development,* 61, 1990, pp. 138-151.

4. Czy są różnice w ukrytych teoriach wychowania między rodzicami a dziadkami?

Osoby badane

Badaniami objęto 121 osób czyli 30 rodzin, w tym: 30 matek (M = 31 rok i 2 miesiące), 30 ojców (M = 31 rok i 1 miesiąc), 32 babcie (M = 59 lat i 7 miesiące) i 29 dziadków(M = 63 lata i 1 miesiąc). 18 rodzin mających 1 dziecko w wieku przedszkolnym, 12 rodzin mają dwójkę dzieci w wieku przedszkolnym (M = 4 lata i 3 miesiące). Z każdą z tych osób zostały przeprowadzone wywiady, które były za zgodą uczestników nagrywane na dyktafon , a następnie przepisywane W zbieraniu materiału badawczego brali udział studenci kierunku „Psychologia" Wyższej Szkoły Ekonomii i Innowacji (Lublin).

Metoda badawcza

Zastosowano metodę wywiadu częściowo ustrukturyzowanego. Cztery otwarte pytania wyznaczały istotne elementy ukrytych teorii działalności wychowawczej rodziców i dziadków: cele wychowania dziecka w okresie przedszkolnym (aktualne cele), ich sens osobisty (wartość), sposoby osiągnięcia wskazanych celów oraz cele pożądane (idealne): Dlaczego wymienione przez Panią/Pana cele są ważne? W jaki sposób zamierza Pani/Pan osiągnąć te cele? Co Pani/Pan robi w tym kierunku? Proszę opisać idealne dziecko według Pani/Pana. Dodatkowe pytania w trakcie wywiadu pozwoliły uszczegółowić odpowiedzi osób badanych, rozwinąć ich wypowiedzi oraz dookreślić wymienione charakterystyki, dotyczące różnych aspektów działalności wychowawczej.
Materiały badawcze zostały przeanalizowane przez trzech psychologów.

Wyniki badań

Wypowiedzi na każde pytanie zostały skategoryzowane.
1. Odpowiedzi na pierwsze pytanie: „Co Pani/Pana zdaniem należy rozwijać u dzieci w wieku przedszkolnym – jakie cechy, umiejętności, zdolności?" zostały ujmowane w 8 kategorii.
Do *pierwszej* kategorii „Wartości" zaliczano wypowiedzi „Wiara w Boga", „patriotyzm"; „zapoznawanie dziecka od najmłodszych lat z historią świata a szczególnie kraju, w którym się urodziło i wychowało" . *Druga* kategoria oznaczona jako „Cechy moralne" obejmjwała takie cele wychowania jak „uczciwość", „szacunek dla innych", „prawdomówność", żeby dziecko stało się „kochajacym", „dbającym", „pomocnym". *Trzecia* kategoria łaczy wypowiedzi dotyczące rozwoju zainteresowań: „pasje", „ulubione zajęcia", rozwijanie

uzdolnień i talentów". *Czwarta* kategoria została oznaczona jako aktywność poznawcza; „aby był ciekawy świata", „kreatywność". *Piąta* kategoria „podmiotowośc" łączy cele, które odzwierciedlają różne jej charakterystyki: samodzielność, konkretne umiejętności, które dziecko musi wykonać samodzielnie (ubierać się, sprzęntanie i in.), odwaga, zaradność, dokonywanie wyborów. *Szósta* kategoria „Sprawność fizyczna" wiąże wszystko, co dotyczy rozwoju cielesnego: siła, moc, sprawności ruchowe. *Śiódma* kategoria obejmuje cele, które można określić jako rozwój komunikowania się: nawiązywanie prawidłowych relacji z rówieśnikami, grzeczny, aby nauczyło się postępować według zasad, które powszechnie obowiązują , przestszeganie norm i zasad, posłuszny, żeby nie była uparta. Do kategorii *ósmej* zostały odniesione cele rozwoju procesów psychicznych: umiejętność racjonalnego myślenia, łączenia faktów, odnajdowanie zależności przyczynowo – skutkowych, intelekt, uwaga, myślenie, mowa.

Liczebność kategorii w dwóch grupach badanych przedstawiona w tabele 1. Różnice między rodzicami a dziadkami sprawdzone za pomocą testu Chi-kwadrat.

Tabela 1. Rozkład procentowy dotyczacy *aktualnych celów* wychowania w opinii badanych rodziców i dziadków

Kategoria	Rodzice	Dziadkowie	$\chi 2$, chi-kwadrat
Podmiotowość	80	55,7	8.152 *
Komunikatywność Posłuszny	63,3 20	55,7 23	0.724 0.395
Cechy moralne	41,7	47,5	0.422
Procesy psychiczne	36,7	29,5	0.700
Aktywność poznawcza	30	16,4	3.149
Wartości	25	26,2	0.024
Sprawność fizyczna	16,7	14,8	0.773
Zainteresowania	15	18	0.202

* różnica istotna statystycznie na poziomie $p < .005$

Na podstawie analizy wyników badadań zawartych w powyższej tabeli należy stwierdzić, że do najczęściej wybieranych celów wychowania w grupie badanych należą: podmiotowość , komunikatywność i moralność. Warto

wskazać, że w kategorii komunikatywność najczęściej wskazywane jest posłuszeństwo (20 % rodziców oraz 23 % dziadków)

Wynik testu chi-kwadrat ujawnił występowanie istotnych statystycznych różnic w kategorii „samodzielność” ($\chi 2=8.152$, $p \leq 0{,}005$): rodzice częściej wskazują na konieczność rozwoju samodzielności w porównaniu do dziadków. Innych istotnych różnic pomiędzy dwoma grupami nie stwierdzono.

2. Analiza odpowiedzi o ważności wskazanych celów pozwoliła wyodrębnić siedem kategorii.

Do *pierwszej* kategorii zaliczono wypowiedzi, które są definicjami sformułowanych celów lub stwierdzeniami o ważności ich realizacji: „Trudno mi tak jednoznacznie powiedzieć”, „jest niezbędna w dzisiejszych czasach”; „Uważam, że talenty trzeba rozwijać i pielęgnować, aby ich nie zaprzepaścić”. „Intelekt jest ważny jako zdolność pozyskiwania wiedzy i jej wykorzystywania”. *Druga* kategoria obejmuje wypowiedzi, wskazujące, że w przyszłosci cechy i umiejętności, które należy rozwijac w wieku przedszkolnym, ułatwią życie dziecka, pomogą przystosowac się do różnych okoliczności i sytuacji: nie będzie miał kłopotów, nie będzie źle odbierana przez innych, wtedy łatwiej będzie mu o pracę dającą dobre zarobki, później będzie mu łatwiej. *Trzecia* kategoria została zaznaczona jako wartości ostateczne: aby godnie żyć; patriotyzm – żeby odczuwać jedność narodową, aby pracowało dla swojego kraju; posiadać nadzieję w cel życia, dążyć do ideałów; dążyć do dobra, żyć zgodnie z własnym sumieniem; dostrzec piękno otaczającego go świata; by dbało o swoją moralność. *Czwarta* kategoria łączy wypowiedzi określone jako autonomia: nie boi się życia, by w dorosłym życiu potrafiło samo o siebie zadbać; nie będzie uzależniona ode mnie i poradzi sobie sama. Do piątej kategorii odnoszone odpowiedzi , wskazujące na ważność *samorealizacji* w życiu: osiągnąć sukcesu, bycie dobrym pracownikiem; satysfakcja, samozadowolenie; pomoże mu w obraniu odpowiedniej drogi zawodowej. Kategorię *szóstą* określiono jako „wartość rodziny” , ale wypowiedzi podkreślają różne aspekty tej watości: „sprawia przyjemność rodzicom”,żeby nie sprawiało problemów dla rodziców”, „dziecko musi znać wartość rodziny, wiedzieć, że w życiu nie ma nic równie istotnego. To rodzina jest obrazem pozwalającym ocenić wszystko to, co dzieje się w życiu dziecka. I kształtuje jego dorosłość, bez dwóch zdań!”; „Będzie wtedy bliżej Nas”. Do kategorii *siódmej* odnosiły się wypowiedzi o wartości i ważnosci zdrowia: „Bycie wysportowanym to samo zdrowie”, „Ruch jest ważny dla zdrowia”.

Dane dotyczące ważności celów wychowania w poszczególnych kategoriach w wypowiedziach rodziców i dziadków przedstawione są w tabeli 2.

Tabela 2 Ważność określonych celów wychowania z podziałem na kategorie w opinii rodziców i dziadków (rozkład procentowy)

Kategoria	Rodzice	Dziadkowie	χ2, chi-kwadrat
Brak	10	21,3	2,924
Dostosowanie się	58,3	44,3	2.397
Wartości ostateczne	28,3	32,8	0,283
Autonomia	23,3	8,2	5,236*
Samorealizacja	20	4,9	6,336*
Rodzina	10	4,9	1,135
Zdrowie	10	2,3	2,213

* różnica istotna statystycznie na poziomie $p < .05$

Analizując wyniki badań dotyczące ważności celów wychowania należy stwierdzić, że
10 % rodziców oraz 21,3 % dziadków nie udzieliło odpowiedzi na to pytanie .Najczęściej ważność wskazanych celów i rodzice, i dziadkowie widzą w konieczności dostosowania się do życia, ułatwienia życia w przyszłości (rodz. 58,3%, dziadkowie 44,3%, róznice nieistotne).

Na drugim miejscu są wskazywane wartości ostateczne (28,3%; 32,8% różnice nieistotne). Statystycznie istotne róznice między rodzicami a dziadkami ujawnily się w kategoriach samorealizacja ($\chi2=6,336$ 0,012 $p\leq0,05$) i autonomia ($\chi2=5,236$ 0,023, $p\leq0,05$). Dziadkowie znacznie rzadziej wskazywali na autonomię (8,2 % v.23,3 %) i samorealizację (4,9% v. 20%).

3. Wypowiedzi o sposobach wychowania podzielono na dwie grupy. Pierwsza grupa obejmuje oddziaływania wychowawcze:

werbalne (rozmowa, tłumaczenie, czytanie): rozmowy na temat wiary i Boga; będę tłumaczył jak sobie poradzić z daną czynnością albo sytuacją; poprzez czytanie książek, literatury dziecięcej;Tłumaczę, że nie musi się bać;

przykład: bycie przykładem dla dziecka; pokazywanie dziecku własnego zachowania - myślę że to jest najbardziej skuteczna metoda w uczeniu wartości i postaw; wydaje mi się, że jak dziecko widzi, że np. pomagam żonie w kuchni, to również takie zachowania będzie powielać w przyszłości; pokazuję dziecku jak coś zrobić;

wspólne wykonanie różnorakich czynności: poprzez wspólną zabawę; spędzam czas z dzieckiem; bardzo często z synem rysujemy, bawimy się w sklep, teatr czy

dom; często się z nim siłuję i boksuję. Ćwiczy też ze mną hantlami, podnosi małe ciężarki;
pobudzenie do samodzielności : chcę też, aby miał swój wolny czas dla siebie, żeby umiał sam znaleźć dla siebie zajęcie"; „staram się nie wyręczać swoich dzieci przy wszystkich zachowaniach; chociaż aż mnie telepie, żeby pójść i pomóc to hamuje się i robię wszystko, aby córka czy syn sami mogli coś zrobić"; „daję synowi prawo do wyrażania swojego zdania", „pozwalanie dziecku samodzielnie wykonywać różne czynności domowe: smarowanie kanapek masłem, odkurzanie, ubieranie się, mycie siebie i przedmiotów";
stosowanie kar i nagród: nagradzam za dobre zachowanie; jak zrobi coś dobrze to go zawsze staram się pochwalić, myślę że to ważne; „dzieci dostaną karę, kiedy pyskują albo zachowują się niewłaściwie. Takie zachowanie, to na przykład, kiedy mają coś zrobić, a tego nie robią. Jakie kary? Zależy od przewinienia. Czasem nie dostają słodyczy, czasem bajki nie włączymy. Jak trzeba to i klapsa dam, ale wie Pani, lekkiego. Ja dostawałem i jakoś żyję". „Czasem mogę go pochwalić ale bez przesady, żeby mu „woda sodowa do głowy nie uderzyła"; „chwalę za dobre rzeczy i zwykle daję jakieś kary, jak się źle zachowuje";
motywowanie: „mówię jej, że potrafi „to" zrobić i żeby się nie poddawała"; „wspierać go w trudnych chwilach", podbudowywać, zachęcać , motywuję wnuka do wysiłku, zachęcanie dziecka do śpiewania, tańczenia i wystąpień publicznych"; I nie szczędzę mu pochwał, szczególnie wtedy kiedy uda mu się pokonać jakieś wyzwanie – z tym że nie jest to tylko takie zwykłe pochwalenie ale bardziej przekonanie go, że sukces osiągnął dzięki własnemu wysiłkowi.
tworzenie miłej atmosfery w domu: „przytulać je, mówić że kocham, że jest dla mnie ważne"; „dziecko musi czuć, żę jest dla nas ważne, kochane, że go słuchamy, wspieramy, że może nam zaufać, że ma w nas wsparcie i poczucie bezpieczeństwa"; przede wszystkim szacunek, wyrozumiałość i cierpliwość pozwoli osiągnąć cele; 'okazywać dużo miłości oraz aby czół że ma w nas oparcie"; jak jest miłość w domu to i panuje tam wszystko co najlepsze.

W tabele 3 umieszone są dane zawierające wyniki badań, dotyczące sposobów wychowania

W drugiej grupie zostały połączone wskazania dotyczące sfer środowiskowyc, które dorośli pilnują i organizują: gry edukcyjne, zajęcia pozalekcyjne(przedszkole), kontakty z rówieśnikami, spacery, zabawa, pomaganie w domu, codzienne czynności, praktyki religijne (Tabela 4).

Tabela 3 Oddziaływania wychowawcze w opinii badanych (rozkład procentowy)

Kategoria	Rodzice	Dziadkowie	χ2, chi-kwadrat
Werbalne	71,7	67,2	0.283
Przykład	40	39,3	0.005
Wspólne wykonanie	38,3	29,5	1.52
Pobudzenie do samodzielności	28,3	22,95	0.460
Stosowanie kar i nagród	16,6	21,3	0,424
Motywowanie	20	18,03	0,076
Tworzenie miłej atmosfery w domu	18,3	9,83	1.809
Obserwacja	0	10	-

Analiza wyników badań zawartych w powyższej tabeli pozwala na stwierdzenie, że dominującą kategorią sposobów wychowania są metody werbalne. Na taki wybór wskazywało 71,7% rodziców oraz 67,2 % dziadków. Na dawanie przykładu wskazywało 40% rodziców i 39,3% dziadków. Na trzecim miejscu badani wskazywali na wspólne wykonywanie zadań. Nie zanotowano istotnych różnic statystycznych pomiędzy wyborami rodziców i dziadków

Tabela 4. Sfery środowiskowe jako sposoby wychowania w opiniach badanych (rozkład procentowy)

Sfery środowiskowe	Rodzice	Dziadkowie	χ2, chi-kwadrat
Klocki	26,7	11,48	4.534*
Zajęcia	23,3	8,2	5.236*
Spacer	16,7	9,84	1.555
Czas z rówieśnikami	13,3	6,56	1.230
Pomoganie	11,7	9,84	0.334
Zabawy	8,35	11,48	0.106
Codzienne czynności	8,35	4,92	0.571
Praktyki religijne	1,67	9,84	3.704

* różnica istotna statystycznie na poziomie $p < .05$

4. Odpowiedzi na pytanie o dziecko idealnym (pożądane cele) zostały pogrupowane.

Osoby badane z *pierwszej* grupy odpowiedziali, że idealnych dzieci nie ma: „Nie ma takich dzieci i proszę nie zmuszać mnie abym coś takiego wymyślał. Każde dziecko ma swoje wady i zalety, każde jest inne i chyba dobrze, że tak jest”. „Dziecko jest wyjątkowe same w sobie i nie można go rozpatrywać pod kątem idealności”.”Idealne dziecko, chyba takich nie ma. Nikt z nas nie jest idealny, tym bardziej dziecko, dla którego wszystko jest nowe i dopiero uczy się odróżniać dobro od zła”. „Dziecko idealne nie istnieje wg mnie. Lecz gdyby istniało to powinno być przede wszystkim grzeczne, nie sprawiające żadnych problemów”. Do *drugiej* grupy zostały odniesione odpowiedzi, które można okreslić jako „Każde dziecko jest idealne”: Dziecko idealne, to moje dziecko. „Każde dziecko jest w swoim rodzaju idealne”. „Dla mnie naprawdę moje wnuki są idealne, nie zamieniłabym ich na żadne inne. A to, że od czasu do czasu dają w kość utwierdza mnie tylko w tym przekonaniu o ich zadziornym charakterze – wiem, że w życiu sobie poradzą”.„Pod względem zachowania na pewno grzeczne i posłuszne. To na pewno nie nasze dzieciaki, ale są najukochańsze na całym świecie i dla mnie idealne”. Rodzice i dziadkowie z *trzeciej* grupy w różny sposób charakteryzują idealne dziecko. Te odpowiedzi zostaly skategoryzowane. Jeśli badani z pierwszej i drugiej grupy wspomniali jakieś cechy idealnego dzieckaone też zostały uwzględnione. Oczywiście kategorie wypowiedzi na pytanie o dziecko idealnymsą bardzo podobne kategoriam, które zostały wyodrebnione w procesie analizy odpowiedzi na pytanie o celach wychowania: wartości, cechy moralne, zainteresowania, otwartość na doświadczenia, podmiotowość, kultura osobista (posłuszne, grzeczne), procesy psychiczne, zdrowie. Oprócz tego, zostały wyodrębnione jeszcze trzy kategorii, charakteryzujące dziecko idealne: 1) idealne dziecko to dziecko szczęśliwe: powinno być miłe i uśmiechnięte; żeby umiało się cieszyć i było zadowolone z siebie i tego co umie; radosne; 2) idealne dziecko ceni relacje rodzinne: „żeby było zaangażowane w życie rodzinne, kochało rodziców, rodzeństwo i dziadków”; „żeby nie było skryte, mówiło rodzicom o problemach i różnych sytuacjach”, „lubi spędzać czas z rodzicami, rodziną”, „lubi się przytulać i przede wszystko nie wstydzi się rodziców przed rówieśnikami”; „pokazuje na co dzień, że kocha rodziców, że są oni dla niego ważni”; 3) idealne dziecko dobrze i chętnie uczy się.

Tabela 5 Idealne dziecko w opinii rodziców i dziadków (rozkład procentowy)

Kategorie	Rodzice	Dziadkowie	χ2, chi-kwadrat
Nie ma idealnych	20	18.03	0, 076
Każde dziecko idealne	28,3	11,48	5.406*
Kultura osobista Posłuszne	51,67 35	63,93 44,26	1.867 1.084
Szczęśliwe	33,3	14,75	5.730*
Podmiotowość	28,33	29,51	0,020
Rodzina	20	13,11	1.039
Kreatywne	13,3	14,75	0,051
Moralne	13,3	19,61	0,881
Wartości	11,67	14,75	0,251
Uczące się	11,67	14,75	0,251
Zainteresowania	5	3,28	0,226
Zdrowe	3,33	6,56	0,667

* różnica istotna statystycznie na poziomie $p \leq 0,05$

Badani rodzice i dziadkowie charakteryzując idealne dziecko najczęściej określają je jako kulturalne (grzeczne, posłuszne), szczęśliwe oraz samodzielne.

W zakresie dociekań badawczych było również porównywanie częstości wskazywania celów znanych i celów idealnych (przyciągających) w dwóch grupach badanych (Tabela 6.)

Tabela 6. Cele znane i cele idealne w grupie rodziców i dziadków (chi-kwadrat)

Cele	Rodzice	Dziadkowie
Podmiotowość	32,257** ,	8,688*
Kultura osobista Posłuszny	1,671; 3,386	0,874 6,261*
Cechy moralne	12,079**	10,707*
Wartości	3,562	2,476
Aktywność poznawcza	4,910*	0,063

Zainteresowania	3,333	6,988*
Sprawność fizyczna	5,926*	2,157

* różnica istotna statystycznie na poziomie p≤0,05; ** p≤0,001

Porównując częstotliwość użycia poszczególny kategorie celów znanych oraz celów idealnych zauważamy, że podmiotowośc oraz cechy moralne jako cele wychowania przedszkolaków znacznie częściej wskazywane –wśród celów znanych niż idealnych (pożądanych) zarówno wśród rodziców jak i dziadków. Rodzice także cześciej wskazują na aktywność poznawczą (χ 2 = 4,910, p≤0,05) oraz sprawności fizyczne (χ 2 = 5,926, p≤0,05) jako konieczne cele wychowania w porównaniu z celami idealnymi.Dla dziadków rozwój zainteresowań jako cel wychowania występuje cześciej w odniesienie do celów znanych (χ 2 = 6,988, p≤0,05); natomiast posłuszeństwo częściej wskazywane jest wśród celów idealnych (χ 2 =6,261, p≤0,05).

Dyskusja

Podstawowym celem naszych badań było eksplorowanie ukrytych (potocznych) teorii wychowania dzieci w wieku przedszkolnym, które wpływają na skutecznoćś procesu wychowania[1]. Podejście do wychowania jako do działalności umożliwiło wyodrębnienie istotnych elementów tych teorii: cele (znane i pożądane), ich wartość, sposoby realizacji wyznaczonych celów.

Przegląd istniejących badań, poświęconych wiedzy rodzicielskiej o celach wychowania, pokazał różne taksonomie celów jednakże zgodność celów i właściwości wiekowych dzieci nie została eksplorowana.

Wiadomo, że w wieku przedszkolnym powstają nowe rodzaje aktywności, które uwarunkują istotne zmiany w osobowości i psychice dziecka: zabawa, działalność twórcza, aktywność poznawcza, relacje z rówieśnikami. Przez różnorakie aktywności pojawiają się zainteresowania, które charakteryzują pierwszy etap przygotowania do profesjonalnych wyborów w przyszłości. E. Erickson uważał, że wiek przedszkolny to czas na rozwój inicjatywy i

[1] I.E. Sigel , A.V. McGillicuddy-DeLisi , & J.J. Goodnow (Eds.), *Parental belief systems: Psychological consequences for children*. , Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1992.
P.D. Hastings, J.E. Grusec. *Parenting goals as organizers of responses to parent–child disagreement* .[in:]. *Developmental Psychology*, 34, 1998, pp. 465–479.
S. Hirsjärvi, S. *Perälä-Littunen.Parental beliefs and their role in child-rearing. European* .[in:] *Journal of Psychology of Education*, 16, 2001, pp. 87–116.
T. Tulviste, M. Ahtonen. *Child-Rearing Values of Estonian and Finnish Mothers and Fathers.* [in:] *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 38, 2007, pp. 137-155.

przedsiębiorczości. Jeśli rodzice nie zachęcają inicjatywy dziecka, zbyt ograniczają jej przejawy, dziecko może rozwinąć poczucie winy.

Zabawa jako podstawowa działalność wieku przedszkolnego sprzyja rozwojowi wyobrażni, woli (Wygotski, Elkonin), decentracji (Piaget, Elkonin). Wygotski podkreślał, że w zabawie przestszeganie zasad ma *dobrowolny* charakter – dziecko samo decyduje, czy podporządkowywać się regułom. Dlatego też zabawa jest koniecznym warunkiem rozwoju mechanizmów samoregulacji. Zabawa tematyczna uczy dziecko wykonać czynności na podstawie znaczenia (sensu) przedmiotu. oraz. Zatem zabawy tematyczne są swoistą formą działalności, w której dziecko w postaci zabawowej wprowadza w czyn to, co zaobserwowało, poznało, przeżyło, czego się dowiedziało i doświadczyło. Obserwując i naśladując świat dorosłych dzieci intuicyjnie uczą się zachowania w społeczeństwie oraz relacji z innymi ludźmi.

Rozszerzenie współdziałania z innymi ludźmi powoduje wprowadzanie w życie dziecka moralnych norm. Znacznymi elementami moralnej samoregulacji stają się empatia, moralne uczucia dumy i wstydu, rozwój tożsamości moralnej, gdy normy moralne stają się częścią obrazu Ja dziecka i nabierają znaczenia wzorów osobistych.

Oceniając cele wyznaczone przez rodziców i dziadków w kontekście współczesnej wiedzy psychologicznej, można stwierdzić, że większość z nich jest świadoma konieczności rozwoju podmiotowości (samodzielność, odwaga, pewność, dokonywanie wyboru), oraz umiejętności komunikowania się. Interesującym jest, że wskazując na komunikowanie się, rodzice i dziadkowie rzadko uwzględniali relacje z rówieśnikami jako przestrzeń rozwoju tych umiejętności.

Mniej niż połowa uczestników badań wskazała, że u dzieci należy rozwijać moralne zachowanie. Niepokojącym jest fakt niezaznaczania lub bardzo rzadkiego wymieniania podstawowych rodzajów działalności dziecięcej: zabawy, różnorakich rodzajów dzialalności twórczej (rysowanie, konstruowanie), aktywności fizycznej. Wiadomo, że w okresie przedszkolnym dzieci są otwarte na doświadczenie, co sprzyja rozwojowi u nich zainteresowań, natomiast ten cel nie został uznany przez rodziców i dziadków za znaczący. Nie został wzięty pod uwagę także rozwój empatii i wyobrażni.

Można wysnuć wniosek, że cele znane odzwierciedlają tylko część tego, co musi zostać rozwinięte w wieku przedszkolnym i co tworzy podłoże dla rozwoju osobowości w następnych okresach wiekowych. Te cele, które oznaczyłyśmy także jako cele pożądne społecznie, mogą wynikać z dążenia odpowiadającej wspólczesnej kulturze, w której samodzielność, nezależność i umiejętności

komunikowania się są wysoko cenione. Jednakże standardy wypływające z zewnątrz nie zawsze stają się atrakcyjne dla wychowawcy i łączą się z tym co jest dla niego ważne i cenne. Przedstawione wyniki badań jasno pokazują różnice treściowe między celami znanymi i celami pożądanymi: rodzice i dziadkowie pragną, żeby dziecko było grzeczne i posłuszne, szczęśliwe i ceniło relacje rodzinne. W opisie idealnego dziecka mniej ważne jest bycie samodzielnym oraz moralnym.

Zauważalna treściowa rozbieżność pomiędzy dwoma rodzajami celów może świadczyć o sprzecznościach, które są w ukrytych teoriach rodziców i dziadków. Tym bardziej, że największa rozbieżność występuje pomiędzy samodzielnością a posłuszeństwem. Bowiem znaczenie samodzielności zmniejsza się wśród celów pożądanych, a posłuszeństwo znacznie częściej wymieniane jest jako cecha dziecka idealnego.

Cele, które dominują w odpowiedziach wychowawców, mogą zostać przedstawione także w kontekście dotychczasowych badań, gdzie zostały one pogrupowane według wartości. Porównywanie z kategoriami wyodrębnionymi przez Dixa[1] wskazuje, że cele znane odnoszą się do celów socjalizacyjnych lecz cele pożądane więcej odpowiadają celom skoncentrowanym na rodzicach oraz celom, skoncentrowanym na relacjach. Nawiązując do badań T. Tulviste[2], w których cele wychowania zostały uporządkowane na podstawie klasyfikacja wartości według Schwartza należy podkreślić, że w naszych badaniach wśród celów znanych dominują cele, odnoszące się do wartości kierowanie sobą (niezależność w myśleniu i działaniu, kreatywność, wolność, autonomiczne wybieranie własnych celów) oraz przystosowanie (ograniczanie własnych dążeń i działań, które mogłyby szkodzić innym lub naruszyć społeczne normy,posłuszeństwo, samodyscyplina, szacunek wobec starszyc). Zestawiane celów pożadanych z wartościami ujawniło, że większość z nich odnoszą się do przystosowania, hedonizmu (osiągnięcie szczęścia, radości) oraz życzliwości (troska o dobro najbliższych, rodziny, miłość) Należy zaznaczyć, że we wskazanych badaniach Tulviste rodzice z Estonii i Finlandii preferowali cele związane z życzliwością i kierowaniem sobą. Próby wyjaśnienia cenności celów wyznaczonych przez polskich rodziców i dziadków pokazały, że ustalenie relacji

[1] T. H. Dix. *Parenting on behalf of the child: Empathic goals in the regulation of responsive parenting.* [in:] I.E. Sigel , A.V. McGillicuddy-DeLisi , & J.J. Goodnow (Eds.), *Parental belief systems: Psychological consequences for children.*Vol. 2, Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1992, pp. 319-346.

[2] T. Tulviste, M. Ahtonen. *Child-Rearing Values of Estonian and Finnish Mothers and Fathers.* [in:] *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 38, 2007, pp. 137-155.

między celami a wartościami nie jest łatwe, ponieważ niezbędna jest pewna refleksja nad sobą, uświadomienie własnych wartości oraz czasu do rozważań.

Najczęściej rodzice i dziadkowie łączą cele z koniecznością przystosowania do różnych okoliczności i sytuacji oraz ułatwienia życia. Na drugim miejscu –znajdują się wartosci ostateczne (piękno, dobro, godność, patriotyzm). Osiągnięcie autonomii i niezależności osobistej oraz samorealizacja są ważne dla mniejszej ilości osób badanych.

Oczywiście wychowawcy nie zastanawiają się codziennie nad relacjami między celami a wartościami, ale wartości uwarunkują większość wyborów i postępowań na poziomie nieświadomym. W sytuacjach niezgodności między celami znanymi a celami pożądanymi pokonywanie tych sprzeczności staje się możliwe przez zwrócenie do wartości osobistych. W pewnym sensie rozbieżności między dwoma rodzajami celów można potraktować jako konflikt wartościowy wychowawcy.

Jedno z pytań badawczych dotyczyło sposobów osiągnięcia wyznaczonych celów. Przewidywano, że sposoby będą różnić się w zależności od celu. Jednakże wyniki badań wykazały, że najczęściej rodzice i dziadkowie mówią o oddziaływaniach wychowawczych (sposobach) beż uwzględnienia specyfiki celu. Najczęściej zostają zastosowane metody werbalne (rozmowa, tłumaczenie, czytanie), mniej niż połowa osób badanych wskazała na przykład osobisty oraz wspólne wykonywanie różnych czynności. Biorąc pod uwagę wiek dzieci, przeważające wykorzystanie metod werbalnych nie odpowiada w pełni właściwościom okresu przedszkolnego. Współdziałanie, pobudzanie do samodzielności, motywowanie, które zdecydowanie bardziej sprzyjają rozwojowi struktur psychicznych w tym wieku, a w ukrytych teoriach wychowania występowało nieproporcjonalnie mało. Absurdalne jest że dążąc do rozwoju samodzielności i własnej aktywności dziecka (najbardziej często wskazany cel) wychowawcy stosują metody, które w najmniejszym stopniu wpływają na rozwój tych właściwości (metdody werbalne i przykład). Dominowanie werbalizmu wskazuje na pewną stereotypowość poglądów dotyczących sposobów wychowania dzieci oraz ich niedostateczne uświadomienie.

Ostatni problem badawczy dotyczył znalezienia odpowiedzi na pytanie, czy są różnice w ukrytych teoriach wychowania między rodzicami a dziadkami? Okazało się, że treściowo podstawowe elementy ukrytych teorii wychowania rodziców i dziadków są dość podobne. Nie ma znacznych różnic w hierarchii ważności celów znanych, celów pożądanych oraz sposobów ich realizacji. Różnice dotyczą częstości odniesienia celów znanych do grupy „podmiotowość”. Rodzice w porównywanie z dziadkami częściej podkreślają ważność rozwoju

samodzielności, odwagi, pewności siebie, dokonywania wyborów i in. Preferowanie przez rodziców kształcenia podmiotowości u dzieci przejawia i się także w określeniu ważności celów: autonomia i samorealizacja, które ściśle powiązane są z podmiotowością, rodzice wskazują częściej niż dziadkowie. Należy podkreślić,że obie grupy badanych cenią przede wszystkim dostosowanie się do istniejących warunków życia.

Interesujaco badawczo wyglądają różnice, które dotyczą wizji dziecka idealnego. Wbrew ideom o tym, że dziadkowie akceptują wnuków bezwarunkowo, wyniki wskazują, że oni rzadziej niż rodzice oceniają swoich wnuków jako idealnych : tu i teraz (moje dziecko idealne) a wśród pożądanych cech rzadziej podkreślają cechy świadczące o pozytywnym nastroju dziecka (wesołe, radosne, szczęśliwe).Warto podkreslić, że grzeczność i posłuszeństwo dominują w odpowiedziach rodziców i dziadków. Jednakże akceptowanie dziecka oraz troska o jego dobro emocjonalne może być rozumiana jako nowa tendencja w pożądanych celach rodziców. Jeżeli rozpatrywać tą tendencję w kontekście aksjologicznym, łączy się raczej z hedonizmem, składającym się z przyjemności i zadowolenia z życia.

Można przypuszczać, że wskazane fakty w pewnym sensie odzwierciedlają zmiany wartości zachodzące w społeczeństwie – orientacja na rozwój indywidualności, wolności osobistej oraz dążenie do przyjemności życia. Wyniki badań wskazują, że sposoby osiągnięcia celów wychowania są w dwóch grupach prawie takie same, za wyjątkiem tego, że rodzice bardziej wierzą, że różnorakie gry edukacyjne oraz zajęcia dodatkowe i przedszkole wpływają na osiągnięcie zamierzonych przez nich celów.

Podsumowując, należy stwierdzić, że treściowo ukryte teorie wychowania współczesnych rodziców w znacznym stopniu korelują z ukrytymi teoriomi ich rodziców (dziadkowie). Innymi słowy dziadkowie przekazują swoje doświadczenia wychowawcze dorosłym dzieciom lecz różnorakie oferty edukacyjne często zostają w tyle ukrytych teorii wychowania, transmitowanych między pokoleniami. Ukryte teorie są bardzo mocnymi przesłankami, które, mając charakter nieświadomy, są odporne na zmiany. Niedostateczna elastyczność w poglądach rodziców może przeszkadzać formułowaniu celów oraz poszukiwaniu skuteczniejszych sposobów wychowania dzieci, odpowiadających ich wiekowi. Wyniki przeprowadzonego badania pobudzają do rozważań nad tym, w jaki sposób można uzupełnić ukryte teorie rodziców.

Bibliografia

Dix T. H. *Parenting on behalf of the child: Empathic goals in the regulation of responsive parenting* .[in:] I.E. Sigel, A.V. McGillicuddy-DeLisi , & J.J. Goodnow (Eds.), *Parental belief systems: Psychological consequences for children.* Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1992, pp. 319-346.

Goodnow, J. J. *Parents' ideas, actions, and feelings: Models and methods from developmental and social psychology*.[in:] *Child Development,* 59(2), 1988286–320.

Goodnow, J. J. Cultural Perspectives and Parents' Views of Parenting and Development: Research Directions .[in:] *Parenting beliefs, behaviors, and parent-child relations: a cross-cultural perspective*. Edited by Kenneth H. Rubin & Ock Boon Chung. 2006,Pp. 35-60.

Goodnow, J. J., & Collins, W. A. (). *Development according to parents: The nature, sources, and consequences of parents' ideas*. Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 1990.

Hirsjärvi S., Perälä-Littunen, S. *Parental beliefs and their role in child-rearing. European*. [in:] *Journal of Psychology of Education*, 16, 2001,pp. 87–116.

Hastings P.D, Grusec J.E. Parenting goals as organizers of responses to parent–child disagreement. Developmental Psychology, 34, 1998, 465–479.

Hawk, C. K., Holden G. W. *Meta-Parenting: An Initial Investigation into a New Parental Social Cognition Construct*. [in:] *Parenting: science and practice,* 2006, October–December Volume 6 Number 4 Pages 321–342

Kuczynski, L. . *Socialization goals and mother-child interaction: Strategies for long-term and short-term compliance.* [in:] *Developmental Psychology* ,20, 1984, 1061-1073

Leontiew A.N. *Dejatelnost, soznanie, licznost*. Moskwa, Politizdat, 1975.

Lysiuk L. *Razwitije celepolagania u detej 2-4 let.* Brest. Brestskij Uniwersitet im. A.S. Puszkina, 1997.

Mills, R., Rubin, K. *Parental beliefs about problematic social behaviors in early childhood*.[in:] *Child Development*, vol. 61, 1990, pp. 138-151.

Przetacznik-Gierowska, M., Włodarski, Z. *Psychologia wychowawcza*. T.2, Wydawnictwo PWN. 2014

Szedrowickij G.P. *Izbrannyje trudy*. Moskwa, Szkoła Kulturnoj Politiki. 1995

Śnieżyński, M. *Wiedza rodziców o wychowaniu swoich dzieci*. Wydawnictwo Naukowe Akademii Ignatianum w Krakowie, Kraków. 2019.

Tulviste T., Ahtonen M. (). *Child-Rearing Values of Estonian and Finnish Mothers and Fathers*. [in:] *Journal of Cross-Cultural Psychology;* 38; 2007, 137-155.

Wygotskij L.S. (). *Myszlenie i recz*. [w:] *Sobranie soczinienij*, T.2. Moskwa. Izdatelstwo „Pedagogika”, 1982.

Ад рэдакцыі

Беларусь і Свет (БіС ВБА) - афіцыйнае выданне Беларускай Акадэміі, мэтай якога з'яўляецца заснаванне і развіццё адмысловай пляцоўкі для вольнай публікацыі і адказнага абмяркавання артыкулаў па найбольш актуальных пытаннях сучаснасці, перш за ўсё – з пункту гледжання таго, што адбывалася, адбываецца і будзе адбывацца ў Беларусі. Праблемнае поле вызначае і профіль публікацый: альманах змяшчае арыгінальныя навуковыя працы па філасофіі, эканоміцы, праву, сацыялогіі, паліталогіі, гісторыі, культуралогіі і мастацтвазнаўству, педагогіцы і псіхалогіі, філалогіі і іншых галінах гуманітарнай навукі. Разам з тым, спектр публікацый можа быць пашыраны, улічваючы навуковыя інтарэсы як сяброў Беларускай Акадэміі, так і калег, якія зацікаўленыя ў вольным выказванні сваіх навуковых ідэй і меркаванняў.

Усе артыкулы, якія друкуюцца ў альманаху, праходзяць абавязковую працэдуру рэцэнзавання. Рэцэнзентаў абірае Рэдакцыйная Рада з ліку сяброў і партнёраў Беларускай Акадэміі, якія з'яўляюцца прызнанымі навуковымі экспертамі па дадзенай праблематыцы.

Да публікацыі прымаюцца арыгінальныя тэксты на беларускай, украінскай, польскай, ангельскай і рускай мовах з прыкладаннем звестак пра аўтара (імя і прозвішча на мове артыкула і ангельскай), назвы, анатацыі і ключавых словаў на мове арыгінала і на ангельскай. Афармленне тэкстаў, спасылак і бібліяграфіі робіцца па ўзору публікаваных ў альманаху артыкулаў.

Рэдакцыя пакідае за сабой права адхіляць дасланыя ў яе адрас матэрыялы, калі яны не адпавядаюць навуковаму ўзроўню альманаха, або аформлены без уліку патрабаванняў да публікацыі.